

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 5(41), 2016

*Культурная мощь
Русского мира*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Песня – божественный дар русского народа
- 6** **Культурная мощь Русского мира**
(*круглый стол*)
- 14** **Молдавия и Россия. Конференция Изборского клуба**
- 24** Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ.
О перспективах развития государственной политики России в области культуры
(*авторский экспертный доклад Изборскому клубу*)
1. РОЛЬ, ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ (стр. 27)
 2. СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (стр. 32)
 3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА (стр. 34)
 4. ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ (стр. 38)
 5. СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ И ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕННОЙ НА НЕГО ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ (стр. 41)
 6. МЕЖДУНАРОДНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (стр. 45)
- 48** Наталья ОВЧИННИКОВА, Юрий КОВАЛЬЧУК.
На культурных фронтах Русской весны
(*обзорный экспертный доклад*)
- 66** Виталий ДАРЕНСКИЙ.
О современной военной литературе Донбасса
- 74** Александр ДУГИН.
Быть русским – предназначение
- 76** Олег РОЗАНОВ.
О высокой сложности России
- 80** Галина ИВАНКИНА.
Русский мир: очерки культурного стиля
- 90** **О Русском мире и русском языке**
(*беседа руководителя телеканала «Спас» Бориса КОСТЕНКО с зампредом Изборского клуба Виталием АВЕРЬЯНОВЫМ и профессором МГУ Владимиром ЕЛИСТРАТОВЫМ*)
- 102** Захар ПРИЛЕПИН.
«Меня кусала злая вша...» (национализация Башлачёва)
- 106** **Библиотекарь**
- 107** **Хронология мероприятий клуба**
- 108** Стихи Александра БАШЛАЧЁВА.
По Руси по руслу течёт река

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 5(41), 2016 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Подготовка и публикация данного выпуска журнала осуществляется в рамках проекта АНО «Изборский клуб», в котором используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 79-рп от 01.04.2015 и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Союз пенсионеров России».

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 02.08.2016

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1200 экз. Заказ № 1193

/ Александр ПРОХАНОВ /

Песня – божественный дар русского народа

Орёл — чудесный русский город великих сражений, побед и волшебного русского слова. Основанный Иваном Васильевичем Грозным 450 лет тому назад, в августе он справляет свой юбилей. Город полон движения красоты. Фасады его отмечены особым блеском, напоминают медовые или слюдяные сверкающие чудеса. Много тревог, ожидания торжеств, дорогих гостей, быть может, даже Светлейшего.

Но если покинуть этот губернский город, который утратил свой стародавний захолустный оттенок и блещет новизной, красотой, и удалиться в сторону от крупных шоссе магистралей, от железных дорог, то окажешься среди дивных русских городков, названия которых тебе не были известны. Эти городки удивительно напоминают сохранившиеся маленькие музеи, в которых дышит прежний русский уклад: купеческий, дворянский. По улицам этих городков когда-то катилась пролётка, где сидел Тургенев, отправлявшийся на охоту. Мимо этих лабазов, ампирных особнячков шёл Бунин, наполняясь удивительной рускостью, которую воспел в «Юности Арсеньева».

Один из таких городков — Болхов — стоит на крутых бирюзово-зелёных холмах у реки. Миленькие, крохотные домишки, погосты, два огромных собора. Один из них наивный, наполненный провинциальной прелестью, эклектический: то ли барочный, то ли класси-

ческий. Другой величественный, восхитительный — один из последних соборов русского нарышкинского барокко. Зачем ехать в Геную, в Падую, зачем ехать в Венецию, чтобы полюбоваться на шедевры архитектуры? Вот — шедевр, удивительная простота: красные кирпичные стены и наличники резного белого камня. Каждый наличник, каждое окно — это окно в неведомые миры, в русский рай. Отсюда, от этого собора видны бесконечные холмы, перелески, маленькие тихие степные речки, леса. И ты стремишься в эти дали, едешь по этим далям. Едешь по безлюдному, почти без автомобилей шоссе, напоминающему просёлочек, а по сторонам, среди дубрав, среди берёзовых рощ смотрят на тебя исчезнувшие дворянские усадьбы, ушедшие дворянские роды. За этим перелеском была усадьба Афанасия Фета, а за тем — усадьба Лескова. За этим — усадьба поэта Дениса Давыдова...

И все эти родовые фамилии, помещики, провинциальные и столичные писатели, приезжавшие сюда отдыхать и писать свои восхитительные стихи, все рождаются, ездят друг к другу в гости, перемешиваются, создавая удивительные ансамбли русского дворянского литературно-культурного уклада.

Ты уже не думаешь о сегодняшних московских страстях, ты стал наивным и, разговаривая с какой-нибудь богомолкой, почти веруешь, что здесь, по этому полю шёл крестьянин и сохой или плугом вывернул из земли

Ты ждёшь первого звука, первого всплеска песни. Вот он раздаётся. Поёт пожилая женщина, и голос её звучит слабо, как бы надтреснутый и печальный.

Он поднимается высоко и потом готов упасть. Но его подхватывает другой голос, более молодой и сильный. Они сплетаются, как две лозы, и тянутся ввысь, к потолку.

И опять ослабевают и готовы упасть. Но на помощь им приходит весь хор, всё многоголосье, всё сильное, красочное, сочное звучание, и начинается песня — долгая, без конца.

икону, и она стала чудотворной. А на берег этой речки вышел когда-то рыбак и увидел, что по воде плывёт икона. Он выудил её, и она тоже стала чудотворной. А третий человек ходил по красным сосновым борам и видел, как на соснах была явлена икона, и она тоже чудотворная.

Сосны удивительного орловского полесья. Когда среди полей вдруг возникают чудесные красные сосновые боры, которые тянутся на многие километры. В этих борах, на этих лесных озёрах, на болотах охотился Тургенев. И ты увидишь колодец, из которого он пил воду. Увидишь тропку, по которой он пробирался, скрадывая тетерева. Среди сосен — заросший деревьями огромный старый курган какого-то скифского вождя. И не удержишься от того, чтобы подняться на курган, наполнить чарку и помянуть безвестного воителя. И тут же второй курган, где было урочище легендарного Кудеяра-разбойника — того самого, о котором поётся песня, как он вместе с двенадцатью разбойниками пролил кровушку многих честных крестьян, прежде чем стал старцем, святым Питиримом. Это тургеневские места, тургеневские названия. Льгов, где он писал свои рассказы. Где-то здесь таится Бежин Луг. И здесь же Тургенев писал своих «Певцов» — удивительное произведение о русской песне, о русском звуке, русской красоте, о божественной силе русских деревенских голосов.

В селе Ильинское Дальнее есть хор, что поёт исконные русские песни: обрядовые, свадебные, величальные, походные, солдатские, разбойные. Когда-то все деревни вокруг пели эти песни, и они вечерами, во время празднеств

взлетали вверх, как костры, озаряя великие пространства. Потом эти костры почти совсем погасли. Мало искорок осталось и в этом селе, в Ильинском Дальнем. Но искорку подхватили местные люди, сберегли её, поместили в лампаду.

И теперь в селе поёт народный хор. Как сладко было слушать его, когда в избе с венцами, с белёной русской печкой собираются десять-двенадцать певцов. Пожилые женщины и совсем ещё девочки, есть и мужчины. Все они в белоснежных домотканых одеждах, не сшитых на заказ в современных мастерских, а найденных, вынутых из сундуков. Алые вышивки, головные уборы, кики, усыпанные старыми жемчугами. Вот певцы садятся пред тобой и собираются петь. Они сосредоточены, почти угрюмы, каждый погружён в себя. И ты ждёшь первого звука, первого всплеска песни. Вот он раздаётся. Поёт пожилая женщина, и голос её звучит слабо, как бы надтреснутый и печальный. Он поднимается высоко и потом готов упасть. Но его подхватывает другой голос, более молодой и сильный. Они сплетаются, как две лозы, и тянутся ввысь, к потолку. И опять ослабевают и готовы упасть. Но на помощь им приходит весь хор, всё многоголосье, всё сильное, красочное, сочное звучание, и начинается песня — долгая, без конца. Песня, славящая былых воителей, подвижников. Песня про коней, про орлов. Песни могут длиться пять минут, десять, пятнадцать — до бесконечности. И в этом суть протяжной русской песни.

С какой-то минуты что-то меняется в доме, меняется в избе, начинают светлеть тёмные венцы, светиться погасшие было лица, сиять глаза. Свет ярче, сильнее. И на каком-то переливе вдруг кажется, что вся изба наполняется сверкающим светом. Брёвна становятся золотыми, потолок раздвигается, и ты летишь в эту лазурь вместе с песней. И испытываешь такую сладость, радость, такое упование, в тебя вливаются такие могучие силы, будто песня проточила коридоры в глубокую древность — туда, где мы все зарождались как народ, где были нетоптанные луга, огромные звёзды, где люди изъяснялись друг с другом длинными, наполненными гласными звуками словами.

Песня — божественный дар русского народа. Через песню наш народ соединяется с могучими источниками силы, с источниками таинственных древних знаний. Эти песни и делали нас народом. Песни должны

звучать и ныне. Русские предприниматели, которые скопили первый свой капитал и вдруг прониклись национальным сознанием и национальным чувством, жертвуют на храмы, на алтари. И это чудесно. Потому что каждый молитвенник, каждый алтарь поднимает нас ввысь, в фаворскую лазурь. Но, может быть, найдутся русские предприниматели, которые начнут поддерживать хоры, создавать хоры, приносить им свои дарения. Потому что каждый такой хор, возникнув, усиливает нас, создаёт из нас крепкий народ, преодолевает в нас уныние и слабость. Недаром в молодых государствах, которые хотят выстроить своё национальное сознание, поют все: школы, сёла, поют города, проходит огромное количество фестивалей песен. И не какие-нибудь рок-н-роллы или кантри. Песни исконные, древние, народные.

Ещё недавно в Советском Союзе существовали знаменитые хоры: Северный народный хор, Уральский народный хор, Хор донских казаков. И, конечно же, Хор кубанских казаков.

Большинство из этих хоров потускнело, поувяло, их редко слышишь, они перестали быть символами нашей народной песенности. Все, кроме Кубанского казачьего народного, который возродил великий Захарченко. Он создал явление, которое требует разгадки.

Эти народные хоры создавались в период, когда кругом всё хрустело, ломалось, когда шло разорение деревни, громоздились заводы, когда формировались батальоны для будущей войны. И в эти хоры исчезающие уклады — и крестьянский, и казачий, и церковный — торопились снести свои ценности. Как это было в пору, когда на Русь надвигались нашествия и в монастыри уносили скрижали, рукописи, иконы, спасая их от пожаров и набегов. И в таком хоре, как Кубанский, сохранились эти ценности. И теперь, когда Кубань хочет возродить казачество, когда казачество опять стремится создать свой уклад, они из этой великой сокровищницы черпают свои энергии и сущности, свои казачьи поверья.

Я слушаю этих прекрасных женщин, сосредоточенных мужчин, которые сидят в избе, срубленной их собственными руками, слушаю их песни. Мне сладко, на глаза наворачиваются слёзы, я чувствую, что я им родной и они мне родные. И в песне мы все соединяемся друг с другом и со всем народом, со всей бесконечной нашей историей, и теми, кто жил до нас, и теми нерождёнными, которые наследуют эту землю. Славен хор!

Культурная мощь Русского мира

14 апреля в Международном фонде славянской письменности и культуры прошло заседание Изборского клуба по теме «Культурная мощь — недооцененный потенциал Русского мира (Культура как оружие в отстаивании суверенности цивилизации и её ценностей)». Предлагаем вашему вниманию избранные фрагменты этой дискуссии.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба:*

— Уважаемые коллеги, мы подошли к такой важной, ключевой теме, как русская культурная мощь. Хотелось бы, чтобы сегодня каждый из нас сегодня сформулировал своё понимание того, насколько культурный потенциал Русского мира задействован в нашей государственной политике с точки зрения тех возможностей, которые культура предоставляет для отстаивания наших национальных интересов, продвижения национальных ценностей. Причём ценности я бы поставил на первый план, а интересы на второй, потому что ценности — это интересы, взятые в длительном историческом измерении, ценности — это интересы, которые выше любых сиюминутных злободневных нужд. В конечном счёте, как говорил в своё время Достоевский, бескорыстные ценности оказываются выгоднее, чем сиюминутные интересы.

Второй момент, который хотелось бы услышать, это насколько органично вписывается культурный опыт русской цивилизации в современную ситуацию, насколько он работает сегодня в должной

мере, насколько пропорционально этот опыт представлен. И третий момент, вытекающий из двух предыдущих, — как сегодня Русскому миру нужно использовать эти инструменты — культурные, культурологические? Что сегодня можно было бы сделать в этой области?

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
*профессор, доктор
политических наук:*

— На мой взгляд, ментальность, родившая отечественную культуру как уникальное явление, сформирована тремя основными алгоритмами: это эгалитаризм, мессианство и радикализм. Причём радикализм выражается как в последовательности радикальных действий и целей, так и в нетерпимости к любым проявлениям зла.

При работе над концепцией государственной культурной политики нам удалось несколько сдвинуть официальные основы в более правильном направлении. И мы там определяли понятие культурного суверенитета, которое, кстати, вошло в подписанную 31 декабря прошлого года президентом новую редакцию концепции «Стратегии национальной безопасности», где целый раздел посвящён культуре. Там говорится о защите культурного суверенитета от угроз со стороны внешней информационной агрессии и энтропии массового потребительского общества. Понятие «культурный суверенитет» подразумевает право каждого народа и страны руководствоваться образцами, ценностями и нормами поведения, выработанными в ходе их истории. У страны и народа есть право противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации и разрушению значимых для него образцов поведения, ценностей, этических, эстетических и бытовых норм.

Основная уникальность и значимость русской культуры заклю-

чается в том, что это открытая интегративная система: всё время насыщая себя и принимая иные культурные образцы, русская культура преобразовывала их, представляя более высокие достижения. Когда дан старт европейскому театру и привычному русскому театру? В XVIII веке он начинает развиваться почти с нулевой отметки, но через сто лет это лучший театр в мире! Когда были написаны первые романы в Западной Европе? Это XIV–XVII века. В России принято считать первым романом «Евгения Онегина», но к концу XIX века у нас лучшие романы в мире, как и балет, и живопись. В мире почти не сохранилась школа классической живописи, и изучать её едут сюда. На фоне неспособности Европы сопротивляться массовой культуре потребления наша страна сумела вместить в себя лучшие чужие образцы как мировую сокровищницу и одновременно капитал, способный к воспроизводству. Русская культура могла брать чужие сюжеты, чужие образы и создавать из них то, что отличало её в системе национальных ценностей и художественных приоритетов и что было по сути дела принято другими народами, то есть она дарила это другим народам. Наша отечественная культура — это последнее, что осталось от культуры классики и модерна Западного мира.

Мы шли в гору, и это было одно направление, одно знамя, сейчас мы покатались с горы. И в этом отношении лидером будет не тот, что побежит быстрее всех с горы, вниз, а тот, кто сможет поднять знамя сопротивления этому откату, кто сможет его сохранить. В этом отношении прогрессом становится консерватизм.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Когда вы говорите про возможность обращения широкой аудитории к высшим культурным образцам, сразу возникает вопрос: как можно обеспечить

донесение высоких культурных образцов и их усвоение на массовом уровне? Я склонен думать, что всё качественное, всё глубокое воспитывается в человеке только под большим давлением. Оно не будет усваиваться само по себе. Хотя, конечно, может быть, Владимир Владимирович Бортко поправит меня и скажет, что всё талантливое, творчески состоятельное прокладывает себе дорогу вопреки любым обстоятельствам.

Тем не менее есть здесь определённое недоумение, связанное с тем, что расслоение культуры, разложение культуры зашло уже очень далеко. Что я имею в виду? В России с некоторым запозданием — и в этом наше историческое преимущество — наблюдается расслоение культуры, которое можно описать по трём линиям. Во-первых, это расслоение между культурными кодами поколений. Ещё есть вещи, объединяющие разные поколения, но языки культурного потребления уже в значительной степени разные. Во-вторых, это расслоение между классикой, фольклором, церковной, бытовой, экспериментальной ветвями культуры и т.д. Идёт разделение на мелкие субкультуры, возникает изоляционизм этих «мирок». Третий момент — это расслоение между так называемой элитарной, эксклюзивной культурой и тем, что называется многотиражной, массовой культурой. Формируются касты культурного потребления. Но элитарность сегодняшняя ложная, потому что язык этой культуры не обеспечивает глубину понимания реальности — это скорее определённое зазеркалье символических решений и художественного языка.

Сегодня упаднические образцы массовой культуры вытесняют высокие. Потому что сам процесс культурного выбора уже в значительной степени спонтанный. И возникает вопрос: что же в этой ситуации в принципе можно сделать? На мой взгляд, едва ли не единственный ответ:

для остановки регресса и утверждения высоких культурных образцов необходим общественный класс — носитель высокой культуры. На сегодня такой класс в России есть — это наша «постсоветская» интеллигенция, хотя на первый взгляд она разделяется на внутренние партии. Но, как показывает опыт общения Изборского клуба в регионах с местными интеллектуалами, в большинстве своём наша интеллигенция настроена на то, чтобы воспроизводить и транслировать культурную «контрреформацию». Проблема в том, что данный класс у нас никак в этом отношении не объединён.

Что необходимо сделать, чтобы вдохновить и сплотить этот класс? Этого можно достичь через преодоление текущего распада культуры и идею нового Большого стиля. Большой стиль может быть реализован не на теоретическом уровне, а только на уровне конкретных символов, художественных и культурных решений — это конкретные фильмы, полотна, акции, выдающиеся произведения. Естественно, оружием нового класса высокой культуры будет и старая культура, и старые образцы, которые мы при всём нашем желании не сможем превзойти, и не надо их превосходить, они всегда стоят выше нас. Мы стоим на плечах великанов, как говорится. Но мы тогда, уже в новом культурном контексте, сможем органично включать в него и высшие образцы прошлого.

В значительной степени тема Русского мира в последние десять лет, когда она активно муссируется, построена на идее экспансии русского языка, проведении мероприятий лингвистов, филологов, тотального диктанта, на том, что нужно делать ставку на русскоязычную диаспору, и так далее. Первоначально концепция Русского мира родилась в конце 80–90-х годов у тех авторов, которые действовали на волне распада, разрушения всей национальной

системы нашей жизни и предложили удовольствоваться определённым паллиативом, смириться с тем, что нет больше мощной русской цивилизации, но зато — странный обмен! — есть большая русскоязычная диаспора за рубежами территориально сжавшейся страны.

Давайте сравним ситуацию, которая была в конце 80-х годов с нынешней. Мы увидим, что русский язык при всей его огромной лингвистической мощи, при всём том, что он всё такой же великий и могучий, безусловно, утратил за эти 25 лет огромное пространство культурной и смысловой гегемонии. Почему он потерял его? Потому что в конце 80-х годов на русском языке можно было соприкоснуться практически со всей полнотой мирового культурно-научного тезауруса. Все последние изобретения, исследования — всё на русском языке можно было увидеть и почерпнуть. В этом смысле русский язык был передовым и адекватным инструментом овладения миром. Сегодня только английский может претендовать на такие возможности, и в какой-то второстепенной роли немецкий, французский подтягиваются к английскому. Русский язык очень сильно отстаёт — вместе с русскоязычной наукой, образованием, культурой в целом... Уже по этой одной причине русский язык не может считаться сегодня ключевым инструментом продвижения, в том числе и русской культуры. Ему нужно вместе с наукой, вместе с образованием, вместе с культурой и другими нашими сферами жизни возвращать этот потенциал, расти, подрастать до утраченного уровня, для того чтобы стать действительно конкурентным и чувствовать себя сильным.

Владимир ЕЛИСТРАТОВ,
доктор культурологии,
профессор МГУ:

— Относительно Русского мира я и соглашусь, и не соглашусь. Действительно, паллиатив полный,

и я как раз в конце 80-х впервые столкнулся с понятием Русского мира. Это была какая-то абсолютная абстракция, и было непонятно, что с ней делать. Я в течение уже почти десяти лет везде езжу с фондом «Русский мир» и вижу всё это изнутри. Пусть будет этот фонд «Русский мир», он делает немало полезного. При этом большие средства тратятся на представительские дела, на фуршеты. Когда мы приезжаем, например, куда-нибудь в Абхазию, приходят учителя, которые сходят буквально с гор, и у них учебники 60-х годов. Они говорят: «Ну дайте нам хотя бы учебники». А мы не можем их дать, мы обязаны их продавать.

Безусловно, перед нами стоит вызов массовой культуры, которая страшна тем, что она разъединяет людей, она создаёт всеобъемлющий супермаркет, и поэтому люди просто перестают общаться друг с другом. Фактически дело не в том, что все смотрят голливудские фильмы, а в том, что все расселись по полочкам, и уже нет такой консолидации, которая была в советское время. В этом смысле современные люди стали слабее.

Русский язык, я как лингвист могу это утверждать, флективно-синтетический. Это тот язык, на котором лучше передавать аксиологические вещи, лучше передавать ценности. Другие языки, аналитические, более прагматичные, они больше левополушарные, наш же больше правополушарный. В этом смысле в порядке дискуссии лингвоцентризм определённый для продвижения ценностей и идей Русского мира необходим. И свой родной язык, так сказать, правополушарный, я всячески хочу возвысить.

Что надо сделать в первую очередь? Нужно ввести один предмет — русский язык и литературу, или, по крайней мере, при двух предметах вернуться к форме сочинения как основного экзамена. Я понимаю, что такое решение

звучит как-то простенько. Однако я убежден, что это фундаментальный момент. Сегодня курс «Русская и всемирная литература» может занимать 8 часов на факультете иностранных языков в международном университете. За восемь часов я должен от Гомера до Бодлера всё рассказать. Это страшный сон!

И для всех поступающих во все вузы на все факультеты этот экзамен должен быть обязательным. Кровь из носу! Все говорят – зачем физику Наташа Ростова? А вот пусть будет, и всё! И я с вами согласен, что здесь определённый элемент насилия есть. Все традиционалистские культуры – это культуры, которые не боятся насилия в хорошем смысле. Ведь толерантность доходит до того, что я не имею права, к примеру, американских студентов заставлять учить наизусть два четверостишия, потому что это, дескать, нарушение прав человека.

По-моему надо всячески лоббировать, извините за нерусское слово, детские каналы и детскую литературу. У меня младший сын «Карусель» смотрит. В прайм-тайм по «Карусели» идут исключительно американские, английские, какие угодно мультфильмы. Какой язык-то там? Вот есть огромное число русских междометий: «Господи ты боже мой!», «ой», «аиньки» и так далее. Сейчас, и это я изучал специально, все междометья фактически заменяются одним – это междометие «О нет!». Причём это такая же интонация, как «А компот?». Это какая-то чёрная дыра, а на деле это калька с английского «Oh no!». У меня есть один акушер знакомый, у него уже рожаящие девицы кричат во время родов: «О нет!»

Владимир БОРТКО,
кинорежиссер,
депутат Госдумы:

– Меня в нашем разговоре интересуют прежде всего две вещи – что есть Русский мир и что такое сама культура. Ибо, насколько я знаю, культура – понятие из

начально чисто агрономическое, то есть это возделывание растений, сельскохозяйственная деятельность. А что имеется в виду под культурой сейчас и зачем она вообще? Культура есть, мне кажется, какой-то код, скрепляющий, я бы сказал, даже не жителей страны – скрепляющий племя. И поэтому меня очень беспокоит в последнее время существование русского народа не где-то там, а в самой России. Я спрашиваю себя, где я чаще всего вижу русские лица? И обнаруживаю их в охране. Это не шутка, это так и есть. Они ещё, правда, существуют и в армии, слава богу. Здесь, очевидно, скрывается национальный менталитет.

Что есть Русский мир? Русский мир – это пределы того сужающегося пространства, где ещё сохраняется русский народ. Тут было сказано о том, что культура наша чуть ли не является доминирующей в мире. Но это далеко не так! Если нас где-то похвалили за экранизацию западной классики – это подкачка с царского плеча и только.

Мы же на задворках мировой истории сейчас находимся. И сегодня здесь было правильно сказано, что ареал Русского мира сузился очень сильно, в том числе и влияние нашего языка сузилось...

Я бы сказал несколько слов по той тематике, в которой я специалист. Почему американское кино лучшее в мире? Оно, во-первых, профессиональное, чего в России нет. Во-вторых, оно дорогое, а это означает простую вещь – кино, да будет вам известно, друзья мои, посещают люди в возрасте от 12 до 36 лет. Дальше люди смотрят телевизор. Это совершенно два разных пласта, которые никак не связаны друг с другом, – кинозритель и телевизионный зритель. Кинозритель вместе с современным дорогим кино вкушает плоды новейших достижений науки и техники. В кинотеатре скоро будет трястись пол и потолок, будет полное впечатление, что вы находитесь внутри этого фильма. Можем мы пытаться такое делать? Нет, не можем. По одной простой причине – один такой

кинофильм стоит дороже, чем вся наша кинематография.

Итак, на кино воспитывается молодое поколение. И дело не в том, что американский фильм плохой. Нет, он хороший, он всегда несёт только положительный заряд. Но — с американским флагом в конце, это обязательно, это сто процентно. Когда говорят, что молодёжь ушла с телевидения в Интернет, — это не так. Какая-то часть и хотела бы уйти, но всё равно смотрит телевизор. А в телевизоре сегодня абсолютно нет ничего общего с русской культурой.

У нас есть несколько вещей, скрепляющих этот несчастный, уничтожающий себя Русский мир. Во-первых, это, конечно, язык. Во-вторых, как ни странно мне,

коммунисту, говорить об этом, это церковь. Это последняя скрепа — нелюбимое либералами слово, — которая скрепляет народ. Почему? А что ещё у нас есть? Да ничего! В былые времена царь-батюшка был скрепляющим началом. Потому, когда начали выделяться национальные элиты, собственно тогда и пришёл конец империи. И произошла при советской власти удивительная вещь — очень мощное скрепление страны на одной идее: нет ни эллина, ни иудея, и провозглашено строительство Нового Человека. Плохо это или хорошо, но это работало. И война доказала, что эта система работала: мы выдержали войну! Ибо Адольф Алоизович думал, что мы расколемся, разбежимся, но этого не произошло.

А что сегодня скрепляет страну, кроме языка и веры? Три вещи. Первая — Владимир Владимирович Путин, плох он или хорош, можно относиться к нему так или эдак, но это скрепляет страну. Второе — СОБР, ОМОН, а теперь вот Национальная гвардия. И третья — телевизор! Уберите любую из этих скреп, и от страны не останется ничего. А хотелось бы, чтобы осталось.

Значит, нужна какая-то другая идея, объединяющая всех нас. И это никак не идея демократии, что я могу доказать наглядно. Допустим, я татарин и хочу избираться, а у нас полная демократия, я прихожу к татарам и говорю: «Татары, угнетаемые пятьсот лет русским империализмом! Голосуйте за меня! Вот текут наши сердца по Волге к нашим братьям!» Я выиграю выборы запросто. Что делают здесь, в Москве? Либералы не либералы — не важно — сразу ОМОН вызывают! И правильно делают! И так происходит суверенная демократия. Наша страна устроена совершенно иначе, чем, например, Франция, Англия. У нас есть национальные территории, которые даже имеют гимн, имеют флаг, имеют президента, свою столицу.

И по поводу скрепы телевидения. Как я уже сказал, телевидение такое же имеет отношение к Русскому миру, к России вообще, как я к китайскому императору... И непонятно, что с этим делать, потому что телевидение ничем и никем не управляется. А ведь оно при этом существует для того, чтобы скреплять страну... В отличие от него кинематограф ещё как-то управляется Министерством культуры.

Самое главное, что я хотел сказать: фронт борьбы за Русский мир, за русскую культуру проходит не там, а здесь — в Москве! Вот здесь начинается Русский мир, вот здесь надо что-то делать и бить во все колокола! Потому что конец Русскому миру придёт не откуда-то оттуда, а отсюда.

Алексей ВАЙЦ,
*вице-президент движения
«Переправа»:*

— Культура требует усердного труда, как в Священном писании сказано, пота, чтобы что-то родилось. Сорняк растёт сам. Поэтому культура — это, конечно же, усилия. Её невозможно оторвать от политико-экономической части, невозможно оторвать от идеологии, от мировоззрения и невозможно оторвать от духовной жизни. Культура — это всё.

Мы избрали в нашей работе апофатический метод, и, конечно, Русский мир открывается человеку не материалистического мировоззрения. Русский мир — это Святая Русь, это фасад Святой Руси. А Святая Русь сокрыта глубоко, как град Китеж. И Русский мир скорее придумали иностранцы, которые приехали сюда с Петром. И для меня, как для немца по своей родословной, Русский мир всегда существовал, потому что всегда были «мы» и «они». Я помню даже времена в школе, когда мне предлагали копыта показать, совершенно непонятно, почему.

Гуго Густавович Вормсбехер, наш немецкий публицист, очень ёмко сказал: «Русские немцы — дети смешанного брака, в которых удивительным образом сочетается немецкая прагматичность с русской созерцательностью». Вот созерцательность — это то, что является сегодня реальным преимуществом Русского мира. Русский человек как-то прикреплен некоей частью своего ума к этому миру отечества горного, который он видит и созерцает. Не все с этим соприкасаются воочию, но все чувствуют, что что-то там есть.

Мне кажется, что здесь у нас есть некая внутренняя точка опоры, опершись на которую, мы можем дальше развивать некие свои, как я их называю, культурные, гуманитарные стратегии. Святая Русь в гроте, она сокрыта от мира и вообще мало кому открывается.

Русский же мир представляет собой фасадную, базилическую культуру, проявляющую это сокрытое в мире и во времени. В чём это выражается? Во-первых, у нас 193 национальности процветают в нашем веротерпимом материнском «бульоне» русской культуры, и наша задача — сохранить и дальше культурную, национальную и религиозную идентичность всех народов, исторически связавших свою судьбу с Россией. И Русский мир выражается в ценностях, которых я бы назвал семь, расставив их по приоритетам: это вера, семья, труд, служение, историческая память, отечество и язык.

Я был изумлён, когда из уст лидера услышал фразу 7 ноября 2014 года на заседании Русского географического общества, что высший смысл жизни есть любовь. Гениально. Потому что русская национальная идея была написана 2 тысячи лет назад на Голгофе. Любовь применительно к гражданскому обществу — это что такое? Служение. Какое? Жертвенное. Вот мы должны рассмотреть сегодня принцип служения, о котором сам Христос говорит своей миссией через призыв служения. Он говорит: «Я пришел в мир не для того, чтобы Мне послужили, но чтобы самому послужить». По сути дела, Россия как некое отечество, предвещающее отечество небесное, в себе самой содержит этот код — служения, то есть жертвы миру: «Я для мира».

Знаете, я много путешествую, за сезон проезжаю по 30 тысяч километров. Всегда останавливаюсь у бабушек и дедушек, в палатках почти не живу. Баба Валя, село Терпигорьево Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Я сижу после бани, распаренный, говорю: «Баба Валя, а телевизор-то смотрите?» — «Ой, нет, там всё больше кричат». Гениально, да? «Там кричат, там никто нормально разговаривать не может». Я говорю: «А чего в мире-то происходит, баба Валя?»

И тут она пускается в рассуждения. Она говорит гениальные вещи. Она говорит: «Вот раньше за что бы мы ни взяли, над нами впору смеяться было, и смеялись ведь. А теперь за что они ни возьмутся, нам впору над ними смеяться». А что в переводе с русского на русский сказала баба Валя? Она сказала — было время, когда нам не дано было действовать, дух наш не действовал, а сейчас время пришло, когда дух действует. И дальше она закончила: «Но нам бы не загордиться». Понимаете, наша проблема, что мы реально оторвались от народа. Нам сейчас уже нужен переводчик, чтобы понять, что он говорит.

Римма СОКОЛОВА,

*доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Института философии РАН:*

— Давно назрела необходимость перейти от тревожных описаний проблем России к поиску глубинных потенциалов и возможностей её развития. И в этом отношении выдвижение культуры в центр общественного внимания, конечно, является очень актуальным и своевременным. В литературе существует около 300 определений культуры. Возникает вопрос: а в чём же различие культур? Казалось бы, все народы, все традиции занимают преобразованием природы, и тем не менее такие разительные отличия. Убедительный ответ на этот вопрос дал Данилевский. Он показал, что определяющим фактором бытия любой культуры является память о предбытии культуры. То есть в любой цивилизации есть очень длительный подготовительный период, который может длиться тысячелетиями. Именно в этот период и закладывается тот тип людей со своим образом мышления, со своей волей, со своими особенностями — и в каждой стране он формируется по-разному.

Данилевский говорил, что для западной культуры характер-

на насильственность, а для российской — терпимость. И сегодня в России также есть исследования, которые в качестве методологии берут принцип цивилизационной антропологии. Вот известный филолог Миронова в своей книге пишет о том, что язык-то у нас у всех разный, воспринимаются одни и те же понятия по-разному. Возьмём, к примеру, слово «война». В других языках это означает «хватать», «грабить», а у нас война в своем корне — это «вина». Когда уж русские поймут, кто виноват, тогда уж держитесь. То же самое относится и к понятию раба, и к понятию совести.

Между тем в России сложилось представление, что мы часть западной цивилизации. Вот это господствующее представление привело к заимствованию западных идей, ценностей, концепций, и в результате возникли даже настроения катастрофизма. В связи с этим возникает ассоциация с первородным грехом, если учитывать, что в Новом Завете грех переводится, как «промахнуться», «не попасть» в свою цель, в своё предназначение. Вот таким первородным грехом и явилось утверждение о том, что Россия — часть западной цивилизации. Однако ещё в 1993 году было проведено научное исследование, которое проходило в 60 странах планеты. Это исследование основывалось на эмпирических данных с использованием специальной методики по так называемому проекту «GLOBE». В результате этих исследований выяснилось, что российская культура в высшей степени своеобразна и далека от западноевропейской и от североамериканской, англосаксонской культуры.

Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ,
художник:

— В моём представлении подразумеваемый большой стиль включает в первом приближении такие весьма очевидные вещи, как традиция.

Традиция с большой буквы — православие и ислам в каких-то ситуациях, а в то же время и социализм, не догматический, не марксистский, а народнический, идущий от общины. А отсюда и континентализм, евразийство, по отношению к которому на другом полюсе оказываются ценности англосаксонского мира с его индивидуализмом, позитивизмом, либерализмом и компьютером как производной этого мироощущения.

Последние два года мы наблюдаем нечто невиданное, когда централизованное зрелище встречается с идеальными представлениями малых групп. Большой стиль присутствует, но он пока не явлен. Но встреченные мною в Донбассе вооружённые идеалисты говорят о том, что рано или поздно он должен состояться. И сам факт их существования убеждает меня в такой возможности. Я готов представить, что в самое ближайшее время мир изменится, и изменится до неузнаваемости. Это будут резкие лавинообразные перемены. На этом месте, на месте той жизни, которой мы сейчас здесь живем, должно быть что-то иное, а его всё нет и нет.

Александр ЕЛИСЕЕВ,
историк:

— Немножко моё выступление прозвучит здесь диссонансом. Я бы хотел выступить в защиту массовой культуры. Уже чисто логически мы должны понимать, что пока есть масса, будет массовая культура — это просто очевидно. В любом из нас есть какой-то угрюмый человек из массы. Страшно, когда общество поворачивается в сторону деструктивную, хаотическую, со знаком «минус» — это уже действительно низменный уровень.

Я очень люблю кино. И в первую очередь я люблю боевики исторические и фантастические. Это, на мой взгляд, очень серьёзная тема. Давайте вспомним, например, период противостояния СССР и США. Боевик фантастический,

под названием «Звёздные войны», сыграл роль грандиозного геокультурного робота, направленного против СССР. Что нам показали? Выдуманный мир, но мир из будущего. И этот образ был настолько сильным, что просто покорила десятки миллионов людей, и таким образом обеспечивался выбор, пусть и не до конца осознанный, в пользу американского и британского образа жизни, образа миропонимания. А мы в данном случае противопоставить ничего особенно не могли. Вообще, фантастика в советском кинематографе была очень слаба. Блестящая литература и, как правило, жуткие экранизации. К тому же их было немного.

Зато в СССР был очень мощный жанр исторического боевика, который не уступал голливудскому. Как правило, в них закладывался высочайший смысл, ведь, по сути, боевиком был и «Александр Невский» Эйзенштейна, хотя там мощный исторический и геополитический подтекст. Или возьмём советский «истерн» — это фильмы про историю Гражданской войны, про историю борьбы с криминалом. Они были разного художественного уровня, но их было достаточно много, и они ясно передавали мощную идею: борьбу порядка с хаосом, с силами отрицания и деструкции. И при этом они служили укреплению боевого духа нации. В этом смысле массовая культура имеет огромный потенциал. Как пример можно привести фильм «Одинокое плавание», который в 80-е годы пользовался огромной популярностью у школьников, но также и в странах третьего мира, которые увидели в нём ясное, доходчивое противопоставление проклятым янки.

Олег КАССИН,
лидер движения «Народный собор»:

— Задача культуры — это вести общество, человека по нравственному, духовному пути. Мы проана-

лизировали Конституцию и пришли к выводу, что у нас, в отсутствие закрепленных Конституцией идеологий, де-факто господствует идеология рынка. Нас ведут обратно, к обезьяне – к безнравственности, к аморальщине. Естественно, всё это отразилось на состоянии культуры и в том числе на деградации части культурной элиты. Мы с этим столкнулись, когда с большим трудом нам удалось добиться запрета нецензурной брани на телевидении, в кино. Мы написали заявление в Генпрокуратуру. Итог вы знаете: по 147 фильмам были отозваны прокатные удостоверения, содержащие нецензурную брань. Такой прецедент мы создали. И тут что произошло? Часть деятелей культуры во главе с Михалковым заявили о том, что нет, надо оставить право давать на всю страну этот мат – и на телевидении, и на радио. Это до какой степени надо было деградировать!

У нас рынок, к сожалению, определяет всё до сих пор. И мы видим итог вот этого навязывания современного искусства, современной постановки «Тангейзера», против которой мы выступали,

«Винзавод» и все вот эти поганые выставки Марата Гельмана, на которые были потрачены миллионы долларов бюджетных денег. И вот нам говорят, что «вы ничего не понимаете, вы маргиналы, а это новые тренды такие сейчас». И ответить мы ничего не можем, потому что у общественности нет в команде мощного экспертного пула, который бы четко дал аргументированный ответ.

И вот буквально недавно, год назад, наконец-то общество получило очень серьезный рычаг воздействия. Я говорю о принятых Основах государственной культурной политики. Там есть приоритет и русской культуры, и традиционных духовно-нравственных ценностей. И когда мы приходили к таким чиновникам, которые поощряли разные похабные выставки, спектакли и прочее и трясли перед носом этим документом, на этот раз им ответить было просто нечего. И нам удавалось пресекать очень много подобных безобразий.

Я предлагаю и призываю объединить усилия общества и деятелей культуры, экспертов, для того

чтобы всё-таки отстоять этот рычаг общественного воздействия, который у нас реально сейчас есть, добившись того, чтобы был сформирован общественный совет с нашим участием, который был бы наделён полномочиями отслеживать соответствие культурных явлений основам госполитики в области культуры, концепции и стратегии такой политики. У нас есть общественные организации, есть большое количество деятелей культуры, но не хватает экспертов, кандидатов, докторов наук, которых можно было бы использовать в качестве подкрепления здоровой позиции. Чтобы не происходило такого, как было во время пермского проекта Гельмана, когда для всех нас было очевидно, что инсталляция в виде буквы «П» из брёвен, на которую 20 миллионов рублей потратили, – это фактически хищение средств. Однако нам отвечали: «Нет, это шедевр, вы – никто, у вас нет степеней, вы ничего не понимаете в современном искусстве, мы так видим». И так они освоили несколько миллиардов рублей, потом, уйдя из этого региона, перебросили следующие проекты в другие регионы.

Молдавия и Россия Конференция Изборского клуба

*Из материалов Международной конференции «Молдавия
и Россия: общая история, общие ценности. Общий взгляд
на будущее», прошедшей в Кишинёве 2 апреля 2016 года*

МАРКЕЛЛ,
епископ Бельцкий
и Фэлештский, член
Межсоборного присутствия
Русской Православной
Церкви:

— Я призываю Божье благословение на участников этого форума со смиренной и настойчивой мольбой, дабы наши труды, наши старания по милости Божией увенчались добрыми плодами во благо людей и во славу Бога нашего. К этому испокон века стремились русские и молдавские народы, объединённые одной православной верой, одними христианскими ценностями, одной церковью, одним патриархом, одним общим прошлым и, я верю, — одним общим будущим.

Нам нужно найти ответ на вопросы: как выжить? как сохранить то, что ещё не разрушено? как вернуть к жизни то, что на протяжении столетий давало добрые плоды, а мы в начале лихих 90-х отреклись, не сознавая, что это начало нашего конца? Велик был тогда соблазн в народе. Но магический лозунг «Свобода», провозглашённый нашими западными «доброжелателями», означал не только свободу. Уже видно, что это означало внедрение лжи, хорошо скрываемой программы по трансформации нашего общества в толпу легко манипулируемых. Это и стало началом нашей деградации с последующим пленением в собственные заблуждения, искусно подпитанные щедрыми обещаниями европейских демократов, которые в реальности принесли нам территориальный и нравственный раскол в обществе, грех, аморальность, что разрушают всё доброе на своём пути.

Традиции подобных встреч, на которых обсуждались важные вопросы, были заложены ещё нашими предками. Но кому-то это не нравилось. Однако они смирялись с тем, что наши предки были единым целым. И считались

с нами, покуда мы были сплочёнными. Но произошёл раскол, который инфицировал людей разных возрастов и убеждений. Наши неприятели, спровоцировавшие этот раскол, преследуют цель — стереть историческую память в народе.

Нам говорят, что наши отцы и деды были жалкими рабами, безграмотными, дикими людьми и таковым по определению не может принадлежать заслуга в победе над фашизмом в Великой Отечественной войне. Фашистская Германия проиграла, по их мнению, потому, что в России были сильные морозы. И вообще, войну выиграл не Советский Союз, в который гармонично и органично вписывалась и моя, и наша с вами страна — советская Молдавия, а войну выиграли западные страны. Но, например, французская армия в то время насчитывала 2,5 миллиона солдат, а воевала с фашистской Германией один месяц, потеряла 84 тысячи солдат и сдалась в плен. И вся французская экономика трусливо служила Гитлеру.

В рядах Красной армии в годы войны воевало около 390 тысяч уроженцев Молдовы. 85 тысяч из них были награждены орденами и медалями. 16 человек стали Героями Советского Союза. Во время войны погибло 650 тысяч граждан Молдовы. Из них только 84 тысячи на поле брани, а 576 тысяч погибло потому, что у нас была оккупационная румынско-фашистская власть.

Молдаване воевали честно. И в холуях и в полицах у немцев не ходили. Тогда не ходили. А что сегодня?

Наши предки сплотились в единый многонациональный народ, гордо именующийся советским, и в короткие исторические сроки создали экономическую и военную мощь, способную победить фашистскую Германию. Нам противостояла, как и сегодня, вся Европа. Тогда вся Европа бо-

лела фашизмом, все европейские правительства нанимались в прислугу к Гитлеру. Вся европейская экономическая и военная мощь обрушилась на советский народ, как лавина. И несмотря на то, что Европа тогда насчитывала более 400 миллионов жителей с развитой экономикой и военной мощью, наши отцы и деды выстояли и не шли на сделку с совестью своей, не предавали Родину. И с невероятным трудом и ценой — победили. Потому что с нами всегда Бог, а Бог не в силе, а в правде. В правде, которую сегодня наши так называемые демократические руководители игнорируют.

Хочу заявить, что молдавский народ в большинстве своём не разделяет мнения руководства Республики Молдова. Между руководством и простыми гражданами образовалась непродолимая пропасть.

В молдавском народе хранится память о цене жертвы, которая была принесена на алтарь победы, а руководители наши обладают короткой исторической памятью. А некоторым из них даже стыдно себя назвать молдаванами. Сейчас модно называть себя румыном.

Дорогие друзья, мы связаны тесными узами, памятью наших отцов и дедов. Они создали великую страну, где все жили в мире и достатке. Мы должны идти по их следам, сохраняя народный суверенитет и государственную независимость. Мы обязаны интегрироваться культурно и экономически в православную цивилизацию. Только вместе мы сможем устоять перед угрозой, которая надвигается с Запада. Поодиночке нас раздавят. Нас, независимые республики (я с большим трудом произношу в адрес собственной страны «независимая республика»), входящие некогда в великий и могучий Советский Союз, наши «западные партнёры»

пытаются использовать в борьбе против России. И не дай Бог им достичь желаемого: тогда нас — молдаван, украинцев, грузин, прибалтов — отбросят, как отработанный материал.

Наша сила, наше будущее лежит в наших дружественных, экономических, культурных и религиозных отношениях. Нас пытаются натравить друг на друга. Одних из нас называют агрессорами, других — нахлебниками. Они удостаивают нас своей лицемерной улыбкой тогда, когда мы ссоримся меж собой. Давайте не дадим им превратить нас в пешек в их политических играх. Давайте дожить нашим общим прошлым. Нас многое связывает. И в первую очередь нас связывает единая вера, единая Русская православная церковь, один патриарх. Мы обязаны интегрироваться, сближаться, потому что с нами Бог.

Игорь ДОДОН,
*председатель Партии
социалистов Республики
Молдова, депутат
парламента:*

— Ваше Преосвященство, уважаемый владыка Маркелл, уважаемый Александр Андреевич, дорогие друзья! Я считаю, что 2016 год для Молдовы — переломный. Это год развязки, год, когда мы должны остановить процессы, которые разрушают нашу государственность.

Нас связывает очень многое в прошлом, но у нас есть и общее настоящее, я уверен, есть и общее будущее. История молдавско-русских политических и культурных связей насчитывает более 650 лет. Однако наша общая история имеет намного более глубокие корни. Основа нашей общей цивилизации — православие, которое наши народы восприняли от Второго Рима (Византийской империи). Ещё в I веке н.э. наши земли соединил своей проповедью апостол Андрей Перво-

званный. Восприняв православие от Византии, наши народы стали частью единой цивилизации. Мы продолжаем пребывать в странстве этой православной цивилизации по сей день. В середине XV века, когда под натиском турок пал Второй Рим (Константинополь), именно Москва унаследовала роль Катехона — последнего православного царства, удерживающего мир от торжества беззакония. И идею о Москве как Третьем Риме элита молдавского княжества восприняла ещё в XV веке, за несколько десятилетий до знаменитого послания Филофея. В 1484 году молдавский господарь Штефан Великий заключил союз с великим князем московским Иваном III, который был закреплён браком сына великого князя Ивана Молодого с дочерью Штефана Еленой.

Связь Молдовы с Московской Русью была незыблемой на протяжении всей нашей истории. Иван Пересветов, живший при дворе молдавского господаря Петра Рареша в Сучаве, передал Ивану Грозному большую челобитную от имени молдавского воеводы Петра, которая повлияла на формирование политики первого русского царя. Именно в лице России молдаване видели защитника от османского ига. В середине XVII века Московское царство стало осознавать себя как новый Иерусалим для всех православных народов. В 1656 году, когда патриарх Никон основал на реке Истра Новоиерусалимский монастырь, молдавский господарь Георгий Штефан отправил в Москву посольство во главе с митрополитом Гедеоном, который в Успенском соборе Кремля принёс клятву на верность Московскому княжеству. Выходцы из Молдовы сыграли значительную роль в русской истории.

Наши народы связала кровь, вместе пролитая в борьбе против

иноземных захватчиков и поработителей. Наш народ никогда не забудет подвиг русских солдат, отдавших на этой земле свои жизни за свободу нашего народа от турецкого ига. Никогда не забудем героического подвига советского солдата в войне, когда была достигнута наша общая победа.

Советский период нашей истории в странах бывшего СССР принято мазать чёрной краской. Мы не будем забывать трагические страницы этого периода, в том числе репрессии, депортации, голод. Но мы должны помнить то светлое и героическое, что было связано с Советским Союзом. Это был наш общий дом, в котором жили очень хорошо. Именно в составе Советского Союза в 1940 году была воссоздана молдавская государственность. На карте мира появилась Молдавская ССР, правопреемницей которой является Республика Молдова. В советский период Молдавия вошла в зенит своего развития. Построены крупнейшие предприятия, университеты, школы, детские сады, микрорайоны, транспортная инфраструктура, электростанции. Создана Академия наук, которая — парадокс — сейчас активно работает на разрушение молдавской государственности.

Советский Союз — это уникальное соцветие народов и культур — для многих из нас останется Родиной. Сегодня перед нашими странами общие вызовы — это в первую очередь экспансия Запада, стремящегося агрессивно навязывать нам стандарты и ценности. Мы не против принятия всего лучшего, что есть в Европе. Не против модернизации нашей экономики и правовой системы по приемлемым стандартам. Но мы категорически против того, чтобы нам навязывались чужие ценности, включая пропаганду гомосексуализма, разрушение традиционной семьи и морали. Молдавская коррумпированная олигархическая элита смирилась

со своим колониальным статусом. Они привыкли только воровать и получать от Запада гарантии своей неприкосновенности, размахивая, как пугалом, стереотипами российских танков.

Но у народа Молдовы совсем другое видение. Согласно последнему опросу общественного мнения, 53% считают, что Молдова должна быть ближе к России, а не к Западу. Самым популярным зарубежным политиком в нашей стране остаётся Владимир Путин. Мы, социалисты, за независимую, единую и нейтральную Молдову, и мы не случайно поддержали декларацию о нейтралитете и сохранении государственности нашей страны. И мы не отступим. Мы обязаны отстоять и сохранить нашу государственность. Молдавский народ просыпается. Я уверен: мы сохраним нашу землю для наших внуков и правнуков.

Александр ПРОХАНОВ,
писатель, председатель
Изборского клуба:

— Дорогие друзья, наш Изборский клуб — это оружие. Потому что идеология в современном

мире — это оружие. Путин сказал как-то, что в современном мире идёт схватка идеологий и у России в этой схватке нет достойного места. И мы, изборяне, хотим создать идеологическое оружие для современного государства Российского, которое год от года проходит всё новые и новые пласты своего развития. Ведь в 1991 году мы потерпели сокрушительное поражение. Мы — это Советский Союз, мы — это Россия, мы — это Молдова, мы — это Казахстан, мы — это всё огромное семейство народов, которое было соединено в великой красной империи, в великом красном государстве. Россия в этом поражении, быть может, пострадала больше других, потому что была разрушена тысячелетняя мечта, задача соединения огромного количества пространств, культур, народов, философий, языков в огромную животворящую общность.

Все 90-е годы государства Российского фактически не существовало. Мы находились под внешним управлением. У нас не было внешней самостоятельной политики, мы шли

в фарватере у американцев. Не было своей экономики, потому что к нам в экономику пришли представители «вашингтонского консенсуса» и чикагские мальчики, которые разрушили все наши экономические уклады, уничтожили наши драгоценнейшие технологии. Не было даже своей культуры, потому что всю культуру, связанную с Пушкиным, Шолоховым, затолкали в чуланы, на задворки, и нам навязали кислотно-агрессивный постмодернизм. У нас отняли армию. Великая победоносная армия превратилась в руины. Уничтожили оборонно-промышленный комплекс.

Россия должна была распасться — но распад удалось предотвратить. Россия должна была стать жалким сырьевым придатком Запада — но мы возродили обрабатывающую промышленность и мощный оборонно-промышленный комплекс. У России не было своих патриотических смыслов, символов. Всё подчинилось так называемому либеральному проекту. Постепенно, мучительно мы преодолели либеральную доминанту,

выдавляли либералов с тех мест, куда они пришли как насильники и узурпаторы. Государство Российское продолжает возрождаться. У него появляются новые интересы, возможности, новые формы поведения как внутри страны, так и за пределами.

И по мере возрождения государства Российского оно будет возвращаться туда, откуда его выдавила страшная катастрофа 1991 года. И ваш регион — Молдова, Приднестровье, Гагаузия, Румыния — чрезвычайно важен для России. И мы, Русское государство, возвращаемся в этот регион. Это вопрос не будущего, а во многом состоявшегося настоящего.

Этот регион чрезвычайно важен для судьбы России. Нас после 1991 года закупорили кордоном от Балтики до Чёрного моря, нас закрыли, прервали наши пути, коммуникации, навязали зависимость от транзита, от углеводородов, от движения идей, от движения культур с Запада на Восток и обратно. И теперь Россия понимает, что сбережение этого региона как зоны своих национальных интересов жизненно важно для нашей страны. Россия видит эту землю как объединённую,

независимую, процветающую, нейтральную страну Молдову. Она понимает, как трудно после мутаций, произошедших после 1991 года, соединить оскорблённое Приднестровье с Молдавией, Гагаузией, которая пережила напасти и нападки в этот смутный период времени, как соединить растерзанное молдавское общество.

Представление России таково: Молдова — независимое целостное государство с федеративным устройством, со сложным вхождением в эту федерацию таких регионов, как Приднестровье, с сохранением здесь русского политического, геополитического, но, главное, с сохранением здесь русского культурно-исторического, религиозно-философского влияния. Поскольку после того, как нам удалось соединить множество народов в недрах сегодняшней России и дать нашей русской галактике вновь разлететься на части, следующая большая задача — это реализация традиционной для русского сознания мечты о Божественной справедливости.

Потому что Советский Союз, о котором здесь так высоко и прекрасно говорили, — это, конечно, технология, индустрия, множество

социальных открытий. Но главное, что было заложено в советский проект, — это мечта об идеальном, справедливом обществе. И сегодня мир чаёт справедливости, мир истосковался от насилия, от западной диктатуры.

Следующий этап в развитии России, как мне кажется, — это революция справедливости. Я думаю, что на устах президента Владимира Владимировича Путина зреет это слово, эта концепция вселенской справедливости. И Россия возвращается в Молдову не только с экономической поддержкой, не только с тем, что Молдове открываются для сельхозпродукции рынки сбыта. Я думаю, что Россия, страна многоукладная, многонациональная, многоконфессиональная, в основном православная, предложит свою концепцию нового мироустройства, основанного не на силе, не на бомбардировщиках, а на идее Божественной справедливости.

Изборский клуб Молдовы мог бы начать свои искания с проекта «Россия, Молдова: стратегии и смыслы». Это был бы идеологический документ, который помог бы и вам в вашей борьбе за суверенную Молдову, и нам, русским, которые сражаются за свои интересы, за интересы всего здорового и так оскорбляемого человечества.

Зинаида ГРЕЧАНАЯ,
экс-премьер-министр,
председатель
парламентской фракции
ПСРМ:

— Мы все с вами находимся на передовой, боремся за независимость Молдовы. Многие народы борются веками за свою независимость. А у нас к власти пришли люди, которые не видят свою страну независимой и суверенной.

И с этим приходится бороться. Победа всё равно будет за нами — за теми, кто хочет справедливости, кто не хочет, чтобы историю вы-

чёркивали, какая бы она ни была. Плохая, хорошая, но она наша, это развитие нашей страны. Историю нельзя перечёркивать, из неё нужно извлекать уроки и не допускать ошибок в дальнейшем.

Ирина ВЛАХ,
башкан Гагаузской автономии, член правительства Молдовы:

— Народы Молдовы и РФ связывает общая история, вера, близкие культуры и традиции. Наши страны переплетены тысячами межличностных контактов, тесными социально-экономическими связями. Произошедшие в конце XX века геополитические трансформации не привели молдавский и российский народы к ментальному разрыву и разногласиям в политическом и культурном плане. Наоборот, мы убедились в том, что процветание и благосостояние нашего населения возможно только в единстве с Россией. Эта позиция не связана с ностальгией по прошлому, она обусловлена политическим и экономическим прагматизмом.

2 февраля 2014 года посредством всенародного референдума жители Гагаузии высказались за сближение с РФ и интеграцию в евразийское экономическое сообщество. Ровно год назад наша команда предложила жителям Гагаузии предвыборную платформу, в которой одним из ключевых моментов было восстановление стратегических отношений с РФ. Наша предвыборная программа была продиктована чаяниями и нуждами населения Гагаузской АТО. Время доказало, что дружба и взаимовыгодное сотрудничество между Молдовой и Россией не потеряли своей актуальности. С первых же дней своей работы в исполнительном комитете Гагаузии мы приступили к возобновлению былых экономических связей с регионами РФ. Первостепенный акцент был сделан на преодо-

ление продовольственного эмбарго и восстановление экспорта на российские рынки для гагаузских сельхозпроизводителей.

Первое, что мы сделали, — стали выезжать в регионы РФ, завязывать не только личностные, но и бизнес-контакты. И мы уже получили возможность открытия торгового дома в Санкт-Петербурге, в Москве, в Татарстане. То есть мы создали площадки, на которых наш бизнес может создавать совместные предприятия. В итоге если экспорт по РМ упал, то экспорт из Гагаузии в РФ вырос в разы. Одновременно мы улучшаем и наши культурные, социальные связи. Мы действуем исходя из желаний жителей нашего региона и видим, что идём правильным путём, и взаимоотношения с регионами РФ будем укреплять.

Активно работаем над тем, чтобы стать ближе к России, потому что это нужно простой семье, это нужно простому человеку. Для Гагаузии всё, что связано с Россией, очень близко и очень дорого. Темы, поднимаемые в нашем обсуждении, надо развивать на всех площадках. Регионы истосковались по такой информации, истосковались по общению.

Николай СТАРИКОВ,
историк, писатель, лидер партии «Великое Отечество»:

— Какое главное слово в международной политике? Свобода? Нет. Главное слово в международной политике — конкуренция. Именно конкуренцией объясняется то, что происходит на международной политической сцене на протяжении многих веков. Именно конкуренцией объясняется желание нынешних гегемонов, а они находятся в основном в США, сохранить тот мировой порядок, при котором они благодаря бесконтрольной эмиссии главной мировой валюты, доллара, сохраняют высокий уровень жизни

и выкачивают из многих регионов ресурсы, а вместе с этим и жизненный уровень, перекачивая его к себе. Они хотят сохранить такое положение. В этом смысле объединённая Европа для США, для англосаксонского мира — конкурент. Они не заинтересованы в том, чтобы Европа была объединённой и процветающей. Эту свою незаинтересованность англосаксонские политики на протяжении веков формировали в те принципы, по которым действовала Великобритания, а сегодня действуют уже и США, — это борьба против объединения Европы и борьба против сильнейшей державы на континенте.

Независимый, неподконтрольный Вашингтону и Лондону Евросоюз американцам и англичанам не нужен. И мы видим неожиданные действия по его ослаблению. В частности, кризис беженцев. Объединённая Европа, от Лиссабона до Владивостока, является главным кошмаром англосаксов. Любое сближение между ЕС и Россией вытесняет американцев на периферию сначала европейской, а потом и мировой политики. Поэтому США кровно заинтересованы в разжигании конфликтов в центре Европы.

Та позиция США, которая разжигает гражданский конфликт на Украине, — это не случайность, не ошибка, а целенаправленная политика. И Молдова как государство находится в зоне риска. Сегодняшние попытки некоторых прозападных партий поставить вопрос о ликвидации Молдавии как государства немедленно возвращают в плоскость сегодняшней политики возможность гражданского военного конфликта на территории Молдовы.

Никто больше России, больше Молдавии не заинтересован в спокойствии, мире и процветании на территории Евразии. Сегодня любой здравомыслящий человек увидит, что, с од-

ной стороны, со стороны России, предлагается открытый рынок, на котором Молдавия может продавать продукты сельского хозяйства. Ничто противоречащее ни истории, ни культуре, ни традициям от молдавского народа не требуется. Россия не требует отречения Молдавии от своих героев. Не требует ликвидации молдавской идентичности и молдавского государства.

С другой стороны, со стороны Запада, предлагается отказ от своих традиций, языка, от своего названия, от государства, от веры. Взамен предлагается химера — «свобода». Свобода чего? Свобода продажи на европейском рынке того, что там невозможно продать, потому что там эти продукты никому не нужны? Свобода поездок в Европу, не имея на это денег? В действительности за отказ от своей идентичности, своей истории, культуры и от своего государства Европа предлагает Молдове безвизовый въезд в ад.

Россия кровно заинтересована в стабильности, в процветании и мире рядом со своими границами.

Богдан ЦЫРДЯ,
*депутат парламента
Республики Молдова,
политолог, председатель
орγκомитета
по созданию Молдавского
представительства
Изборского клуба:*

— В Молдове сегодня очень модными стали дискуссии о захвате государства олигархами, например. Но мы мало говорим о ментальном захвате, то есть о захвате умов. Ведь нам фактически за последние несколько лет через СМИ, через систему образования навязали определённую парадигму.

Нам говорят, что федерализация является злом. Но почему в США федерализация — это

хорошо, в Бельгии — хорошо, а в Молдове — это зло? Неужели потому, что это мешает объединению с Румынией и Румыния не хочет этого? Говорят, что нейтралитет — это изживший себя механизм гарантий безопасности. А почему в Швейцарии это нормально, в Австрии нормально, а в Молдове — ненормально? Да потому, что существуют государства, которые хотят здесь установить свои военные базы. Поэтому мы имеем то, что происходит на Украине.

Никто не говорит, что ЕС — это плохо. Да, там демократия, модернизация, там огромный рынок сбыта продукции, права человека... Но, с другой стороны, ведь ЕС сегодня трансформировался, и там начинаются довольно глубокие кризисные явления, он уже не представляет собой то, что было задумано его отцами-основателями. Например, Фрэнсис Фукуяма считает, что ЕС скатился в авторитаризм.

Запад, по мнению многих наших местных аналитиков, — это локомотив мирового развития. Но Самюэль Хантингтон доказал, что западная цивилизация находится далеко не впереди, что поднимаются другие цивилизации. Другой аргумент, что Запад — это высочайшие технологии. Но кому он даёт эти технологии? Я не видел их ни в Молдове, ни в Румынии, ни в Болгарии. Якобы Запад — это огромные инвестиции. Но мы уже 14 лет движемся в их сторону, и где же эти инвестиции, рабочие места, новые предприятия? Сегодня наш ВВП составляет только две трети от советского ВВП. 25 лет прошло — мы никак не можем приблизиться к тому ВВП. Самым главным инвестором в Молдове до сих пор остаётся РФ, даже несмотря на то, что мы свернули все наши экономические связи.

Говорят о ЕС как о равноправной структуре, основанной на партнёрстве, солидарности.

Но что сделали с Грецией? Скрутили руки, поставили на колени. Болгарию лишили пары сотен миллионов евро, запретив ей участвовать в «Южном потоке», запретив развивать атомные технологии в «Козлодуде». Бжезинский в своей известной работе «Шахматная доска» открыто говорит: какая Европа? Это протекторат. Немцы — это наш протекторат. Франция — тоже. А почему? Да потому, что в этих странах наши военные базы.

Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» отчётливо говорит: Европа заканчивается там, где начинаются Болгария, Греция, Югославия, Молдова, Румыния. И нечего тут делать НАТО и ЕС. И если мы примем эти государства, это будет большой ошибкой. Потому что они более близки к России, которая является ядром православной цивилизации.

Так что же мы ищем в пространстве, которое является совсем другой цивилизацией, другой ментальностью, другой психологией и языковой общностью? А с Россией у нас не только цивилизационная общность, но и геополитическая. Геополитолог Маккиндер утверждал, что будущее мира за Хартлендом — то есть за тем пространством, где находится 80% СССР, России. Бжезинский тоже говорит, что за Хартленд нужно бороться, чтобы контролировать его, хоть как-то влиять. А мы находимся фактически в зоне Хартленда, где будет твориться история. Все инвестиции, всё мировое развитие смещается на Восток — это зона Китая, Гонконга, Сингапура, России. Поэтому нам из европоцентризма нужно быстрее смещаться в новую геополитическую парадигму, туда, где сегодня развиваются технологии, где самый бурный экономический рост и где формируются новые центры и власти, и силы, и влияния. А это зона Евразийского союза.

Даже при поверхностном анализе понятно, что возможность для консолидации государственности, для открытия наших рынков, новых инвестиций – всё это находится в зоне Евразийского союза. Именно здесь мы имеем возможность стать полноправным членом, консолидировать себя как нация, как государство. Именно здесь есть возможность для модернизационного рывка.

Михаил ДЕЛЯГИН,
директор Института проблем глобализации:

– Я не могу отделаться от ощущения, что люди, которые вами управляют последние годы, ради того, чтобы их приняли в европейскую бюрократию, чтобы они работали гастарбайтерами на приличных должностях в Брюсселе, хотят вашу землю, которая Господом предназначена для того,

чтобы быть раем, превратить в ад. Я проехал по Молдове. Смотришь из окна – всё очень аккуратно, ухожено, даже самые бедные домики вычищены. И при этом, куда ни кинь взгляд, – везде недострой, рухнувшие людские надежды.

Молдова на языке энергетиков называется энергетическим тупиком Европы. У вас энергия дорога до такой степени, что невыгодно заниматься многими видами бизнеса. Это результат политики тех, кто вами сегодня управляет.

Мы тоже хотим европейских ценностей. Мы очень долго учились европейским ценностям у европейцев. Но несколько лет назад обнаружили, что, оказывается, наши традиционные ценности – это и есть европейские ценности. А те европейцы, которых мы считали своими учителями в этой сфере, на наших глазах от своих

собственных европейских ценностей отказались. Они заменили свободу слова свободой лжи, пропагандой и идеологизацией. Заменили свободу предпринимательства свободой произвола монополий, если это их монополии, и прямым запрещением развития, пример – Болгария, Греция. На сегодняшнюю Украину посмотрите – тоже евроинтеграция? Они заменили международное право международным террором.

России не нужен миллион несчастных людей, которые к нам едут на заработки. России нужны пять миллионов, а лучше – больше граждан Молдовы, которые будут работать здесь, чтобы каждый квадратный метр был засеян и цвёл, как это было при советской власти.

Есть существенная разница между нашим, европейским и американским подходом к другим странам. Им нужно, чтобы

езде были проевропейские, проамериканские правительства, а что будет со странами и народами — их не касается. А нам нужно, чтобы везде были патриоты своих народов. Нам нужно от украинской власти — чтобы она была проукраинской. От молдавской власти — чтобы она была промолдавской, чтобы Молдавией правили люди, которые любят свой народ и свою землю, а не уничтожают свой народ и свою землю.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
 директор Института
 динамического
 консерватизма:

— Молдавии очень повезло в том, что в планах европейской интеграции и интеграции в НАТО она оказалась одной из последних в очереди. За то время, которое

прошло с принятия в Евросоюз стран Восточной Европы, можно наглядно увидеть, что происходит с экономиками этих стран. И, слава богу, ещё до конца не утрачена связь молдавского народа с Русским миром, не утрачены и православные корни.

Озвученные сегодня цифры статистики свидетельствуют, что молдавский народ уже многое осознал. Он учится на ошибках своих восточноевропейских соседей и видит, что реально с ними происходит. А происходит манипуляция этими народами со стороны США и англосаксов и управление Европой извне. Фактически ЕС на сегодня — это проект управления им со стороны англосаксов, но на немецкие и французские деньги. Но терпение немцев и других народов ядра Европы, которые выступают донорами

евроинтеграции, закончится достаточно быстро. И система евро, и система нынешней конструкции ЕС будут разрушены.

Значительная часть интеллигенции в Молдове говорит, что старая Европа очень добрая, она дотирует новую Европу. Да, действительно, есть дотации, но при этом не говорят об обратной стороне интеграции, о том, что новые члены ЕС, получая эти дотации, продолжают деиндустриализоваться, деградировать, усугубляется разрушение производящей части их экономик.

И это только одна сторона медали. Другая связана с тем, что всё более явственной становится стратегия той горстки людей, которые могут быть названы субъектом глобализации, её дирижёрами. Это не только гей-парады и гей-браки, которые

представляют собой всего лишь видимую верхушку айсберга. Всё более заметны тенденции глобальной деградации во всех сферах: разрушение традиционной семьи, переделывание самого человека, разрушение религии, демографическая остановка развития (так называемый «нулевой рост»). Под видом борьбы за экологию хотят запретить индустриальное развитие во всех странах мировой периферии.

Нельзя не обратить внимание, что в истории Молдовы повторяются некоторые феномены. Так, после 1919 года, после так называемой аннексии Бессарабии, сотни тысяч людей покидали страну. И сегодня молдаване вынуждены уезжать за рубеж в поисках заработка. Иными словами, как только Молдова оказывается в зоне влияния Запада, люди отсюда бегут. Получается, что в логике того развития, которое продвигает и навязывает Запад, такие страны, как Молдова, должны быть лишены всего молодого, энергичного, всего активного. Всё это должно быть вымыто из страны. Для Запада Молдова — обречённая страна. Россия же сейчас выходит на тот уровень суверенного самосознания, когда она способна называть вещи своими именами и предложить альтернативу этому сценарию глобализации, которая уже захлёбывается и замысел которой не будет воплощён в жизнь.

Олег РОЗАНОВ,
*первый заместитель
председателя Изборского
клуба:*

— Дорогие друзья, наша благодарная память хранит тот факт, что мы вместе полетели в космос. У нас с вами была энергия космоса, была ядерная энергия. А после 1991 года молдаван отключили от этого божественного источника силы. Молдавия перестала быть космической державой, ядерной

державой, и молдаванам незачем стало учить своих детей физике, химии, математике, потому что в рамках маленького независимого государства, от которого ничего не зависит, такие специалисты не нужны. Сейчас мы стоим на исторической развилке. На территории Евразии создаётся Евразийский союз, куда уже вошли равноправными партнёрами такие страны, как Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия. И мы ждём молдаван. Потому что вы — часть нас. Никогда Россия не отделяла себя от Молдавии. У нас осталась общая победа. Мы с вами остаёмся единым православным народом, окормляемым Московским патриархом.

Сейчас вас пытаются затолкать даже не в ЕС, а в Румынию, в ту самую, где на севере по сей день главным транспортом является гужевой. Вас, народ, который обладал космической энергией, загоняют на задние дворы Европы. А Евразийский союз предлагает вам равные отношения. Мы вместе можем выстроить ту самую цветущую сложность, которую представляло огромное российское государство. Мы не зовём вас в единое государство, мы предлагаем союз, где ваша энергия, таланты и возможности могут раскрыться. Ведь колониальная психология англосаксов остаётся неизменной: план ОСТ никто не отменял, и жители бывшего Советского Союза по этому плану могут быть только обслугой господ. И иначе как на добычу на остальной мир они не смотрят. А Евразийский союз предлагает вам равноправие, равные отношения.

Молдова как суверенное, независимое государство возможна только в случае, если она принимает евразийский проект. В этом проекте Молдовы есть место гагаузам, приднестровцам, и Молдавия приобретает другое качественное состояние.

Николай ФЛОРИНСКИЙ,
*председатель Собора
Русской общины Молдовы:*

— 25 лет назад произошла великая трагедия — рассыпалась наша Родина. Миллионы русскоязычных людей остались в постсоветских республиках. И сегодня нужно создать такую цепь, что соединила бы Россию с Молдовой и другими странами СНГ, которую невозможно было бы никогда перерубить. Идёт информационная война, в основе которой ложь. А мы знаем, что дьявол есть отец лжи. Он против христианской ценности, против России, против Молдовы, против молдаван.

Посмотрите: Румыния активно занимается нашей молодёжью: даёт более 8000 мест для студентов из Молдавии. Молодёжи промываются мозги. А Россия лишь совсем недавно стала давать 500 мест для наших студентов. Но это же огромная война за умы людей.

Когда общаешься с людьми, говоришь о том, какие выгоды от России имеет Молдавия, говоришь, что Россия заинтересована, чтобы вы оставались на месте, чтобы строили свои виноградники, фабрики, что будет помогать строить перерабатывающие консервные заводы, слышишь: «Да что вы говорите? Это русская пропаганда. Никто нам ничего не даёт. Европа нам даёт деньги». То есть люди не имеют никакой справедливой информации. И действительно, со стороны России мы очень мало слышим о том, что выгодно Молдове в сотрудничестве с Россией: сохранять свою целостность, свою нацию, свою культуру, свой вековой народ, свою веру. И России надо активнее работать, чтобы доносить такую информацию до людей.

Александр ПРОХАНОВ:

— Друзья, благодарю вас за то, что вы принимаете наши инициативы как близкие вашему сердцу. Нам это очень дорого. И мы очень рады, что Изборский клуб пустил здесь свои корни.

/ Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ /

О перспективах развития государственной политики России в области культуры

(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)

Цели и миссия государственной политики России в сфере культуры

Основные цели современного российского государства в сфере культуры:

- обеспечение условий для свободного развития каждого гражданина страны;
- защита культурного суверенитета страны и единой историко-культурной самоидентификации граждан и общества;
- обеспечение доступа граждан к накопленному национальному культурному богатству, сохранение, умножение и защита этого богатства, гарантия их права на сохранение исторически сложившейся культурной среды и привычной им среды обитания;
- сохранение и возвышающее развитие высших достижений отечественной и мировой культуры, преодоление угроз культурному достоянию, которые несут нормы и образцы общества потребления, массовой культуры, энтропийные тенденции цивилизации постмодерна, создание и распространение культурных образцов и идеалов общества познания и созидания;
- сохранение классических образцов мировой культуры, защита их от постмодернистской диффузии и обеспечение их экспансии и возрождения в остальном мире.

В этом отношении миссия России — создать в стране условия, при которых каждый человек имел бы реальные возможности стать подобным титанам Возрождения, а вне страны — обеспечить возрождение классической мировой культуры.

Государственная политика России в области культуры основывается на требованиях Конституции РФ и вытекает из её положений. В соответствии со статьёй 7 Конституции России, «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Поскольку достойная жизнь и свободное развитие человека невозможно вне культуры и помимо существующей культуры, государство обладает правом и обязанностью осуществлять политику в данной сфере, обеспечивающую решение данных задач. Точно так же, как оно обязано осуществлять политику в сфере культуры, обеспечивающую целостность территории страны и её безопасность. В том числе информационную и культурную.

44-я статья Конституции определяет: «1. Каждому гарантируется свобода литера-

Культура России выработала черты мощного интегративного начала. Это начало оказалось способным принимать достижения других культур и творчески перерабатывать их, одновременно сохраняя их концентрированную сущность и создавая на их основе более высокие культурные достижения, признаваемые в качестве шедевров остальным человечеством.

турного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания <...>. 2. Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. 3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Соответственно, государственная политика в области культуры должна обеспечить доступ граждан к достижениям культуры и обеспечить исполнение гражданами, в частности активно действующими в сфере культуры и искусства, их обязанности по сохранению исторического и культурного наследия.

При этом культурное достояние страны не сводится ни к совокупности материальных носителей культуры, ни даже к совокупности материальных и нематериальных произведений искусства.

Сфера культуры — это не только совокупность обладающих эстетическим значением произведений. Сфера культуры — это сфера производства базовых латентных образцов социального и политического поведения, норм, запретов и ценностей и совокупность сложившихся и значимых для общества этических, эстетических и бытовых представлений.

В результате естественного исторического и историко-культурного процесса в России был создан особый и уникальный тип культуры. Начав формироваться позднее ряда иных классических и национальных культур, в результате самостоятельного освоения их достижений и в ходе постоянного комплиментарного взаимодействия с другими народами и культурами, культура России выработала черты мощного интегративного начала. Это начало оказалось способным принимать достижения других культур и творчески перерабатывать их, одновременно сохраняя их концентрированную сущность и создавая на их основе более высо-

кие культурные достижения, признаваемые в качестве шедевров остальным человечеством. Так произошло, в частности, в сфере литературы, живописи, театра, балета, киноискусства и других сфер.

Особенность культуры России не в ее инаковости по отношению к остальным культурам — она в её уникальной интегративной способности их принимать, осваивать и на их основе создавать более высокие образцы, сохраняя базовые ценностные стержни своей ментальности, основанные на приоритете доброжелательности по отношению к другим народам и культурам. Среди таких стержней:

- ориентация на поиск универсального для всего человечества высшего идеала и стремление открыть его и сделать доступным для всего мира;
- уверенность в равенстве всех людей перед высшими идеалами и отрицание элитарности и социальной несправедливости;
- непримиримость к несовершенству мира и готовность к любым жертвам для его устраниения.

Культура России сегодня в своем сущностном качестве — это не одна из множеств разных культур. Это — интегративный концентрат высших достижений мировой культуры, по сути — её высший уровень, единственный из оставшихся бастионов классической европейской культуры, опираясь на который, последняя имеет шанс начать своё возрождение в мире.

Соответственно, на данном этапе необходимо решить следующие задачи государственной политики (либо добиться перелома в их решении):

1. Утвердить адекватную современным условиям роль государства в решении проблем культуры как организатора производства латентных образцов.
2. Обеспечить собственно сохранение культурного наследия как существующего в виде материального, нематериально-художественного, нормативно-ценностного начал.
3. Создать условия свободного и достойного развития человека. Это подразумевает:
 - обеспечение каждому возможности доступа к достижениям культуры;
 - преодоление разрыва в доступе к достоянию лучших образцов культуры между столицами и регионами страны, необходимость сделать доступным для основной массы населения достояния культурного наследия страны;
 - защиту и сохранение русского языка и развивающей литературы;

- обеспечение благоприятной информационной и культурной среды;
- обеспечение доступности художественного образования.

4. Воссоздать эффективную репродуктивно-просветительскую культурную систему, предполагающую:

- поддержку творчества и талантов;
- стратегическую триаду просвещения с исполнением адресной роли каждым из её звеньев (театры и кинематограф, музеи и выставки, библиотеки и клубы);
- адекватное понимание и отношение к проблеме современного искусства.

Для решения этой задачи особо необходимы возрождение эффективной науки в сфере культуры и искусства, а также разработка новой образовательной модели в сфере творческого и гуманитарного образования.

5. Создать систему защиты культурного суверенитета страны и отражения направленной на него информационной агрессии.

6. Выработать и реализовать международную культурную политику, направленную на сохранение и возрождение классической культуры человечества.

Права и обязанности граждан России определены 44-й статьёй Конституции РФ. Они включают сущностно три позиции:

- каждый имеет право на свободу творчества;
- каждый имеет право на доступ к культурным ценностям;
- каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия.

Каждый имеет право творить новое, каждый имеет право пользоваться имеющимся, и каждый обязан сохранять уже созданное.

Понятно, что существует тенденция акцентировать внимание на первом положении и оставлять в тени вторую — то есть считать право на свободу творчества первичным, а право человека на привычную и значимую для него культурную среду молчаливо признавать незначимым.

Мы исходим из иной позиции — право каждого на привычную среду первично:

- первое: человек и страна в своей идентификации формируются той средой, которая создана до них, её разрушение уничтожает и личность, и самосознание страны и народа;
- второе: свою самореализацию в создании нового в культуре утверждает часть граждан; свою самоидентификацию выводит из имеющегося культурного наследия всё общество, все граждане или как минимум их подавляющее большинство;

— позитивное творчество, даже создающее более высокие образцы культурного богатства, строится только на основе и материале имеющегося наследия, разрушение его лишает основы и само творчество нового. Свобода творчества, бесспорно, значима, но нужно отличать свободу цивилизованного человека, предполагающую принятие определённых цивилизационных запретов, от свободы дикаря, отвергающего любые запреты, нормы и ценности. Равно как нужно отличать реальное творчество, заключающееся в создании нового на основе имеющегося, от имитации творчества, выдающего за новацию разрушение созданного и пренебрежение к нему.

Свобода творчества несёт в себе огромную энергию, но эта энергия подобна ядерной, которая может реализоваться и в ядерной бомбе, и в атомной электростанции. В конце концов, чернобыльская катастрофа тоже стала результатом предельно вольного отношения к свободе научного творчества.

При всей важности принципа свободы творчества каждого — он продуктивен только при его ограничении правом каждого на сохранение и пользование культурным наследием и обязанностью каждого заботиться о его сохранении.

1. РОЛЬ, ЗАДАЧИ И ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Государство является субъектом определения приоритетов культурной политики, вытекающей из его основных задач в этой сфере.

Государство защищает культурное богатство страны как от физического разрушения, так и от коммерциализации, от неблагоприятных воздействий в самой культурной среде, как внутренней, так и внешней, связанных с обслуживанием примитивных запросов, несоответствующих отечественным традициям и порождаемых массовой культурой общества потребления, а подчас и прямой информационной агрессией внешних конкурентов.

К итогам дискуссии по проблемам основ государственной политики в области культуры

Наверное, главным итогом обсуждения последних лет является то, что удалось почти полностью изжить представление о культуре как о сфере оказания развлекательных услуг и признать её значение как основы национальной самоидентификации человека и народа.

Культура — это не совокупность артефактов, культура — это сфера производства латентных образцов социального и политического поведения; смыслов, целей и ценностей человека, значимых для него норм и запретов, наличие которых и отличает в конечном счете его от животного.

По существу, эта мысль в ином виде сформулирована и в документах ЮНЕСКО. В частности, во Всеобщей декларации о культурном разнообразии: «Культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков — духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования».

Там же: «Особое внимание следует уделять ... специфике предметов и услуг культурного назначения, которые, будучи носителями самобытности, ценностей и смысла, не должны рассматриваться как обычные предметы или потребительские товары».

Это — к вопросу о попытках рассматривать культуру в качестве одной из сфер рыночной коммерциализации. Как только мы потребуем от учреждения культуры, например от музея, зарабатывать деньги на коммерческой деятельности — оно тут же превратится в место проведения праздничных корпоративов.

Однако сама постановка вопроса о прикладном значении культуры несёт оттенок потребитель-

ского отношения к ней и непонимания, что она даёт не «что-то частное» — а что она даёт вообще всё. Она первична и для самосознания общества, и для его производственной сферы. Потому что определяет и способность создавать технологии производства, и возможности пользоваться технологиями — и цели данного производства.

Поэтому, когда ставится вопрос о том, что документы, определяющие основы и концепцию государственной политики в области культуры, не должны затрагивать вопросы общеполитической стратегии в силу того, что последние определяются другими государственными документами, это не может не вызвать возражения. Культура страны не бывает вне политики, вне целей общегосударственной, общенациональной стратегии — но она не может быть и её служанкой. Нельзя выстроить эффективную внешнюю и внутреннюю политику страны, игнорируя значимые для её народа ценности и нормы, всё то, что упомянутая Декларация ЮНЕСКО определяет как «образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования».

Вообще, как ещё лет десять назад сказал Владимир Путин, закон только тогда окажется действенным, когда он будет основан на присущей данному обществу морали.

Существует точка зрения, что, поскольку Конституция определяет российский народ как многонациональный, неправомерно использовать термин «национальная культура»

применительно к культуре России. С таким же успехом можно было бы оспорить тезис о наличии у России её национальных интересов в силу её многонационального состава¹. Спорно выглядит и тезис о том, что «понимание традиционных для нашей страны нравственных ценностей основано на выработанных человечеством и общих для всех мировых религий норм и требований, обеспечивающих полноценную жизнь общества».

С одной стороны, само это утверждение антиисторично: получается, что характерные для России нравственные ценности не только не являются самобытными, но и сугубо производны от других, выработанных другими народами. Это просто неправда: во-первых, потому, что эти ценности начали формироваться ещё в дохристианский период, и само христианство было принято народом потому, что соответствовало ценностям русского народа; а во-вторых, потому, что русская культура и русский народ сами были субъектом формирования мировой культуры и во многом повлияли на то, что сегодня выглядит как «общепринятые ценности».

С другой стороны, конечно, в истории любой страны действуют общие социологические и исторические законы, но в каждой стране они действуют предельно по-разному, через самобытные формы их воплощения.

Тем более сводить всё к постулатам мировых религий — вообще неточно: Россия сегодня сближается с Китаем, представляющим собой особую цивилизацию, — но одна из особенностей этой цивилизации в том, что в основе её лежит атеистическое философско-этическое учение Конфуция. Иными словами, религия вообще играет предельно разную роль в ценностном мире разных стран и обществ.

Культурное единство и идеологическое многообразие

Збигнев Бжезинский однажды резонно заметил: «Америка занимает главенствующие позиции в четырёх основных областях, в решающей степени определяющих мировое господство:

- её вооружённые силы не имеют себе равных;
- в области экономики она по-прежнему является движущей силой, которая тянет за собой остальной мир;

- в технологическом плане ей принадлежит ведущая роль на всех передовых направлениях развития науки и техники;
- её культура, несмотря на некоторую примитивность, обладает удивительной привлекательностью... — всё это наделяет США таким политическим влиянием, с которым не может соперничать никакое другое государство. Именно благодаря сочетанию этих четырёх составляющих Америка является мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова».

Технологии решают, каким оружием люди смогут защищать свою страну. Но культура решает, захотят ли они её защищать и сочтут ли они для себя приемлемым рисковать жизнью за свою страну. Поэтому абсолютно правы были разработчики Основ государственной культурной политики, определяя её статус как неотъемлемой части концепции национальной безопасности. И абсолютно право было Министерство культуры, добиваясь включения в Стратегию национальной безопасности России категории и понятия культурного суверенитета.

Проблема в том, что под культурой стали понимать деятельность тех людей, которые зарабатывают деньги своей художественной деятельностью. При этом одновременно искусством объявляется не момент начала создания эстетической ситуации, а любая деятельность любого индивида, в том числе носящая и разрушительный характер.

Сохранение традиционных принятых народом и обществом ценностей по определению выше частных интересов индивидов и групп, зарабатывающих на своей художественной или «протохудожественной деятельности».

Можно выделить как минимум три группы, заинтересованные в такой извращённой политике и практике.

Первая — это группы, получающие коммерческую выгоду от противопоставления своей протохудожественной деятельности принятым и утвердившимся в обществе ценностным образцам. В данном случае речь идёт не о создании новых приёмов и образцов собственно творчества, а об игре на противопоставлении, на привлечении внимания, эпатаже, насмешке, оскорблении по отношению к художественному вкусу и утвердившимся эстетическим образцам,

¹ Здесь смешиваются близкие по звучанию, но разные по значению термины: нация и национальность. Нация — это историческая общность, складывающаяся в стране на определённом этапе её развития на основе проживающих в ней народностей и этносов. Национальность — это характеристика принадлежности к данным, в частности, этносам. В России, строго говоря, проживают представители множества национальностей, но российский народ — это одна полиэтническая нация. Нация — это вообще не этническая характеристика, а характеристика историко-культурная, языковая и экономическая.

когда за новое и креативное выдаётся неумение либо сознательное «не следование канонам». Так двоечник, неспособный выучить ту или иную математическую формулу или таблицу умножения, может с гордостью выдать утверждение типа «дважды два пять» за открытие нового неизведанного закона математики.

Вторая группа — это те или иные ведомства, функционально отвечающие за соприкасающиеся либо родственные культуре сферы, но рассматривающие их как не подлежащие контролю с точки зрения общей культурной политики².

Третья — это социальные группы, ставшие носителями иных ценностных оснований, расходящихся с базовыми основаниями культуры своей страны и так или иначе считающие себя уже не гражданами России, а гражданами или подданными других стран или иных государственно-политических образований. (Либо — некоего всемирного Халифата, либо — некоей западной цивилизации.) Человек, присягнувший культуре Америки (либо культуре Халифата), уже не является гражданином России. Он — человек другой страны, интересы и задачи которой будет считать для себя приоритетными по отношению к национальным интересам своей.

Это, естественно, не значит, что гражданин России/СССР не может любить культуру Америки или упиваться Омаром Хайямом, — культура России/СССР на самом деле синтетично включает в себя вершины всех этих культур. Это лишь вопрос о том, какие базовые ценностные основания он принимает для себя как первичные.

Собственно, культурное наследие — это и есть то, что определяет сферу культуры и саму передачу базовых образцов. И, разрушая это наследие, мы разрушаем не некую коллекционную экзотику — мы разрушаем носители ценностей и культурных образцов; вместе с ними — те ценности и образцы, которые их наполняют. При этом нужно иметь в виду, что культурное наследие всё-таки состоит не из двух привычных компонентов: материального и нематериального

(т.е. песен, легенд, музыки и т.д.), но и третьего — нормативно-ценностного. То есть норм поведения, приоритетов и ценностей и, среди прочего, — чувства единства со своей страной и боли за неё. Не может существовать страна, за которую некому будет пойти на смерть. Но на смерть нельзя идти за сугубо материальное — на смерть человек идёт за то, что больше его жизни: за ценностные начала и идеальные представления.

Можно объединить тех, кто считает, что Россия должна быть православной монархией, с теми, кто считает, что она должна быть пролетарской республикой, и даже с теми, кто предпочёл бы республику либерально-демократическую. Но всех их нелепо объединять с теми, кто считает, что её не должно быть вообще, либо с теми, кто считает, что она должна быть вассалом США.

Единая политика в области культуры нужна для развития и защиты национальной (да и вообще классической) культуры. И эта политика нужна для отражения угроз, нависающих над страной и её культурой. Можно объединяться с теми, кто хочет эти начала защищать, но нельзя объединяться с теми, кто ведёт с ними борьбу.

Можно в стремлении к объединению стремиться образовать большинство. Можно — подавляющее большинство. Но нельзя объединять большинство с ненавидящим его меньшинством. Если это и сделать, эффект будет один: это меньшинство сделает всё, чтобы парализовать работу большинства, а если не удастся — постарается обесмыслить его работу. Объединять всех со всеми — это всего лишь попытка стать хорошим для всех, остаться над схваткой. Ни за что не отвечать и каждый раз уходить от решений.

С этим связан ещё один вопрос — необходимость в общем координационном органе в сфере культуры. Здесь возможны разные пути: нужно либо придать главе Министерства культуры статус вице-преьера, либо создать по образцу советского опыта Госкомитет по культурной политике, объединяющий и координирующий

² На сегодня деятельность в сфере культуры помимо Министерства культуры осуществляют и другие федеральные органы и профильные организации: Министерство обороны, Министерство образования, Министерство внутренних дел, Министерство связи, система издательств, СМИ, телевидение и радио. Их деятельность разнопланова — а в ряде случаев, как например, деятельность ряда телеканалов и радиостанций — прямо противоречит основам государственной культурной политики России.

В постсоветский период в РФ сложилась практика, когда в стране отсутствует единый орган, координирующий политику в этой сфере. На сегодня — создание его предусмотрено «Основами государственной культурной политики» — но сам он так и не создан. Вариантом решения этого вопроса мог бы стать **Федеральный комитет по культурной политике**, который возглавил бы руководитель в ранге вице-преьера Правительства, Министр культуры.

Направлениями деятельности данного Федерального комитета должны были бы стать: — профильная деятельность Минкультуры; — издательская деятельность; — межнациональные отношения; — дошкольное, начальное и общее среднее образование; — гуманитарное образование на всех уровнях и во всех сферах; — вопросы исторической памяти, противодействия фальсификациям истории; — патриотическое воспитание; — подготовка кадров для сферы культуры, искусства и гуманитарного образования; — вопросы международной культурной политики и др.

деятельность других вторгающихся в культурную сферу министерств при сохранении их как таковых. Данный Госкомитет должен иметь полномочия кураторства культурной политики всех ведомств примерно так же, как их имел идеологический отдел ЦК КПСС.

Потому что государственная политика в области культуры действительно должна быть единой.

1.1. Государство как субъект культурной политики

Страна слишком много потеряла в области культуры за последнюю четверть века. Культура во многом оказалась обречённой частично на умирание — как, скажем, наука в сфере культуры или «немодные» и некоммерциализируемые сферы искусства, — а частично на обслуживание коммерциализируемых, но не всегда высоких вкусов «высокоплатёжного потребителя».

Культура формирует человека, и задача российского государства сформировать не потребителя, а творца и созидателя, человека, который высшую радость и наслаждение находит в свободном творческом созидательном труде.

Российское государство есть продукт и производное от отечественной культуры. Отсюда обязанность этого государства — защита отечественной культуры, основанной на достижениях мировой культуры и являющейся одной из основных составляющих последней.

Основная ближайшая задача, стоящая перед государством в области культуры, — переломить отношение к культуре как к «остаточной части» социальной сферы. Точно так же, как переломить отношение к культуре как к сфере, с одной стороны, «досугового развлечения», а с другой — самовыражения (либо обслуживания такого самовыражения) богемных групп.

Культура — это не «сфера производства услуг», культура — это сфера производства духовных ценностей и базовых образцов социального поведения. То есть сфера производства самого человека как личности, социального — а не только биологического — существа. Следовательно, сфера производства социальных отношений, самого общества. И в этом отношении культура — на самом деле сфера материального производства.

Любые природные ископаемые, любые технологии, любые самые современные производства останутся скоплением мёртвого вещества, если не будет культуры их применения. Но и более того: не став богатством своей страны, граждане станут богатством чужой, если в стране не сложится полноценное ощущение национально-государственной и историко-политической самоидентификации. Самоидентификацию же порождает культура.

Соответственно, наша сущностная задача — восстановить отношение к культуре как:

- к сфере сохранения суверенитета страны — как государственно-политического, так и культурного;

- к сфере производства и формирования латентных поведенческих образцов и через них — национально-государственной самоидентификации;
- к системе запретов. Культура — это, прежде всего, не сфера бесформенных эмоциональных выплесков. Культура — это сфера запретов. Цивилизованный и культурный человек знает, чего делать нельзя. Дикарь таких запретов не имеет. Тогда, когда у него запреты появляются, он тем самым начинает превращаться в цивилизованного человека. Культура создаёт страну. Культура защищает страну. Культура развивает страну, переводя её с одной фазы исторического развития на другую. Что, разумеется, не означает, что она во всём этом обходится без материальной составляющей собственно материального производства.

1.2. Государство как организатор производства базовых латентных образцов

Роль государства в культуре — это роль организатора, наделённого полномочиями обществом и решающего проблемы общества и страны: её национальной самоидентификации, её культурного суверенитета, свободного и достойного развития её граждан.

Культура — это сфера производства латентных образцов социального поведения.

Управление этим производством должно быть адекватным тем задачам, которые оно решает. Если этим производством управляет государство, оно не может допускать, чтобы производилось то, что нанесёт ущерб стране и человеку. В России нет цензуры, и не идёт речь о запрете чего-либо, кроме запрещённого законодательно.

Государственное производство не может создавать то или помогать тому, что не соответствует — и тем более противоречит — интересам страны. Государство решает вопросы сохранения, защиты, распространения и развития базовых ценностей и образцов отечественной культуры.

В стране гарантирована свобода творчества, и каждый художник вправе создавать те образцы культуры и искусства, которые его вдохновляют. Но государство будет поддерживать те из них, которые считает соответствующими интересам страны. Задача государства — помогать тем образцам искусства, которые утверждают человеческое в человеке, развивают и культивируют в нём начала созидателя и производителя, и не оказывать никакого содействия тому, что низводит его до уровня упивающегося потреблением животного.

Государство не должно запрещать те или иные поиски в сфере культуры, но должно помогать тем, кому целесообразно помогать исходя из приоритетов государственной политики.

2. СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Таким образом, государственная политика России в сфере культуры должна рассматривать культурное наследие страны как совокупность материальных носителей этих образцов, созданных в прошлом и в настоящем, духовных воплощений и самих принимаемых народом ценностных основ, норм и образцов поведения. Задачей государства и общества является сохранение культурного наследия страны во всех его составляющих: материальном культурном наследии, нематериальном художественно-образном и нормативно-ценностном.

Самобытность и культурный суверенитет России

Характеристика самобытности, безусловно, присуща России. И сама эта категория, и сам термин не только оправданы научно, но и общеприняты на уровне международных правовых документов. Но она представляется недостаточной, имея во многом пассивный характер, не обладая достаточным деятельностным началом.

Предпочтительно использовать более определённую и завершённую категорию: «культурный суверенитет». Она стыкуется с положением Конституции, что источником власти и носителем суверенитета в России является её народ и предполагает его, в том числе и политическое, право сохранять и защищать признаваемую им и привычную ему культурно-ценностную и ценностно-нормативную основу.

Народ и его государство не только имеют право сохранять свою самобытность — они имеют право защищать свой культурный суверенитет и противодействовать возникающим для него объективным и субъективным угрозам.

В связи с этим имеет смысл напомнить ещё об одном документе ЮНЕСКО. Его Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия гласит: *«Культурному и природному наследию всё более угрожает разрушение, вызываемое не только традиционными причинами повреждений, но также и эволюцией социальной и экономической жизни, которая усугубляет их ещё более опасными, вредоносными и разрушительными явлениями».*

Разрушающая культурное наследие эволюция социальной жизни — это, прежде всего, утверждение общества постмодерна и массовая культура, отказывающиеся признавать существование единой истины и созданных историей

ценностей. В условиях ускорения и увеличения потоков информации, нарастающей скорости социальных изменений, когда человек не успевает ни перерабатывать информационный массив, ни оценивать обрушивающиеся на него потоки инокультурных и часто примитивных культурных продуктов, разрушается его самоидентификация, устоявшиеся латентные образцы поведения, ценностные начала, представления о добре и зле.

Этому потоку информации и массовой культуры пока не смогла противостоять практически ни одна из европейских стран, за исключением России. В этом отношении она чуть ли не в одиночку сохраняет свой культурный суверенитет и остаётся последним бастионом классических европейских ценностей и классической европейской культуры. Однако угроза культурному суверенитету и национальной безопасности нависла и над Россией.

2.1. Материальное культурное наследие

Материальное культурное наследие представляет совокупность материальных объектов, несущих в себе значимое для общества ценностное и образное значение, отражающее его историю, искусство, традиции, обряды и образ жизни вне зависимости от того, с каким периодом истории страны и народа оно связано.

Материальное культурное наследие включает в себя произведения искусства, являющиеся носителями образцов и ценностей, результаты производственной и бытовой деятельности, природные объекты, ставшие такими носителями в процессе исторической практики народа.

Данные объекты находятся под защитой государства вне зависимости от того, на какой территории они находятся в данный момент.

2.2. Нематериальное художественно-образное культурное наследие

Нематериальное культурное наследие страны включает в себя не имеющие непосредственно предметно-материального выражения продукты и формы искусства, обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки. А также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, обладающие ценностным значением для народа России или обладавшие таким значением в тот или иной период его истории.

Нематериальным культурным наследием являются:

- устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;
- исполнительские искусства;
- обычаи, обряды, празднества;
- знания и обычаи, относящиеся к природе и Вселенной;
- знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами.

В состав нематериального культурного наследия страны входят произведения искусства, созданные в других странах представителями их культуры, но приобретшие эстетическую и ценностную значимость для российского общества в ходе истории и совпадающие с базовыми ценностными основаниями российского общества.

Нематериальное культурное наследие охраняется государством и обществом, в частности, от искажения в процессе воспроизводства смысла, значения и ценностного содержания, заложенных в него при создании.

2.3. Нормативно-ценностная составляющая культурного наследия

Нормативно-ценностная составляющая российской культуры включает в себя:

- её исторически выработанные базовые латентные образцы, ценностные основания и ценностные стержни;
- утвердившиеся в ходе истории алгоритмы практической и интеллектуальной деятельности;
- деятельностный темперамент народа, основанный на эгалитаризме, просветительской мессианской устремлённости, радикализме и последовательности в противостоянии всем формам разрушения, регресса и зла;
- знания, представления и навыки, относящиеся к общественному и политическому устройству.

3. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

3.1. Обеспечение для каждого возможности доступа к достижениям культуры

Задачей государственной политики в области культуры при обеспечении условий для свободного и достойного развития каждого человека является устранение неравенства в доступе к достижениям культуры.

Это включает в себя:

- обеспечение полноценной культурной среды в период формирования ребёнка, воссоздание качественного детского игрового и мультипликационного кинематографа, системы детских театров и литературы, ориентированных на сюжеты и смысловое содержание, несущее в себе ценностные основания российской культуры и связанное с позитивным восприятием отечественной истории;
- создание аналогичных детских сайтов в Интернете, интернет-игр, образовательных и художественных телеканалов;
- культурное наполнение работы общих детских учреждений, яслей, детских садов и школ, включающее в себя посещение театров, музеев, активное семейное участие в культурно-просветительском туризме;
- повышение доли культурно-гуманитарных предметов в школьной программе, развитие сети детских и подростковых учебных заведений начального образования в области культуры (музыкальных, танцевальных, художественных, исторических школ, детских и подростковых самодеятельных театров);
- создание нового типа начальных и общих школ (общеобразовательных школ Военно-исторического, Исторического и Географического обществ, детских, подростковых и юношеских отделений этих обществ), детских культурных и историко-культурных клубов и библиотек.

3.2. Преодоление разрыва в доступе к достоянию лучших образцов культуры между столицами и регионами страны, необходимость сделать для основной массы населения доступными достояния культурного наследия

Культура страны в любом случае в большей степени меряется культурой провинции, нежели культурой столиц. Если высока культура провинции — высока культура страны. Сегодня становится очевидным, что в тех регионах, где оказывается существенная поддержка культуре, ниже уровень и алкоголизма, и преступности. Перед государством сегодня стоит задача изменить представления местных властей в этой сфере, добиться, чтобы региональные и местные органы власти отошли от покровительственно-пренебрежительного отношения к культуре на подведомственных им территориях.

Большая часть наших национальных гениев вышла как раз из провинции: Тютчев и Толстые,

Есенин и Блок, Маяковский и Некрасов, Чехов и Паустовский. Интеллигенция провинциальных городов — это базовая основа и национального духа, и национальной самоидентификации, и самой национальной культуры.

И здесь есть два уровня задач. Во-первых, нужно добиться приближения регионов к столичным культурным потенциалам, в частности, через выставки, гастроли, фестивали. Во-вторых, поднять материальное и статусное положение местных учреждений культуры и людей, которые являются местными хранителями культуры.

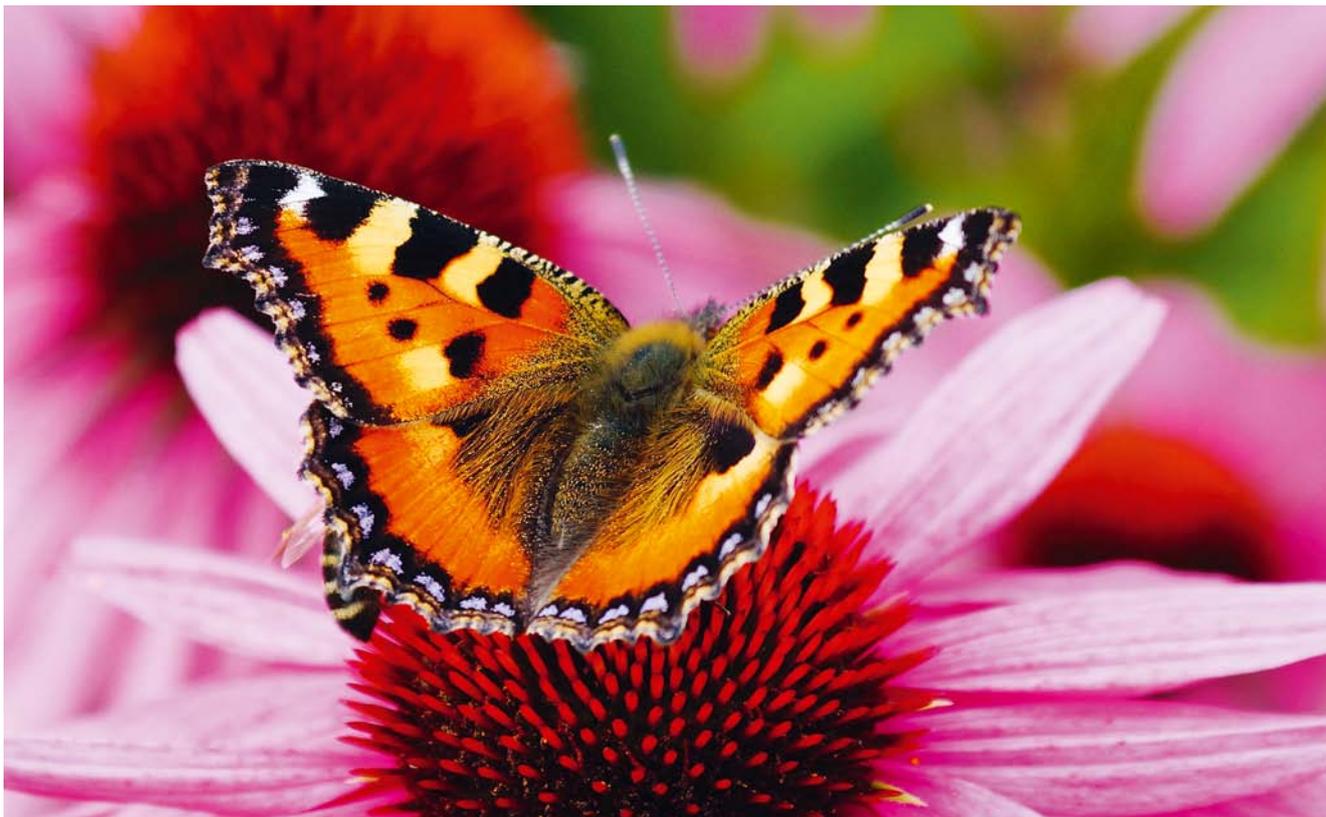
Есть несколько причин, которые определяют необходимость и приоритетность этой задачи.

Во-первых, это вопрос социальной справедливости: богатства культурных столиц сегодня доступны лишь в лучшем случае десяти процентам населения страны. Хотя принадлежат они всем и право на доступ к ним имеют все граждане.

Во-вторых, там, где больше внимания и средств уделяется культуре, спокойнее и благоприятнее социальная и правовая обстановка. Ещё раз необходимо подчеркнуть: культура — это сфера запретов, сфера производства поведенческих образцов, сфера формирования навыков саморегуляции и привычки к ней.

В-третьих, ненормальна ситуация, когда граждане страны приходят к мысли, что достой-

ная жизнь существует только в столицах. Тогда, с одной стороны, люди активного темперамента мигрируют из своих регионов, лишая их энергии и возможности развития. С другой — они далеко не всегда находят место для реализации своих возможностей там, куда стремятся, и образуют определённый потенциал недовольства и одновременно миграционного давления на жителей крупных городов, в которые они мигрируют. В-третьих, останавливается и тормозится развитие самих регионов. В-четвёртых, современный мир — это мир утверждения того, что принято называть массовой культурой: упрощённой и во многом примитивизированной культурой общества потребления. Эта культура, с одной стороны, ниже по своим образцам и утверждаемым идеалам подлинных образцов культуры тех стран, откуда она распространяется. С другой стороны, она не соответствует образцам и нормам отечественной культуры. То есть она в целом разрушает ценностный мир современной цивилизации, в том числе разрушает и классические европейские ценности, и национальную самоидентификацию России. Она прививает образцы поведения не европейского классического типа, а социальных люмпенизированных групп, так и не поднявшихся до овладения этими образцами.

Здесь есть и объективная закономерность: сравнительно быстрое знакомство огромных масс с достижениями культуры приводит к снижению её общего уровня. Без осознанной государственной поддержки массы не успевают освоить и осмыслить её содержание, и тогда из всего Боккаччо остаются лишь скабрёзные сцены, из всего Рубенса — эротические сюжеты, из всего Вольтера — лишь сарказм.

Отграничиться от этого в современном мире невозможно. Противостоять — трудно. Тем более в том сложном положении, в котором в последнюю четверть века оказалась Россия. Но массовой культуре общества потребления можно противостоять — помогая всей государственной силой распространению и освоению населением страны, в первую очередь проживающем сегодня в провинции, всего потенциала отечественной национальной культуры — и собственно русской культуры, и культуры всех народов, населявших территорию СССР.

Российское государство вступает в свою «культурную борьбу» и, ведя её, защищает не только нашу национальную самоидентификацию и культурный суверенитет страны, но и остатки собственно европейской культуры, носителем и хранителем которой сегодня остаётся Россия. Открывая при содействии государства осмысленный доступ к достоянию

национальной культуры регионам страны, мы создаём тот культурный оплот, который сможет сохранить и подлинную европейскую культуру.

3.3. Защита и сохранение русского языка и развивающей литературы

Выбирая язык, общество выбирает имена. Выбирая имена — выбирает оценки. Выбирая оценки — выбирает своё будущее. Все современные нации были образованы путём оформления экономических общностей в зонах использования того или иного языка.

Язык отражает мир и рождённый исторической практикой тип мышления. Но язык формирует и тип действия, и историческую, а также государственно-политическую самоидентификацию. Упрощение национального языка ведёт к примитивизации сознания и деятельностных алгоритмов, к разрушению историко-государственной самоидентификации.

Сохранение правильного русского языка, в своем нынешнем виде сложившегося в первой половине XX века, но основывающегося на классической русской литературе XIX столетия, — государственная задача России.

Одним из условий сохранения русского языка является поддержка и популяризация развивающей отечественной и переведённой

на правильный русский язык зарубежной литературы, публиковавшейся в своё время в сериях золотого фонда мировой классики, а также в «Библиотеке приключений», «Библиотеке приключений и научной фантастики», ориентировавших людей на познание мира, на героизм, дружбу и честность.

Популярная и популяризованная в XX веке литература стала естественной частью отечественной культуры, определившей тип человека — созидателя и первопроходца.

3.4. Обеспечение благоприятной информационной и культурной среды

Сохранение правильного русского языка является одним из основных условий обеспечения благоприятной для человека информационной и культурной среды. Однако язык может быть использован как для формирования латентных образцов, направленных на познание и созидание, восхождение человека к его роли творца и носителя значимых для страны ценностей и реализацию его творческого потенциала, так и для утверждения обратного — образцов самозначимости потребления, приоритета биологического над социальным и реализации своего личностного начала через разрушение.

Отсюда встаёт вопрос: какие культурные и поведенческие образцы, утверждающиеся в культурной среде, должны поддерживаться государством: развивающие в человеке его человеческое либо его физиологически-инстинктивное начало?

Задача государства — поддерживать те образцы и образы, которые будут возвышать и развивать человека, усиливать страну и обеспечивать его гордость за свою историю, укреплять его активную гражданскую позицию, поддерживать его историко-государственную самоидентификацию, его ответственность за страну и её суверенитет.

И осуществлять это во всех элементах информационной и культурной среды — от архивов, музеев, библиотек до туризма, телевидения и интернета.

3.5. Обеспечение доступности художественного образования

Для развития человека и в общекультурном смысле, и в смысле обеспечения возможностей выявления и реализации его художественных талантов государство решает задачу поддержа-

Российское государство вступает в свою «культурную борьбу» и, ведя её, защищает не только нашу национальную самоидентификацию и культурный суверенитет страны, но и остатки собственно европейской культуры, носителем и хранителем которой сегодня остаётся Россия.

ния доступности художественного образования. Россия является социальным государством, и в ней не должна существовать зависимость в этом плане от имущественного положения и социального статуса человека. Поэтому государство сталкивается с необходимостью осуществления двух мер.

Во-первых, охватить теми или иными видами художественного образования всех воспитанников детских садов и общеобразовательных школ. Задачей такого охвата является, с одной стороны, обеспечение общего художественного развития каждого, с другой — выявление наиболее талантливых и создание условий для культивации их способностей.

Во-вторых, создать для выявленных групп разнородную систему художественного образования и развития, включающую в себя:

- общие часы художественного образования в школе для детей с рядовыми способностями в этой сфере;
- дополнительные занятия по типу кружков для имеющих более высокие способности;
- художественные школы того или иного направления (музыкальные, танцевальные, изобразительные, театральные, исторические и т.д.) для обучения в них детей с явными талантами — детей, стремящихся их развить, но не собирающихся связывать свою профессиональную деятельность с этой сферой;
- специализированные школы по типу школ с углублённым изучением иностранного языка с особой профильной подготовкой; такие школы должны совмещать углублённое художественное образование с получением общего среднего образования.

Эти формы образования должны быть подведомственны Министерству культуры РФ, доступны для каждого, имеющего соответствующие способности, бесплатны для учащихся и их родителей. Места в них должны создаваться по факту наличия поступающих с соответствующим уровнем способностей.

4. ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ

Сохранить культуру и заложенные в ней ценностные основания национальной самоидентификации нельзя при пассивном хранении культурного наследия в условиях агрессивной внешней экспансии разрушающих её образцов. Для культурного наследия необходимо как постоянное воспроизводство базовых латентных образцов, ценностей и норм, так и их распространение в окружающей среде.

4.1. Поддержка творчества и талантов

Основной задачей государства в этой сфере является переход от поддержки искусства по критерию его элитности и модности к поддержке по критерию талантливости и социальной значимости.

Государственная помощь художнику — это помощь тому, кто без неё, возможно, великим и не станет. С определёнными оговорками и уточнениями.

Во-первых, поддержка нового и ещё не утвердившегося не означает пренебрежение и невнимание к заслуженным мастерам. Особенно если сегодня они оказались в тяжёлой ситуации. То положение, когда великие мастера советской эпохи доживали жизнь в нищете и в домах престарелых в 90-е годы, навсегда останется страницей позора в истории отечественной политики.

Во-вторых, поддержка нового и ещё не признанного не означает поддержки непонятого и модного. Мода и элитность вообще спорны как критерии в оценке художественной ценности. Элитность хороша, когда создаёт высокие образцы для развития общего уровня культуры и искусства. Но слишком часто элитным объявляется то, что малоинтересно кому-либо, за исключением малочисленных групп, объявляющих себя элитой на том основании, что они провозглашают себя понимающими то, что непонятно остальным.

Задача государства — поддержать талантливость и социальность, которые родственны друг другу. Талантливость так или иначе обычно ощущается большинством. Социальность близка как минимум тем социальным группам, которые она представляет.

4.2. Стратегическая триада просвещения и роли её звеньев

Для достижения поставленных целей сохранения культурного достояния и воссоздания

полноценной культурной среды, интенсивного воспроизводства и распространения базовых латентных образцов государство должно обладать мощным, скоординированно действующим просветительским инструментом. Особую роль приобретает наиболее насыщенная потенциалом активного Просвещения триада: театры и кинематограф — музеи и выставки — библиотеки и клубы.

Все три указанных звена в своём скоординированном действии способны выполнять единую просветительскую роль и связаны эффектом общего присутствия при освоении культуры. Они обладают способностью создания «храмового эффекта» сочувствования и сопереживания собравшихся вместе людей.

Первое звено выполняет функцию хранения и передачи образцов и норм тем, которые глубоко в них заинтересованы: библиотека — литературные образцы и нормы, допускающие углублённое рационально-образное осмысление, клуб — общие увлечения, правила поведения и обмен сопереживанием.

Второе звено обеспечивает присутственное осмысление в непосредственном восприятии изобразительных образов: музей — предполагающее преимущественно углублённое осмысление, выставка — в большей степени ознакомительное, хотя и не только.

Третье звено соединяет зрелищно-образное и рационально-образное восприятие и осмысление: кинематограф — при относительно менее активной роли зрителя как наблюдателя, театр — при его большей ориентации на сознательный поиск сложных лично передаваемых психологических нюансов зрителя как соучастника.

В комбинированном действии, погружая человека в сознательно избираемое состояние осмысления, они вместе способны противостоять стремительно проходящей сквозь человека информации и образам телевидения и Интернета в том случае, если действуют совместно.

Для обеспечения этого комбинированного действия государство должно решить следующие задачи:

- создать доступный, популярный и качественный кинематограф, восстановив ту его роль в обществе, которую мы имели до национальной катастрофы конца 80-х годов и раздела СССР, — обеспечивавшего популяризацию образов и сюжетов других звеньев этой триады;
- сохранить и поддержать репертуарный театр, в отличие от театра антрепризы, предполагающий сохранение и развитие различных

- школ театрального мастерства и углублённое осмысление и сопереживание зрителя;
- обеспечить сохранение музейных фондов и активное представление накопленных в них произведений жителям разных регионов через интенсивную практику выездных выставок;
 - возродить роль библиотек как сакрализованных мест общения с книгой и углублённого осмысления произведений, придав им характер объединяющих в живом общении людей клубов, тех, которые способны к рационально-образному осмыслению и сопереживанию;
 - возродить классическую роль клубов по интересам как мест непосредственного общения и живых коммуникационных площадок, восстанавливающих способность человека к самоорганизации и социальному действию.
- Учитывая, что в условиях информационного общества повышенная скорость изменения потоков информации неизбежно вызывает шок, угрожающий государству и культуре как институциональным системам, нужно иметь в виду,

что обратной реакцией общества неизбежно будет становиться запрос на упорядоченность и постоянство, противостоящие хаотизации. И более успешной окажутся те политические и культурные системы, которые смогут конструктивно удовлетворить этот запрос.

4.3. Проблема современного искусства

Современное искусство — это всё искусство современников. Новые формы оправданы тогда, когда мастер умеет талантливо творить в старых, но при этом несёт нечто, для чего старых оказывается недостаточно. Есть современные образцы искусства, которые понимает (или как минимум воспринимает) большинство людей. Есть современные образцы, которые признаются лишь немногими, называющими себя представителями творческой элиты. Время покажет, какие именно виды и жанры современности окажутся полем реализации гениев.

Искусство — это не процесс самоутверждения в изысках необычного. Искусство — это создание

образов, значимых для больших групп людей. И оно становится искусством там и тогда, где и когда созданные им образцы начинают восприниматься обществом.

4.4. Возрождение эффективной науки в сфере культуры и искусства

Для осуществления политики в сфере культуры государство должно возродить разрушенную в 90-е годы науку в этой сфере. На сегодня в области культуры и образования стоит целый ряд вопросов, для решения которых государству нужна помощь учёных.

Среди них:

- каковы закономерности развития культуры и интеллектуальной сферы общества так называемой эпохи постмодерна и как преодолеть имеющие в ней место тенденции определённой ценностной деградации;
- неизбежна ли ситуация, когда расширение доступа миллионных масс к достижениям культуры ведёт к снижению общего уровня культуры или возможны иные варианты развития;
- сохраняются ли в обществе потребления классические представления об эстетических категориях;
- возможно ли — и если возможно, то как — преодолеть свойственные современной массовой культуре определённые упрощения и примитивизацию культурных норм;

- каковы механизмы сохранения историко-культурной идентификации и высоких образцов культуры в условиях информационной агрессии современной массовой культуры общества потребления;
- как сохранить в качестве культурного образца общества образ человека-созидателя, а не субъекта потребления.

Эти вопросы могут показаться абстрактными — но это вопросы сохранения историко-культурной идентичности.

Для решения этих вопросов необходимо:

- обеспечить престижность и высокооплачиваемый характер работы в научных учреждениях этой сферы;
- изменить статус государственных исследовательских центров: с учреждений, где научные сотрудники за ничтожную оплату имитируют изучение вопросов частного характера, на интеллектуальные фабрики и лаборатории, в рамках государственного заказа решающие стратегические вопросы развития страны;
- изменить отношение к науке в сфере культуры и искусства. Исследования в области культуры сегодня приобретают то же значение, какое исследования атомного ядра имели пятьдесят лет назад.

4.5. Создание новой образовательной модели в сфере творческого и гуманитарного образования

Ключевым звеном воспроизводства и распространения базовых норм и ценностей общества является система подготовки специалистов, которая не может унифицированно копировать образцы образования в сфере точных и естественных наук.

Всё более очевидным становится необходимость иметь две образовательные модели: одну — для относительно унифицированных сфер естественнонаучных и технических специальностей, другую — для творческих и гуманитарных сфер. Подобно старому делению, существовавшему в России, на классические гимназии и реальные училища.

В этой сфере в наибольшей степени востребованы такие моменты, как личная нестандартность педагога и студента, доминирование роли мастера и его личности над унифицированной технологией. Велика значимость интуитивного и творческого начал.

В качестве особо значимых черт этой модели можно выделить следующие.

- Во-первых, особый подход к набору студентов:
 - менее чем где-либо в творческом и гуманитарном образовании тестовая система может характеризовать способности студента, здесь на первый план должны выходить различные формы творческих испытаний;
 - менее чем где-либо критерием оценки готовности к поступлению в вуз могут быть выпускные экзамены в школе; доминирующую роль должна играть оценка поступающего принимающим вузом;
 - менее чем где-либо может быть использована система любых объективированных критериев, решающим должно быть мнение набирающего курс мастера — будь это, соответственно, театральное искусство, либо культурология, либо философия культуры.

Во-вторых, творческие и гуманитарные вузы должны иметь возможность самостоятельно формировать государственные стандарты по своим направлениям подготовки.

В-третьих, основные постулаты модели следующие:

- преподаватель является не ретранслятором ранее накопленной информации, а производителем новой — на основании имеющихся накоплений; лекция является не воспроизведением прежней информации, а научным докладом о состоянии рассматриваемой проблемы на сегодняшний день;

- студент не является ни субъектом механического запоминания, ни субъектом постмодернистского вольного имитирования творческого процесса — он должен хорошо знать необходимый объём сведений, владеть методами научного анализа и осмысления, уметь создавать новую научную информацию на основе имеющейся.

Задача этой модели — развитие творческих способностей ученика, накопление и распространение академического знания и мастерства, противодействие информационной агрессии, защита историко-политической самоидентификации, противодействие искажениям истории и использованию культуры в ущерб интересам развития и суверенитета России.

5. СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ И ОТРАЖЕНИЕ НАПРАВЛЕННОЙ НА НЕГО ИНФОРМАЦИОННОЙ АГРЕССИИ

Культура, история, историческая память — это всегда пространство информационной и смысловой конкуренции национально-государственных, социально-экономических и социально-политических систем. Пространство борьбы за сохранение историко-идентификационного, политико-экономического и культурного суверенитета.

В этом отношении задача государственной политики в сфере культуры и искусства — сохранение и защита культурного суверенитета страны.

Культурный суверенитет страны включает в себя:

- право страны и её народа руководствоваться теми образцами, ценностями и нормами поведения, которые выработаны в ходе их истории, признаются и принимаются народом;
- принятие или непринятие народом тех или иных образцов, норм и ценностей выше признания или непризнания их внешними для данной страны субъектами;
- право страны и её народа противодействовать распространению информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации общества и чреватой разрушением значимых для него образцов поведения, ценностей, этических, эстетических и бытовых норм;
- право народа и граждан, право и обязанность государства не допускать использование сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны.

Противодействие ценностной энтропии массовой культуры постмодерна

Понятно, что основным инструментом переноса потоков информационно-культурной энтропии сегодня являются ТВ и Интернет. Не в силу их некоей исходной порочности — а в силу способности ускоренно переносить и обрушивать на человека потоки информации, которые тот не успевает обрабатывать. Но ТВ и Интернет — это только инструменты. Это не особые виды культуры и искусства. Они переносят то, что через них транслируется, и ломают волю и идентификацию того, кто не может противопоставить им свой устойчивый ценностный мир и своё единство с классической культурой. Массовая культура — это поток быстрого и неподготовленного погружения широких масс в многообразное культурное пространство. Если человек встречается с этим потоком, имея устойчивую систему этических и эстетических ценностей, наполненный богатством национальной и классической культуры, — он оказывается сильнее неупорядоченного культурно-информационного потока Постмодерна.

Нужно признать — Россия сумела удержать свой культурный суверенитет в значительной степени благодаря накопленному ранее советскому культурно-образовательному потенциалу и его остаткам. Отсюда задача нашей культурной политики — сделать культурные богатства страны доступными для каждого, наполнить их образами и ценностями, устранить разрыв между регионами и столицами в доступе к массивам отечественной культуры.

Одним из средств противостояния культурно-информационному потоку массовой культуры является создание устойчивой и глубоководно осмысленной системы ретрансляции классических культурных образцов, зон устойчивого осмысленного соприкосновения с данным культурным массивом, обладающим эффектом присутствия и соучастия, сопереживания, в частности — воссоздания «стратегической триады Просвещения», о которой шла речь выше.

В комбинированном действии, погружая человека в сознательно избираемое состояние осмысления, они вместе способны противостоять стремительно проходящей сквозь человека информации и образам телевидения и Интернета в том случае, если действуют совместно.

Поток образов, транслируемых ТВ и Интернетом, идёт с одной стороны, как встречающая волна, составляя фоновое восприятие, дей-

ствующее в первую очередь на расслабленное подсознание, проходит сквозь человека, воздействуя в основном своим информационным объёмом.

Поток ощущений и образов названной стратегической триады можно организовать как попутный: привлекательный и сознательно избираемый человеком, погружающий последнего в его ценностное осознание. В этом случае человек сам оказывается носителем и ретранслятором устойчивых образов, защищённым наполненностью ими от накатывающегося на него потока постмодернистских образцов масскультуры.

Иными словами, мы преодолеем волны культурной энтропии комбинацией организованных действий разных видов и жанров искусства и созданием устойчивых и привлекательных культурных сфер и носителей культуры.

Любая пассивная защита, в частности, защита культурного суверенитета страны, обрекает защищающийся субъект на утрату стратегической инициативы, отдавая её атакующему началу. Если весь мир окажется поглощён утвердившимися волнами массовой культуры Постмодерна, а классическая культура будет разрушена, России намного сложнее будет противостоять социальному регрессу и культурной энтропии.

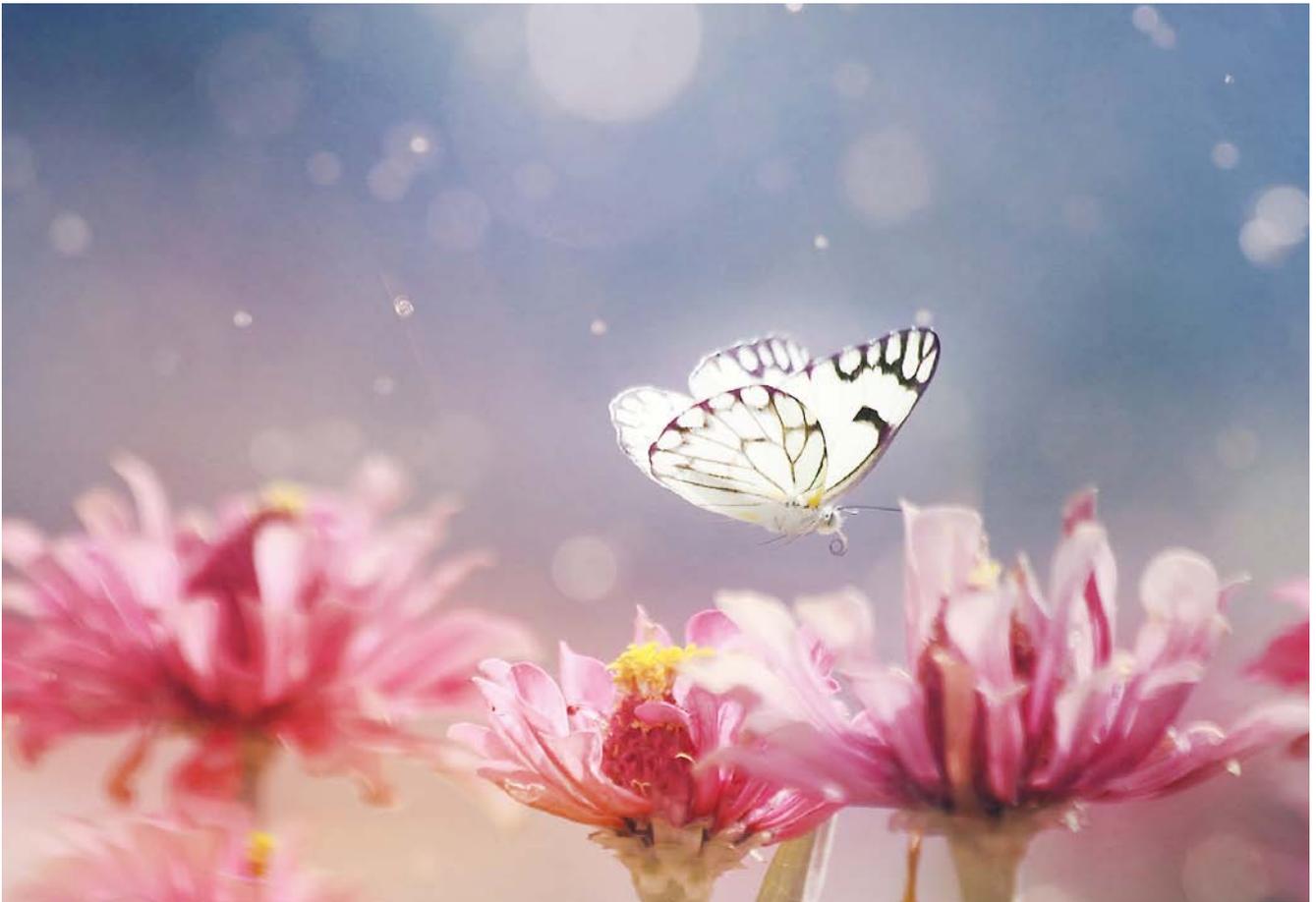
Потеря каждого элемента классической самобытной культуры мира наносит удар и культурному суверенитету России. Как отмечалось в уже упомянутой Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия: *«...повреждение или исчезновение любых образцов культурной ценности или природной среды представляют собой пагубное обеднение достояния всех народов мира».*

Поэтому речь идёт не о добровольной культурной самоизоляции в стратегической оброне — речь идёт и о перехвате стратегической культурной инициативы, активной политике и культурной экспансии в окружающем мире.

5.1. Основные угрозы

В современных условиях культурный суверенитет страны сталкивается как с объективными, так и с субъективными угрозами.

Период деструкции, которым обернулись неудачные и концептуально непроработанные попытки проведения трансформаций на территории СССР в последнюю четверть века, вполне естественно, среди прочих, как отрефлексированных, так и неотрефлексированных реакций,

актуализировал значение и звучание вопроса о сохранении идентичности.

На Россию оказались перенесены проблемы кризиса цивилизационного европейского социума. Веротерпимость, рождённая веком Просвещения, на самом деле в современной Европе оказалась воплощена не в преодолении ограничений религиозного сознания, а в «неоязычество», когда на деле утверждаются религиозные формы, стоящие по своей организации ниже монотеистических религий, в частности, ниже уровня мышления христианской религии. Атеизм, заключавшийся в принятии сложной научно обоснованной картины мира и его гуманистических ценностей, оказался подменён «антиатеизмом», по сути означая культ уничтожения «высшего существа» без принятия ценностей, вызревших в монотеистическую эпоху.

Постулат о самоценности каждой личности был подменён де-факто провозглашением права индивида на пренебрежение к социуму. Право на неприкосновенность личной жизни — легализацией сексуальных извращений. Признание права национальных меньшинств на самобытность — ущемлением достоинства наиболее

развитых народов. Интернационализм — полинационализмом, который готов в борьбе против «своего» национализма поддерживать и славить любой другой национализм, если только он провозглашает борьбу с «имперскими притязаниями» существующего государства.

Признание права каждого на неограниченное развитие было подменено де-факто правом на возвышение сильных и презрение к «слабым», т. е. к основной массе. Идея достойной жизни для каждого — культом совершенствования гипертрофированного потребления. Естественный процесс интернационализации всех сторон общественной жизни — экспансионистской версией глобализации, по сути означающей диктат одной части мира по отношению к другой.

К числу объективных угроз относятся:

- распространение поведенческих образцов общества потребления, утверждающих в качестве главного смысла существования человека его растущее потребление;
- массовая культура, утверждающая сведение высоких культурных образцов к их примитивизированному восприятию;

- квазицивилизация постмодерна, отрицающая единство законов мира, объективность истины, этических и эстетических категорий и утверждающая моральный и ценностный релятивизм.

В совокупности они угрожают ценностным основаниям культуры России, отечественной ментальности, равно как и основным ценностям классической мировой и европейской цивилизации.

К числу субъективных угроз относится информационная агрессия геополитических конкурентов России, направленная как на разрушение отечественной историко-культурной и государственно-политической самоидентификации, так и на использование культуры для дискредитации и разрушения уже и политического суверенитета России.

Эти угрозы должны быть устранены, а информационная агрессия отражена.

5.2. Создание системы противодействия угрозам культурному суверенитету

Основой противодействия угрозам культурному суверенитету страны является создание массовой культуры высоких образцов — культуры, основанной на целенаправленной государственной

поддержке и устранении разрыва между высокими достижениями культуры и повседневной жизнью масс путём поднятия последних до уровня таких достижений.

Одной из центральных задач в этом направлении является устранение указанного разрыва в его следующих срезам:

- по региональному признаку;
- по типу поселения, по социальному признаку;
- по профессиональной принадлежности учебного заведения.

Создание системы защиты культурного суверенитета страны включает в себя следующие основные шаги:

- признание факта этой агрессии и её угрозы культурному суверенитету страны;
- создание системы отслеживания и анализа распространения волн этой агрессии и её основных направлений;
- устранение разрыва между повседневным уровнем бытовой культуры и имеющимся в стране культурным потенциалом, соединение повседневной жизни человека с ресурсами национальной культуры;
- осуществление своего рода второй культурной революции — культурного ликбега в стране: информационная агрессия апеллирует к при-

митивному восприятию, повторяемости ярких, но упрощённых культурных образцов — и оказывается бессильна там, где ей противостоят укоренившаяся в традиции национальная культура и высокие образцы искусства, обращающиеся к сущностным началам в человеке;

- деунификация системы образования в гуманитарной и творческой сферах, подготовка кадров высшей квалификации в области культуры и искусства, обладающих творческим горением и хорошим вкусом, способных сделать доступными и воспринимаемыми высокие образцы искусства;
- обеспечение повседневной доступности ресурсов культуры для каждого человека.

И главное — всю сферу культуры и всю культурную жизнь общества необходимо пронизать пониманием, может быть, главного тезиса: человек тем отличается от животного, что имеет в себе смыслы и ценности большие, чем его собственно физиологическое существование.

5.3. Позитивная история

Для обеспечения полноценной защиты культурного суверенитета страны государственная политика в области культуры должна способствовать утверждению принципа позитивной истории в отношении к прошлому.

Данный принцип предполагает, что у граждан России есть все основания рассматривать свою историю не как основание для сожалений и раскаяний, а как предмет гордости.

Историческая истина едина и объективна.

Исходя из признания единства истории страны и равнозначности всех её этапов нужно отказаться от пренебрежительного отношения к советскому этапу развития отечественной культуры. Если созданная в течение веков российская интегративная модель культуры стала высшей формой и высшим достижением мировой культуры, то советская культура стала и её высшим этапом, высшей формой и высшим достижением.

Россия существует более тысячи лет и является одной из ведущих стран мира, определяющих ход мировой истории. История должна изучаться и преподаваться с точки зрения побед и достижений — оплаченных подчас трагедиями и потерями.

России не нужно возвращаться к «достижениям европейской цивилизации» — она сегодня хранит их куда в большей степени, чем другие страны континента, являясь последним бастионом подлинно европейской культуры и подлинно европейских ценностей. России не нужно

России не нужно возвращаться к «достижениям европейской цивилизации» — она хранит их куда в большей степени, чем другие страны континента, являясь последним бастионом подлинно европейской культуры и подлинно европейских ценностей. России не нужно возвращаться «в лоно мировой цивилизации» — она является одним из определяющих факторов её развития.

возвращаться «в лоно мировой цивилизации» — она является одним из определяющих факторов её развития, и сегодня эта цивилизация существует благодаря тому, что есть Россия.

5.4. Политика культурной реконксты

Защищая свою культуру и свой культурный суверенитет, Россия защищает не «национальную ограниченность» от «достижений цивилизации», а достижения цивилизации — от социально-исторического регресса и нового варварства массовой культуры, энтропии Постмодерна с его отказом от признания единства истины и универсализма классических ценностей, от доминирования значимости потребления над значимостью творческого созидания.

Поэтому миссия России — осуществление культурной реконксты:

- сохранение высших достижений отечественной и мировой культуры;
- утверждение причастности к ним, в том числе и на бытовом уровне, широких масс населения постсоветской территории;
- распространение её в остальном мире, восстановление в нём доминирования классической культуры в её высших проявлениях.

6. МЕЖДУНАРОДНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА: СОХРАНЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Выполняя миссию сохранения и возрождения классической культуры человечества, современное российское государство:

- создаёт развитую систему своего культурного представительства в разных регионах и разных странах мира;
- осуществляет просветительскую деятельность по пропаганде высших достижений

культуры и образцов классической культуры во всём мире;

- поддерживает течения и носителей классической культуры вне зависимости от их национальной принадлежности и места пребывания.

Продвижение российской культуры за рубежом

Продвижение российской культуры за рубежом — одна из целей плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на период до 2018 года. Однако сегодня её нужно трансформировать. До сих пор мы исходили из того, что таким образом решаем следующие стратегические задачи: укрепление международного имиджа страны, увеличение влияния на мировой арене, популяризация российской культуры и искусства; восстановление утраченных позиций русской культуры, языка и духовных ценностей в странах СНГ и на постсоветском пространстве, в первую очередь — среди молодого поколения.

В свете вышесказанного сегодня нужно говорить, что стратегическая задача нашей политики в области культуры является более широкой:

- поддержка и защита любых сохраняющихся очагов классической культуры и их возрождение;
- возрождение доминирования классической культуры в мире в целом.

Продвигая российскую культуру за рубежом сегодня, мы не только пропагандируем Россию и улучшаем её имидж; мы пропагандируем возможность сохранения классической культуры в противостоянии с массовой и возвращаем в мир образцы утерянного им наследия. Российская культура на самом деле — это концентрат достижений классической мировой культуры, в первую очередь — европейской. Сегодня вернуть Европе утраченные ею ценности может только сохранившая их Россия.

Отсюда нам нужна и организационная, и коммуникационная система культурного взаимодействия. Образно можно использовать такое сравнение: в мире эпидемия опасного заболевания — и вакцина против неё есть только у нас.

Либо мы остановим эпидемию в мире — либо в конце концов она погубит и нас.

Речь идёт не просто об улучшении имиджа нас самих — речь идёт о необходимой амбициозной культурной экспансии, которая позволила бы освободить мир от культурной энтропии, вернуть ему классические ценности и образцы поведения.

Нам нужна серия действующих в регионах мира совместных культурных институтов: российско-романских, российско-североамериканских, российско-исламских, российско-германских, российско-латиноамериканских и т.д., являющихся очагами интеллектуально-культурного влияния на различных континентах; развивая культурно-миссионерская деятельность, утверждающая и возрождающая в разных регионах и их классическую культуру, и распространяющая российскую, особенно построенную на основе местных культурных источников.

Отсюда стоит задача поддержки и объединения всех очагов классической культуры в мире, равно как и всех культурных и общественных и политических организаций и движений, выступающих в поддержку классической культуры во всех её проявлениях.

Создание международного общества поддержки классической культуры — своего рода Культинтерна, а в перспективе — политического союза стран, выступающих за сохранение и возрождение в мире его классической культуры.

То есть ещё раз: Россия сегодня — практически последний бастион сохранения классической и тем более европейской культуры и европейских ценностей. Но защитить и сохранить свою национальную культуру мы можем, только защитив и возродив классическую культуру мира.

6.1. Система культурного представительства

Система культурного представительства России создаётся в разветвлённом формате и состоит из:

- соответствующих структур при посольствах России во всех странах, с которыми она имеет дипломатические отношения;
- культурных представительств, желательно во всех странах;
- обществ российской культуры и российских культурных центров с установкой на их создание в каждом крупном городе и каждом регионе той или иной страны мира;
- обществ защиты классической и национальной культуры, которые Россия помогает создавать и поддерживает во всех странах мира;

- системы поощряемой личной миссионерской деятельности наподобие деятельности христианских миссионеров в прошлые столетия.

6.2. Пропаганда образцов классической культуры во внешней среде

В мире не должно остаться ни одной страны, ни одного региона, города и человека, которые не будут охвачены влиянием классической мировой культуры, сохранённой Россией.

Через систему своих представительств, организацию гастролей, выставок, участвуя в международных конкурсах и фестивалях, Россия будет распространять в других странах произведения классической культуры. Причём произведения как имеющие собственно российское национальное происхождение, так и созданные в России по мотивам и сюжетам культуры других стран. Это будет осуществляться с ориентацией на то, чтобы такие произведения в большей степени отражали заложенные в них авторами ценности и смыслы — в отличие от интерпретаций в современных постановках и экранизациях, создаваемых на родине их авторов. Особенно если эти страны сегодня поражены энтропией своих национальных культур.

6.3. Поддержка течений и носителей классической культуры в других странах

Россия осуществляет поддержку классического искусства и ориентированных на него организаций и авторов во всём мире.

Стоит задача ежегодного выделения из национального бюджета средств на поддержку классической культуры в мире, осуществления мониторинга состояния классической культуры во всём мире, использования Россией всех своих возможностей для реализации мер по её защите, сохранению и развитию.

Россия также выступит с инициативой создания Культинтерна — Международного общества сохранения и поддержки классической культуры, объединяющего все организации мира и всех граждан, признающих ценность и приоритет сохранения и возрождения классической культуры, противостояния экспансии общества потребления и квазицивилизации Постмодерна.

Россия также выступает с инициативой создания союза стран, ориентированных на защиту и развитие классической культуры и собственных культурных суверенитетов.

/ Наталья ОВЧИННИКОВА, Юрий КОВАЛЬЧУК /

На культурных фронтах Русской весны

(обзорный экспертный доклад)

Государственный переворот и гражданская война на Украине стали катализатором процессов, значимость которых можно будет оценить в полной мере только по прошествии времени. В трагических событиях нашло свой выход многое из того, что назревало в течение долгого времени. Суть происходящего прекрасно выразил Юрий Поляков: «На Украине жёсткий межцивилизационный конфликт. То, что для одних алтарь, для других — плевательница. Для одних русский язык — основа самоидентификации, для других — «собачья москальская тарбарщина». <...> Есть такое понятие — «конституирующий чужой». Народу, чтобы обособиться, надо кого-то себе противопоставить. Строя свою внезапную государственность, украинская, воспитанная на галицийской традиции элита не нашла ничего лучшего, как выбрать себе в качестве «конституирующего чужого» Россию. <...>

Межцивилизационный конфликт — это борьба символов, а также версий истории. Так, для одних граждан Украины День Победы — главный праздник. Для других — день поражения, сигнал к жестокому реваншу. Как соединить в одном государстве людей, для которых главный герой войны — Жуков, с теми, кто молится на Бандеру?»

Однако по мысли философа Хайдеггера, всякое «анти» застревает в сущности того, против чего оно выступает, — а это значит, что наступление на русскую культуру и попытка украинскую культуру противопоставить общерусской обречена на провал,

Поколение, на долю которого выпадает эпоха войн и перемен, принято называть потерянным. Но мы не потерянное поколение, а наоборот — обретшее смысл, обретшее себя. В определённом смысле Русская весна стала для нас возвращением домой. Почему так произошло? Может быть, потому, что у русского человека «жизнь задыхается без цели». Потребительство и стяжательство, которое пытаются навязать нам, чужды нашему цивилизационному коду. Русскому человеку нужна великая идея, мечта, цель.

Два года назад эта мечта, эта цель родилась.

Её суть прекрасно выразил поэт и прозаик Сергей Арутюнов в своём выступлении на первом публичном мероприятии литературно-общественного проекта «Слово о Новороссии»:

«Я все эти годы не чувствовал, что вокруг нас может образоваться что-то вроде братского чувства. И вот та кровь, которая пролилась, а её набралось бы кубический километр, она вдруг пробудила и страх, и ненависть, и отчаяние, но и великую надежду. И сюда меня привела вера, что там, среди руин, среди обломков и горя,

может быть, после 20 лет абсолютной дезинтеграции, неверия, отчаяния, начнёт биться новое второе сердце России. Это странная, сумасшедшая вера. И это единственное, что поддерживало меня в этот страшный год. Вера, что новое сердце Руси может забиться даже за географическими нынешними границами. И через кровь, через отчаяние, через увечья образуется, заживдется новый град — Небесный Град Руси, о котором писали мистики, о котором говорили святые отцы. Заживдется новый Град. Каким он будет? Это будет царство справедливости. Без олигархов, без лжи, без фальши...»

НАЧАЛО

Когда начались революционные события, все, у кого было достаточно ума, чести и совести, пошли в ополчение. Это были люди, которым не только не нравилась идея жить по правилам «постмайданной» Украины, но и те, кому претило то, что творилось в Донцке.

До начала военных действий это был беспечный край. Край непуганых людей, которые продолжали писать картины и стихи, касаясь только их личных переживаний. Мужчины Донбасса проводили вечера в пивнушках, обсуждая последние события. Женщины взволнованно говорили о растущих ценах на продукты. Всё изменилось — кто бы мог подумать — всего за день. За тот день, в который были нанесены первые артиллерийские и авиаудары украинской стороны по гражданскому населению.

Лишь тогда большинство донбассцев поняло, что это не логическое продолжение «майдана», а полномасштабная война, причём с самыми высокими ставками. Шок, вызванный многочисленными смертями и ещё большим количеством разрушений, на какое-то время парализовал людей. Мгновенно началось расслоение общества — кто-то спешно уезжал на подконтрольную Украине территорию; кто-то рвался в РФ; кто-то уже оплакивал близких; кипел ненавистью. Тысячи людей пошли в ополчение.

Конечно, это не касается тех, кто первым выступил с протестом против насильственной смены власти и варварской украинизации. Эти люди, среди которых хватало и убеждённых сторонников Русского мира, и неприкаянных пассионариев, и авантюристов, и, возможно даже, какое-то число городских сумасшедших, не искали дополнительных аргументов для своих убеждений.

Среди ополченцев были анархисты, коммунисты, неоязычники, монархисты, социалисты,

скинхеды, «профессиональные русские», прочие и прочие... Огромное количество представителей самых разных идеологий, мнений и концепций, из всех уголков СНГ. Но среди них практически не было споров, так как все приехали ради общего дела — создавать, а позже и спасать Новороссию.

Впрочем, вскоре реальность стала до такой степени обременительной, что предаваться философским или теологическим спорам стало некогда. Уже во второй половине июня 2014 года обстрелы стали ежедневными, причём ВСУ не прекращали их даже в религиозные праздники, — и они палили из самых смертоносных видов оружия.

Количество смертей росло в геометрической прогрессии, а вид разрушенного жилища перестал шокировать. В период со второй половины июля по вторую половину августа все, кто мог и хотел, покинули Новороссию. Остальные были оглушены ужасом происходящего и ежечасной заботой о том, чтобы выжить.

Беда сплотила всех. Когда начались настоящие обстрелы с применением РСЗО, крупнокалиберной артиллерии и авиации, когда зверства эскадронов смерти стали данностью, люди впервые задумались о том, что всё это всерьёз и надолго. В тот момент в Донбассе треснула цивилизационная ось. Всё, чтобы было привычно и понятно, иногда даже приемлемо, на глазах превращалось в пыль. Новое врывалось с насилием, заставляя наиболее прозорливых понять, что оно, новое, всё равно ворвётся. Поэтому лучше в нём участвовать и влиять на процесс, чем превратиться в пассивного наблюдателя творящегося ужаса.

В умах царил настоящий хаос. Даже те, кто был до последнего верен своим убеждениям, порой теряли веру. Тому способствовала паника, распространившаяся в социальных сетях после выхода ополчения из Славянска и Краматорска 5 июля 2014 г. Осенью, после так называемого «Южного котла», когда стало понятно, что ВСУ остановлено и даже терпит серьёзные потери, жители Новороссии начали постепенно возвращаться из состояния шока. После выборов 2 ноября понемногу начала восстанавливаться уверенность в завтрашнем дне. Начала восстанавливаться и культура, во многом благодаря сотням и тысячам сотрудников театров, музеев и библиотек. Стоит упомянуть, что уже в ноябре 2014 г. билеты в филармонию Луганска и Донецка приходилось бронировать за несколько недель.

Возрождению также способствовала активная работа всех тех, кто пережил первые

и, будем надеяться, самые травмирующие ужасы войны и при первой возможности пытался выплеснуть их в творчестве. Причём к маститым поэтам, художникам и писателям Донбасса присоединились не только профессиональные авторы из многих стран мира, но и ополченцы.

Достаточно вспомнить командира 1-й отдельной гвардейской мотострелковой Славянской бригады — ныне он командир батальона обеспечения Донецкого высшего общевойскового командного училища — подполковника Сергея Шамберина (позывной «Поэт»). Он объясняет, почему пошёл воевать:

«В моем понимании, сейчас на Украине фашистский режим. Я — русский человек, рождённый в СССР. Я воспитан на традициях наших дедов, и я понимал, что Русскому миру угрожает опасность. В Славянск я уехал добровольно, 21 апреля 2014 года. Самое дорогое, что было за два года войны, — это Славянск! Туда пришли исключительно добровольцы, у каждого свои причины, но все против той власти, против хунты».

Но еще лучше это выражено в его стихотворениях:

ПОБЕДА ЗА НАМИ!

*Вся выжжена Донецкая земля.
И запах пороха устойчивый, и гари.
Назад ни шагу, отступить уже нельзя.
И так мы нацикам Донбасс почти отдали.*

*Идут повсюду, жаль, неравные бои,
И, как обычно, их на каждого по сотне.
Мы просим Господа, нас, Господи, храни.
Идёт война за дорогой всем край наш отчий.
Идёт война, и льётся кровь наших бойцов.
Сыны Донбасса встали лучшие из лучших.
Против фашизма, против тяжести оков.
Нам Украина-сука больше не попутчик.*

*Она в руины превращает города
И разбросала наши семьи по вселенной,
Но не сдадимся мы подонкам никогда,
За нами правда и победа будет верной.*

*За нами слёзы наших жён и матерей,
И это горе нам утраивает силы.
Ответят твари за обиженных детей.
Ответят твари за Донбасс наш, сердцу милый.*

*Во всей Европе им спасенья не найти,
А надо будет — ляжет и Европа.
Смотри, фашизм, возмездие в пути,
И открывает нам оно к победе тропы.*

*Россия с нами, и не дан последний бой.
Да только верю я, что он не за горами.
Зовёт нас Родина, как прежде, за собой,
Как в сорок первом... и ВИКТОРИЯ за нами!*

Даже во время зимней кампании, когда бое- столкновения не прекращались ни на минуту, а продовольственная блокада, которую дополнила крайне холодная зима, сильно угнетала жителей Донбасса, парадигма существования Новороссии продолжала обростать плотью. В некотором роде этому способствовало постепенное «оттаивание» местной культурной жизни, которая теперь в основном состояла из достойных доверия, в большинстве своём проверенных людей.

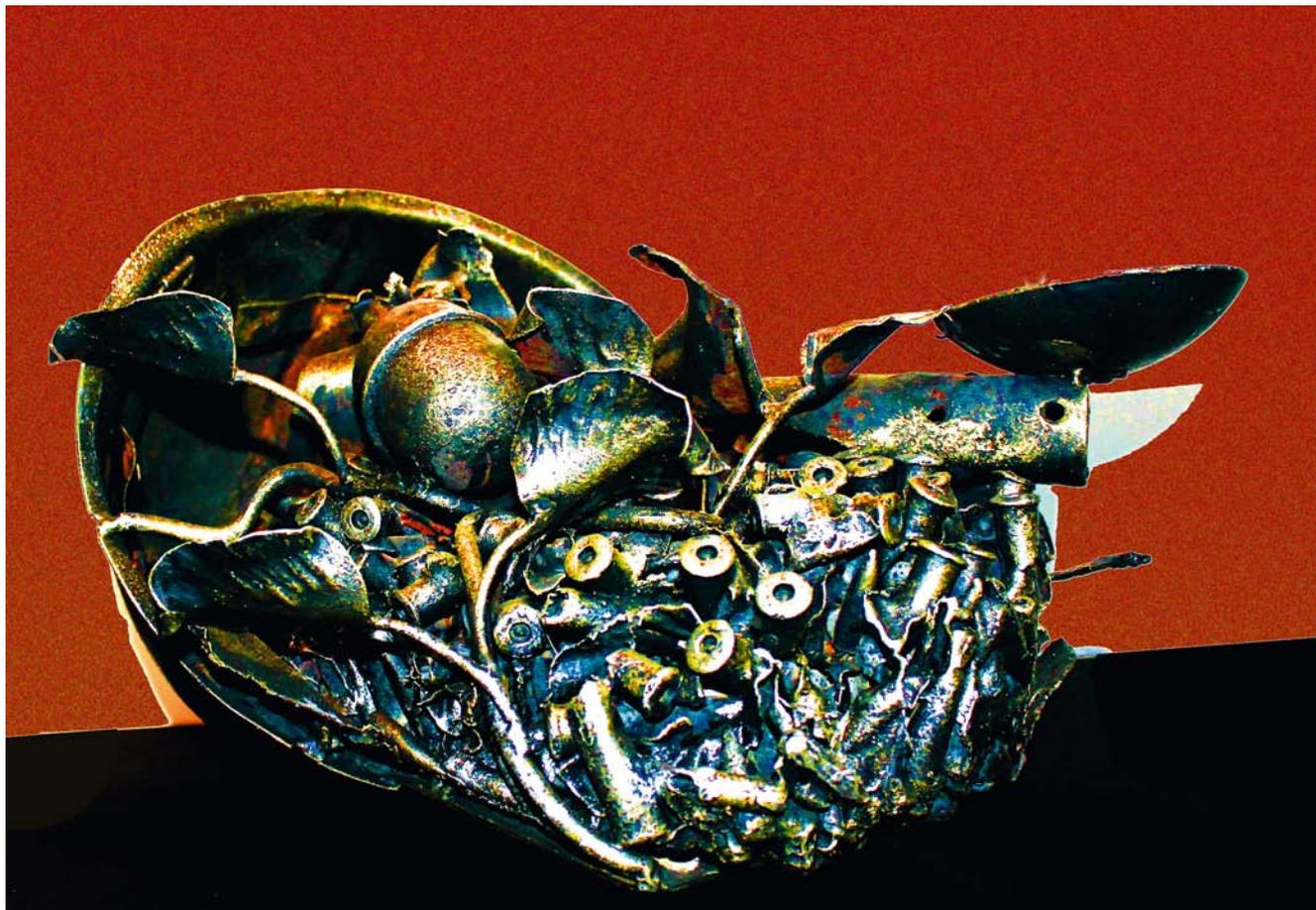
Период, начинающийся с марта-апреля 2015 года и продолжающийся по сегодняшний день, когда-нибудь, возможно, будет назван началом Ренессанса Донбасса. Чем меньше

снарядов падало на города, тем больше в них возвращалось жителей; тем больше открывалось возможностей и для творчества, и для реализации накопленного материала.

Начали работать типографии, выпуская не только убогие агитлистки, но и собрания стихов, первые книги авторов новорождённых республик; сборники их авторов. Возрождение заключалось не столько в том, что творческие люди вновь получили возможность писать и публиковать свои опусы и выставлять или рисовать новые картины, сколько в новом наполнении творчества Донбасса, а вернее — Новороссии.

Массовая культура приобрела невиданный ранее формат, когда в центре находятся рядовые деятели культуры; сверху их бомбардируют вдохновлённые новым содержанием понятия «Русский мир» деятели РФ, а с другого фланга напирают самородки из ополченцев и просто

свидетелей войны, до глубины души впечатлённых происходящим.

Именно в этот момент и на этой земле те слова, которые раньше звучали как пропагандистский клич: Православие; Великая Победа; Деды; Родина; Честь и т. д., — окончательно обросли плотью и кровью. Притом не только для народа Донбасса, но и для многих граждан России, которых эта гражданская война внезапно вырвала из лап текущего пассивного прозябания и потребительства, чтобы вновь осознать, что и «братство» невозможно без взаимовыручки; и враг вполне реален; и Родина стоит того, чтобы положить за нее жизнь.

ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ

Как сами поэты Новороссии обозначают ценности Русского мира?

Хотелось бы процитировать поэтессу Елену Заславскую, её доклад «Некоторые особенности культурного слоя», который был опубликован в юбилейном сборнике луганского Философского монтеневского общества «Четверть века с философией»: «Война разделила нашу жизнь на до и после, стала точкой отсчёта новой исто-

рии не только в политическом смысле, но и в культурном. Возникло два новых государства — Луганская и Донецкая народные республики. Но мало их создать, нужно государственность укреплять и развивать, а для этого необходима идеология с опорой на культуру и ценности, ради защиты которых поднялся народ Донбасса. Если выразить эти ценности словами-маркерами, то наиболее точным, на мой взгляд, будет выражение «Русский мир», которое, в свою очередь, включает в себя много понятий: и русский язык, и великую русскую литературу, и «спасибо деду за победу», и «умереть за други своя», и «с нами правда, с нами Бог», и «жить по совести», и «фашизм не пройдёт»... И то, что Русский мир на Донбассе не принесён российской пропагандой, как пытаются нам доказать наши русофобствующие оппоненты, сторонники «украинского Донбасса», для многих очевидно, но не грех и напомнить, потому как «лагідна українізація» Донбасса шла 23 года независимости и закончилась братоубийственной войной».

Ей вторит в своём уже хрестоматийном «Ватнике» Юрий Юрченко — первый военкор и георгиевский кавалер — об «умереть за други своя», о самопожертвовании, альтруизме, который привёл на Донбасс добровольцев:

Зачем иду я воевать? —
 Чтоб самому себе не врать.
 Чтоб не поддакивать родне:
 «Ты здесь нужней, чем на войне!
 Найдётся кто-нибудь другой,
 Кто встанет в строй, кто примет бой...»
 За это «неуменье жить»
 Не грех и голову сложить.

И ещё:

Скажи, мой грач,
 какой же толк
 в словах про верность
 и про долг,
 когда не сможем мы сберечь
 ни нашу честь, ни нашу речь...

А вот говорит донецкий бард и поэт Владимир Скобцов:

«О реалиях: дворовой шпаны больше нет, пацаны ушли в ополчение и стали мужчинами, трезвыми, по-волчьи умными и взрослыми. В глазах женщин проснулся огонь защитниц очага, его не потушить тем, кто зажжёт. Ясными, как снятый с предохранителя АКМ, стали мужчины. Дружба стала братством. Ошибочно причислившие себя к буржуазии лишились иллюзий, оставшиеся — достойно, уехавшие — нет. Появилось слово «Родина», и это не Украина. Предавшим не отмываться, но им не желают смерти, над ними смеются.

О надеждах и о том, что нас ждёт Победа».

Духовный феномен Русской весны — подлинное возрождение Русского мира — наиболее ярко и полно нашёл свое отражение в поэзии, созданной за два последних года.

Наталья Лясковская в статье «Незатёртых слов боезапас...» о новейшей поэзии Новороссии отмечает: «За один год русскоязычная поэзия совершила невиданный взлёт и сейчас переживает явный расцвет. Во многом это явление связано с событиями на Украине. Русские пережили духовный катарсис, который высвободил мощную творческую энергию, нашедшую наиболее полное воплощение именно в поэтическом жанре».

Писатель Герман Садулаев: «Оказалось, что мы живём снова в эпическое время. Такие люди рядом с нами! Такие события! Значит, и романы будут об этом, настоящие. И фильмы. Потому что главное, чего нам в искусстве не хватало, — настоящих героев, настоящих событий. Теперь они есть».

Захар Прилепин: «В каком-то смысле, как литературный человек, я вижу в этом возвращение в пространство пушкинских стихов, на тушинскую

батарею, в пространство поэмы Есенина «Пугачёв» и поэмы Есенина «Анна Снегина», в пространство стихов Багрицкого и рассказов Бабеля, в пространство романа Шукшина «Я пришёл дать вам волю», романа «Тихий Дон», наконец. Все типажи, которые, как я думал, уже не существуют, русские, пассионарные, харизматичные, жертвенные, достоевские, — они вдруг ожили. Вот эти пацаны и мужики, которых я там, в Донбассе, увидел в огромном количестве. Как только заехал, я их с тех пор и встречаю, вот уже два года: там 30–40 тысяч ополченцев пришли из России за всё это время. Просто невозможная цифра — я думал их в природе уже нет. Я был уверен, что осталось пятьсот нацболов и ещё какие-то отдельные бодрые старики вроде Александра Андреевича Проханова, а всё остальное население живёт в другой совершенно среде, утратило свой, поэтическим языком выражаясь, огненный дух. И вдруг они невесть откуда появляются: эти Моторолы, эти Мозговые; для меня всё это было счастьем. Гришки Мелеховы и персонажи «Слова о полку Игореве» на Руси не перевелись — ещё бы не счастье. Я абсолютно так это воспринимаю — очень пафосно и вовсе этого не стесняюсь, я вдруг увидел: вот он русский человек, он есть, он в силе».

Автор этих строк стала свидетельницей шествия в 2016 году Бессмертного полка в Луганске, и это действо было более потрясающим и значимым, чем прошлогоднее многочасовое и многотысячное шествие по Красной площади в юбилей Великой Победы.

Это было шествие жителей города, пережившего недавно блокаду и обстрелы. Среди праздничной толпы, постепенно пополнявшей

Массовая культура приобрела невиданный ранее формат, когда в центре находятся рядовые деятели культуры; сверху их бомбардируют вдохновлённые новым содержанием понятия «Русский мир» деятели РФ, а с другого фланга напирают самородки из ополченцев и просто свидетелей войны, до глубины души впечатлённых происходящим. Именно в этот момент и на этой земле те слова, которые раньше звучали как пропагандистский клич: Православие; Великая Победа; Деды; Родина; Честь и т. д., — окончательно обросли плотью и кровью.

Бессмертный полк, было немало ветеранов различных войн, начиная от Великой Отечественной и заканчивая войной нынешней. Видя воочию этих людей, понимаешь, откуда и в литературе о новой войне, и в ее героях есть эта преемственность поколений — преемственность подвига.

Лариса Виленовна Шеслер, председатель Союза политэмигрантов и политзаключенных Украины, в своей статье «Жизнь под раскаты гроз и пушек», написанной под свежим впечатлением от поездки на Донбасс, пишет:

«Праздник Победы именно здесь воспринимается не как празднование события в далёкой истории, а как подтверждение неизбежности победы русского духа и Русского мира. Люди здесь празднуют не только ТУ Победу, но и ЭТУ, недавнюю и будущую, за которую сложили головы тысячи добровольцев. Я не буду описывать военный парад в Донецке, многие посмотрели на это впечатляющее зрелище по телевизору или на YouTube. Но невозможно передать через экран искреннюю радость участников, воспринимающих заезжающие на площадь орудия и танки как символ надёжности защиты от бандеровской оккупации...»

Дебальцево, оказавшись в эпицентре военных действий, пострадало очень сильно. Разрушен Дом культуры, целые улицы превратились в руины. В здании Дебальцевской школы искусств, где выступали артисты, до сих пор все окна затянута плёнкой вместо стёкол. Но войдя в здание, у которого фасад был иссечён осколками от снарядов, мы услышали детские голоса, выпевающие упражнения сольфеджио.

В классе по сольфеджио были развешаны учебные плакаты с обращениями септаккорда, и радостные ребятишки с урока помчались на концерт заезжих экзотических звёзд. Директор Дебальцевской школы искусств посетовала, что количество детей в музыкальной школе сократилось с 210 довоенных до 180.

А я ошеломленно думала, что невозможно победить людей, чьи дети изучают теорию гармонии в полуразрушенном городке. Что может быть нагляднее этого свидетельства о том, что культура — это не наносной глянец на животной сущности? Культура оказывается внутренним стержнем, который спасает человека, придаёт ему силы и смысл его существования.

Вообще, феномен твёрдости духа, который продемонстрировал Донбасс, должен стать предметом изучения психологов и социологов».

В своём труде «Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне» Виталий

Юрьевич Даренский, кандидат философских наук, луганский культуролог и публицист, пишет: *«В событиях, ставящих целый народ на грань жизни и смерти, проявляются самые лучшие, заветные его нравственные черты, которые нужно помнить и сохранить навсегда. Поэзия о Великой Отечественной войне, помимо своего особого значения в истории русской литературы, остаётся неиссякаемым хранилищем исторической памяти и духовного опыта народа, которые никому не удастся разрушить: «Наши павшие — как часовые».*

И в послесловии к сборнику стихов об уже новой войне — на Донбассе (Елена Заславская, «Год войны») в статье «Жизнь набело» Даренский продолжает тему войны как катализатора духовного возрождения: *«...Перед лицом неотступной смерти вдруг происходит анамнезис души, внезапное озарение в глубины народной памяти и собственной совести: мы русские! Живая и вечная Русь воскресает как Феникс из пепла. <...> Русь это то, что вновь сделало нас людьми вместо зомбированных роботов современной корыстной, неживой и бессмысленной цивилизации. В стихотворении «Эти русские» Е. Заславской выявлена наша вечная и непобедимая Русь:*

*Эти русские мальчики не меняются.
Война. Революция. Русская рулетка.
Умереть, пока не успел состариться, —
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.
Эти русские девочки не меняются.
Жена декабриста. Сестра милосердия.
Любить и спасать, пока сердце
в груди трепыхается, —
В девятнадцатом, двадцатом,
двадцать первом веке.*

*Ты же — мой русский мальчик.
Война. Ополчение. Умереть за Отечество.
Ничего не меняется,*

<...>

*Я — твоя русская девочка.
Красный крест. Белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет цит тебе из моих молитв.*

<...>

Владимир Пахомов в статье «Русская весна — появление новой оптики» отмечает: *«Явление на геополитической арене Русской весны, явление возрожденного Русского мира способно внести надежду на будущность мировой человеческой цивилизации. <...> Оно стало моментом истины*

в поиске ответа на извечный «русский вопрос»: как и во имя чего надо жить? Явление Русского мира позволило с позиции уже полноценного мировосприятия, без назойливого воздействия либерального пропагандистского напора, требующего только «правильной» оценки событий и восприятия только самых «правильных» событий — зрело, открыто и свободно, — смотреть на то глобальное казарменное сооружение, которое было построено западными политиками и геополитиками за последние четверть века и безапелляционно обозначено ими как самая современная и самая справедливая «система мировых гуманитарных ценностей», как «новый мировой порядок». Сила неправды стала терять свою подавляющую убедительность. Русского человека, как человека, обладающего «благородной упрямкой», весьма пронизательным умом от всякого рода одержимостей всегда спасало стремление к тому, что он называет «правдой». Этот феномен неутомимого поиска правды русским человеком отражён в целом ряде произведений нашей великой литературы (А. М. Горький, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, А. П. Платонов, Л. Н. Толстой, В. М. Шукшин и т. д.). «Правда» нужна русскому человеку не для обличительства, а для того, чтобы понять подлинное устройство мира, понять

суть бытия. Она для русского человека никогда не является некоей данностью, фактологической очевидностью, она всегда является бесконечной целью нашего познавательного движения. Достижение правды — правды события, правды чувств, правды мысли, правды замысла, правды существования, правды жизни и т. д. — требует от человека постоянной и незаурядной работы его ума, чувств, воли, духа. <...> И если русский человек опирается на правду, осознаёт себя правым, то тогда он становится непобедимым».

Появилась Тема, и появились Герои — и теперь литература должна дорасти до уровня этих Героев, а вслед за литературой и всё наше общество.

КРИЗИС И ВЫХОД

Не зря в современной российской культурной сфере принято считать, что Донбасс должен стать той прорывной силой, которая поможет преодолеть кризис, в котором находится современная культура РФ.

Об этом говорит глава жюри Горьковской премии Лев Пирогов:

«Литература из выразителя национально значимых идей превратилась в выразителя идей сословных. Грубо говоря, на одну книжку о рабочих,

или военных, или сельских жителей приходится по десять книжек о писателях, рекламных агентах и тому подобных риэлторах. При этом в обществе соотношение обратное. Социальному большинству просто нечего читать. Им предлагают только развлекательное чтение. Соответственно, и отношение к литературе у них — как к «досуговой деятельности». А на этом поле с телевизором, с кино, да просто с водкой чтение конкурировать не может. Книга — незаменимое средство отнестись к себе серьёзно,

почувствовать свою причастность к высокому, гордиться собой. Но именно такой литературы современная литературная инфраструктура людям предложить не может».

МНЕНИЯ

В ходе подготовки данного доклада было предложено высказаться ряду деятелей литературного процесса России и Донбасса, дабы узнать их мнение о влиянии событий последних двух лет на литературу, культуру и, безусловно, — шире — на общество.

Хотелось бы пересказать слова российского журналиста и поэта Алексея Полуботы, который отмечает, что после периода, когда литература была отдалена от жизни, события в Донбассе способствовали тому, что сейчас она вновь возвращается к своему высшему предназначению — не быть в стороне от общества, а выражать настроения общества и поднимать его дух.

Что же может дать Донбасс современной России?

Андрей Чернов, секретарь Союза писателей ЛНР, пытается ответить на этот вопрос в своей рецензии на новый сборник «Время Донбасса»:

«...прежде всего, Донбасс — это Россия в миниатюре. Здесь как в фокусе представлены все проблемы России и здесь же — все её преимущества. Все противоречия российской общественной действительности мы с лёгкостью находим в Донбассе. Разрешимы ли они? Сложно сказать. Скорее всего — да, этому подтверждением является весь исторический опыт России. Главное — избегать лозунгов и штампов — избегать с обеих сторон. <...> И сквозь призму Донбасса будет осмысливаться история, настоящее и будущее России».

С этим мнением согласна член СП РФ, поэт, прозаик и журналист, освещающая жизнь ЛДНР, Наталья Макеева:

«Исторические события всегда сопровождалась всплеском культуры. Революции, войны, разного рода социальные катаклизмы — искусства в такие времена расцветают. Звучит это, конечно, несколько цинично — людские беды, смерть, изломанные судьбы. Но в итоге потомкам остаётся великое, в то время как времена спокойные — это постепенное измельчание творческой мысли, её скатывание в примитив, в бесконечное, лишённое всякой энергии пережёвывание былых потрясений. За крайне редкими исключениями...

Это не хорошо и не плохо. Это — некий закон природы. Автор этих строк отнюдь не хочет сказать, что культура имеет под собой некую кровавую подоплёку. Образ, конечно, красивый,

но неверный. Однако определённые закономерности отрицать нельзя. В непокорных кудрях поэтов свищут вихри истории — кто-то полагает, что может быть иначе?..»

То, что теперь уже бывшую Украину ждёт распад, задолго до 2014 года говорили отнюдь не только политики и политологи. Одними из первых страшное дыхание будущей войны почувствовали писатели. В частности, роман теперешнего главы Союза писателей ЛНР Глеба Боброва «Эпоха мертворождённых» вышел в 2008 году... Песни донецкой группы «День триффидов», написанные и записанные много лет назад, звучат актуально и злободневно. Именно этот коллектив записал рок-версию гимна ДНР (оригинал относится к советской эпохе) — «Полощет ветер флаги перемен». Сейчас лидер «Триффидов» Салим Салкин, по имеющейся информации, активно поддерживает ополчение.

Война за Новороссию дала России тот пассионарный, героический толчок, который, несмотря на все усилия «пятой» и «шестой» колонн внутри российских элит, отменить уже не получится. Русский народ ждал не один десяток лет того момента, когда логика истории поведёт его по дороге преображения. Война за Русский мир изменила Большую Россию. Изменила жителей РФ, изменила тех, кто пока живёт за густой сеткой границ.

Сейчас культура Донецкой и Луганской народных республик переживает всплеск. Несмотря на тяжёлую экономическую ситуацию, выходят литературные и философские сборники, проходят концерты, творческие вечера, театры возобновляют спектакли. Для иного обывателя дико, наверное, слышать — дети полуголодные, а эти люди в филармонию идут. Но иначе и быть не может. Народ живёт культурой. И не только специфической, «народной». Для русского народа это особо актуально — не будем забывать, что жители Донбасса — это часть разделённого русского народа. И война эта — боль русского народа. И его эсхатология. Его битва с полчищами антихриста.

Сборники Философского монтеневского общества, литературные сборники, гуманитарный проект «Слово о Новороссии» — это лишь часть того пласта, который стал уже частью истории. Кто-то с «той стороны» сетует, что последствия такого рода издательской деятельности Киеву придётся изживать годами. Не придётся, конечно же. Власти Киева остались считанные месяцы. Речь о другом: эта литература — не развлечение, не «чтиво». Слово — это мощное оружие, это выстрел через года, способный менять реальность.

Война за Новороссию дала России тот пассионарный, героический толчок, который, несмотря на все усилия «пятой» и «шестой» колонн внутри российских элит, отменить уже не получится. Русский народ ждал не один десяток лет того момента, когда логика истории поведёт его по дороге преображения. Война за Русский мир изменила Большую Россию. Изменила жителей РФ, изменила тех, кто пока живёт за густой сеткой границ.

Возникли в республиках и свои Союзы писателей. Вовсе не по прихоти — украинские просто-напросто самоликвидировались. Их руководство отчасти уехало на территорию, контролируемую Киевом, отчасти — отстранилось от всех процессов.

Интересное наблюдение — среди ополченцев много творческих людей. Поэт-ДРГшник, певец-снайпер и т.д. и т.д. И здесь вообще нет противоречия, ведь в ополчение идут по зову сердца, едут со всех бескрайних просторов Евразийского континента и — шире — со всего мира. И стихи пишут — тоже по зову сердца... И даже фантастику пишут, как, например, глава Союза писателей ДНР Фёдор Березин, проводящий на передовой гораздо больше времени, чем в небезызвестном уютном офисе в центре Донецка.

Ну а что же РФ? Часть деятелей здесь нашла в себе мужество сделать выбор. Ни для кого не секрет, что нашлись и те, кто Русскую весну не принял. Стало наконец-то понятно, кто есть кто... Да, идёт война, но у каждого своё мнение. У поэта Вадима Негатунова, погибшего в одесском Доме профсоюзов, оно тоже было. И у Олеса Бузины. И у Алексея Мозгового. Напомню, и Бузина, и Мозговой писали стихи...

А литераторы, опасаящиеся санкционных списков, проблем с въездом на подконтрольную Киеву территорию, отказа в издательстве, которым владеет либерал, — могут вызывать только глубокое отвращение... Неприятно их видеть, неприятно о них писать. Их имена хорошо бы предать забвению.

Иногда говорят, далеко не без основания, что сопротивление на Донбассе начали историки, поднявшие регион на борьбу с укрофашизмом. Это действительно так. Но также верно и то, что это — сопротивление писателей, художни-

ков, певцов. Всех тех, в чьи оголённые сердца во все века стучится плач человечий и стон русской земли.

Как всегда остро и откровенно высказался о наболевшем российский поэт, прозаик, публицист Сергей Арутюнов:

«Как ни цинично говорить, у литераторов Донбасса появился исторический шанс вырваться из затхлости постсоветской литературы — ценой крови, и своей, и своих близких, и россиян, и иностранцев, приехавших воевать. Этот исторический шанс мог бы быть реализован полностью — у нас появилась бы прорывная литература реалистического извода, которая могла бы обратить страну к истинным ценностям — подлинной свободе, настоящему братству и неложному равенству. Однако этот шанс «нарывался» на порочную инфраструктуру критики и книгопечатания типично капиталистического образца, сложившуюся в России. В результате романы и стихи донбассцев не имеют до сих пор того звучания, которое могли бы иметь. Донбасскую литературу почти невозможно заметить в потоке, если не знать авторских имён: она не устраивает либеральное меньшинство — глав ведущих издательств и редакций, книгопродавцев. Иное дело, что речь приходится вести о произведениях, написанных в горячке, среди рушащихся домов, и потому ещё не отстоявшихся, вероятно, до состояния шедевров. Однако со временем, через 5–10 лет после окончания войны, конец которой не за горами, отдельные произведения, написанные в 2014–2016 гг., войдут в русскую литературу при условии, что она сама уцелеет. Интересны для будущих исследователей и конкретные черты донбасской литературы — интенсивнее стали работать даже те, кто в начале века не ощущал в себе никакой общественной надобности. В теме братоубийства сошлись и завзятые классики, и модернисты, образовав тем самым кружение если не смыслов, то стилистик. Ренессанс вовлёл и старообразных классиков чуть ли не соцреализма, и отвязанных верлибристов, и графоманов. Если бы литературная критика России была обеспокоена этими явлениями хоть немного, мы бы увидели, как разношёрстен круг донбасской литературы, на какой живой нитке он связан, но — и виной тому буржуазность российской литературной рефлексии — никто пока не показал в крупном обзоре, как из специфически «военной» прозы и поэзии вылупляется словесность будущего века. Главное, с чем следует бороться донбасской литературе в самой себе, — это провинциальность слога и стиля. НЕ стоит бояться говорить от имени не столько небольшого

сообщества непризнанных республик, исповедовать следует умеренный глобализм — книга, которой «дадут будущую Нобелевскую премию», должна рассуждать о судьбах всего Русского мира быть эпопеей, подобной «Тихому Дону» и большей, чем сам «Тихий Дон». Для великой литературы мало описаний перестрелок и мало даже великой любви — ей нужна история семей, типажей, мужества и бесстрашия».

Ольга Данилова-Старушко так же безжалостно очерчивает проблематику:

«Русская литература, словно космос: ни объять, ни границы нарезать, ни время остановить. Слитна и неделима. Но литературный процесс протекает в определённом русле. Кто эти берега определяет, а кто путает и теряет — вопрос отдельный.

Авторы республик Новороссии своё право на языковое и культурное самоопределение выстрадали и отвоевали. И слово было и остаётся их оружием.

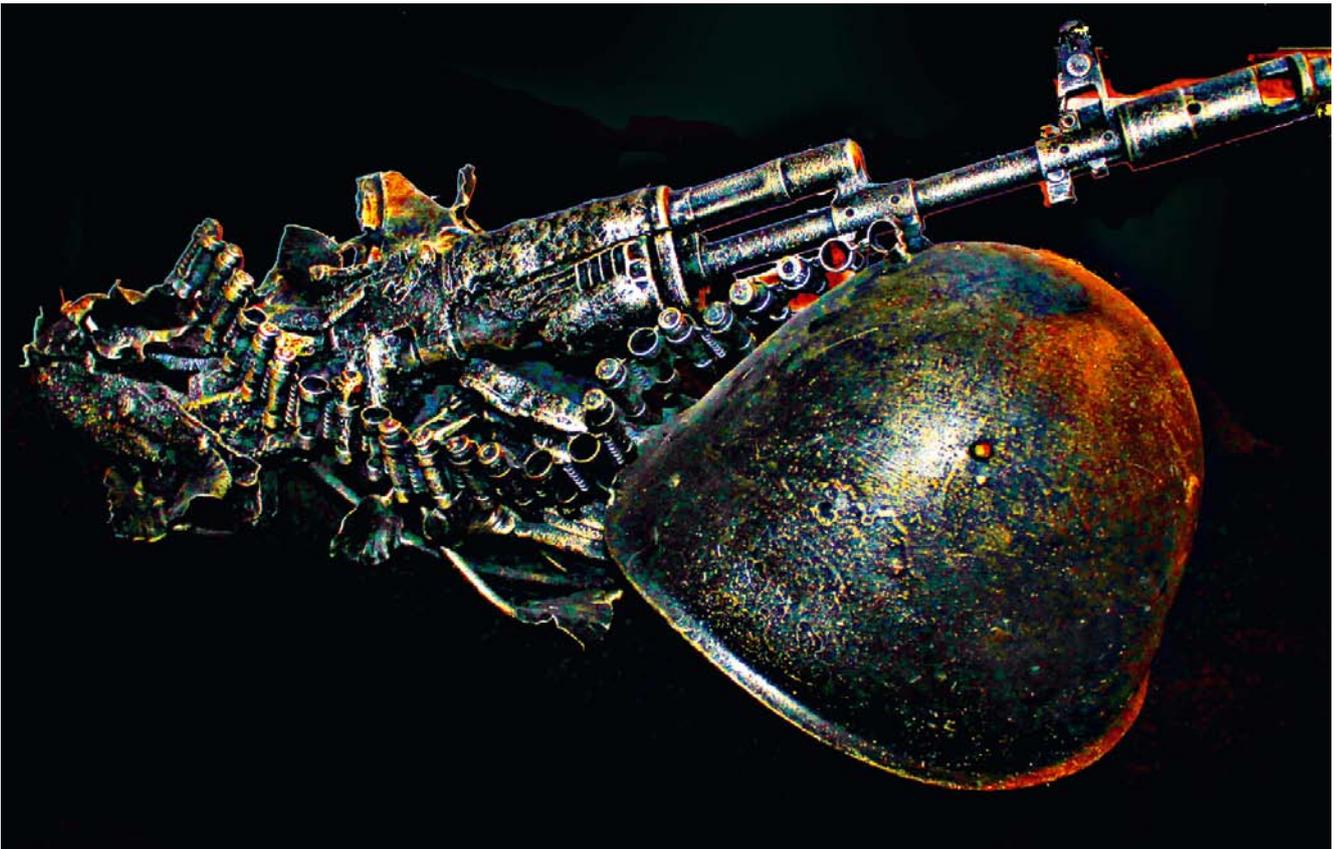
А тот, кто рассуждает, что подлинная литература появится — де многие годы спустя, наверняка не в курсе: жизнь — это то, что происходит прямо сейчас. Актуальные, выстраданные строки, вырвавшиеся как выдох, крик, плач и молитва из самой гущи событий, горьких и трагических, — это тексты как раз той самой единственной степени свежести, которая только и имеет право называться жизнью, не просто правдой момента».

Ольга приводит пример одной из номинаций Горьковской премии «Русская жизнь» — за связь поколений и развитие традиций русского эпического романа, — в которой наградой была отмечена книга Дмитрия Конаныхина «Деды и прадеды», написанная ещё восемь лет назад.

ЖИЗНЬ

Для того чтобы понять происходящее в Новороссии, необходимо лично посетить ЛДНР. Только поездка в Донбасс позволит приобрести уникальный и необходимый для понимания опыт, который поможет глубже осмыслить концептуальные особенности жизни в Новороссии. В особенности же остро понимание местных социокультурных тенденций приходит во время изучения местной духовной жизни, безусловно являющейся своеобразным зеркалом жизни республик.

Одним из наиболее компетентных людей, глубоко разбирающихся в культурной жизни и тенденциях Новороссии, является уроженец г. Краматорска, литератор, издатель и редактор

сборника «Время Донбасса» Александр Сурнин. Ему лично довелось наблюдать не только революционные события, но и последовавшее после них расслоение в культурных пластах Донбасса:

«Весь пишущий народ Донецка и Луганска разделился. Часть уехала на Украину и что-то пытается делать там. Часть уехала в Россию. С этими всё понятно. В любом случае они не дома и из процесса выпали. Хотя... «Краматорские тетради» я тоже писал в Ростове и дописывал в Питере. Издал — и вернулся. Так что есть надежда, что кто-нибудь из уехавших поступит так же. Знаю доподлинно, что в скором времени из Питера вернётся Наташа Романова. Умная девочка, кандидат филологических наук, и стихи у неё хорошие.»

Часть пишущих, как правило, из Спілки письменників України, легла на дно и заняла выжидательную позицию. Таких товарищей достаточно много и в Донецке, и в Луганске. Они ко всему происходящему относятся с опаской и благоразумно ждут, когда закончится нынешнее смутное время, и в дальнейшем, уверен, будут вести себя в соответствии с тем, как эта смута закончится. Шедринские премудрые пескарки.

И, наконец, часть пишущей братии объявила о создании в республиках своих Республиканских союзов писателей и, без преувеличения, заняла

своё место на позициях информационного фронта. И вот об этих людях хочется сказать поподробнее.

Глеб Бобров — плюс к тому, что он председатель Союза писателей ЛНР, работает в Луганском информационном центре, а это, как ни крути, Министерство информации. У него есть некие возможности по добыванию денег на издание книжных проектов, и он эти возможности использует. В итоге в Луганске регулярно выходят книги наших местных писателей, и прежде всего поступают в библиотеки Донецкой и Луганской республик. И не только в столицы, но и на периферию, что очень ценно. Сейчас можно говорить без преувеличений, что каждая изданная книга — это даже не выстрел по врагу. На позициях бойцы стреляют на сто, на двести метров, а книга стреляет через года. Когда в ней говорится о том, что происходит здесь и сейчас в действительности, без измышлений, из уст очевидцев, то книга становится фактом, от которого не отмахнёшься. В этой работе также активно участвуют Андрей Чернов — критик, литературовед, который помимо всего ещё и делает хорошую информационную поддержку проектов, и ваш покорный слуга как редактор и полиграфист.

Очень много делает Алёна Заславская.

Ещё с довоенных времён в Луганске существовало луганское отделение Межрегионального союза

писателей. Это отделение продолжает работать вместе с СП ЛНР. И между нами не существует никаких раздоров, никаких разборок, никаких внутренних распрей. У них имеется небольшой уютный зальчик под названием «Светлица», где они регулярно собираются и проводят неплохие литературные вечера. Самые знаковые имена из них — Наталья Мавроди и Сергей Зарвовский.

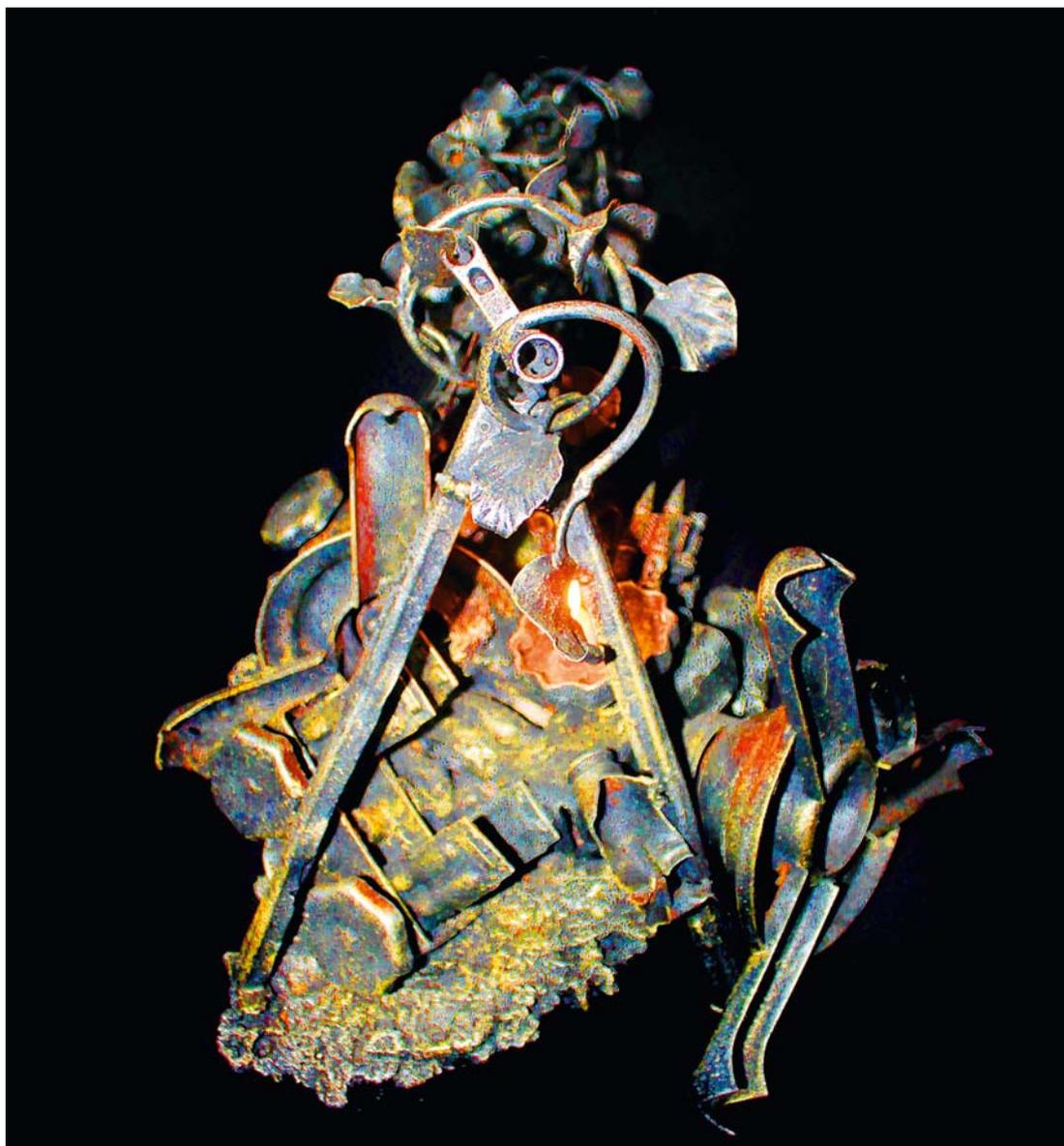
Отдельно скажу об Анне Долгаревой. Девочка приехала сюда после того, как здесь убили её мужа, похоронила его и осталась. Военкор и поэт. Её я знаю давно. Ещё до войны я издал её сборник «Хроники внутреннего сгорания», сейчас на выходе ещё один сборник — «О войне и о любви». Ей очень тяжело. Она устала. Но она здесь.

Не могу не назвать пару краснодонских имён — Александр Сигида и Людмила Гонтарева. Сигида много и хорошо пишет и, кроме того,

организовывает кучу различных мероприятий. Не без его участия уже дважды проводился поэтический фестиваль «Муза Новороссии» в городе Молодогвардейске. Но если Сигиду я называю массовиком-затейником, то Люся Гонтарева — его мозговой центр. Они довольно много ездят по России, встречаются с писателями, выступают, рассказывают.

В Донецке общая картина очень похожа на луганскую, но есть и свои отличия.

Там точно так же большое количество пишущих затаилось и ждёт развития событий. Хотя, впрочем, есть там парочка доморощенных так называемых литературных студий. И точно так же часть людей собралась и организовала Союз писателей ДНР. Увы, с издательством там гораздо хуже. Практически никак. Потому что просто так, добровольно денег под это дело

никто не даст, а человека, подобного Боброву, там нет. Председатель СП Фёдор Березин — человек военный и очень занятой. Его зам Владислав Русанов не менее занятой — доцент в техническом университете, — но ему volens nolens пришлось взять в свои руки все бразды. Результат налицо: он уже не может спокойно видеть графоманов, которые приносят ему свои нетленки в надежде, что он немедленно их напечатает, издаст и их самих с почестями примет в СП.

Среди донецких имён я для себя выделяю три: Владимир Скобцов, Анна Ревякина и Вячеслав Теркулов. И Скобцова, и Теркулова я знаю 30 лет и внимательно слежу за их творчеством. По мере возможности публикую их в Луганске.

Александр Сигида-младший. Филолог по образованию. Мощные стихи и на редкость отличные переводы. Он тоже в Донецке. Воюет с укропами. Старший лейтенант».

Руководитель Союза писателей ЛНР Глеб Бобров в беседе с автором доклада отметил решающую роль российских писательских организаций в деле поддержки и помощи молодому Союзу. Он любезно ответил на ряд острых злободневных вопросов. Говорил о том, что в Луганске всегда было отторжение от навязывания украинского национализма, «галицийского проекта». Но не от традиционной украинской культуры. Даже сейчас, во время войны, в Украинском Академическом театре на Оборонке поставлены 7 пьес на украинском языке.

Оценивая культурный процесс до событий 2013 года, Бобров считает, что как таковой литературной жизни не было. И только война, исторические потрясения вызвали взрыв культурной жизни, в том числе и литературы. Союз писателей создан не в формате советского аппарата, ему свойствен проектный стиль работы. Литераторы ЛНР активно занимаются и общегуманитарными проектами — например, собрали лекарства для кардиологической больницы, нашли возможность посодествовать в оплате сложнейшей операции раненому ополченцу. Постоянно проводятся мероприятия, круглые столы, выступления перед студентами и школьниками. Глава Союза писателей ЛНР с гордостью рассказал о том, что за год работы СП ЛНР выпустил 11 книг. В Москве в издательстве «Яуза» в 2015 году вышел сборник «Я дрался в Новороссии». Значимое событие недавнего времени — выход сборника «Время Донбасса». И уже готовится новый сборник.

Глеб Бобров рассказал о том, что из России регулярно приезжают известные литераторы — такие как Прилепин, Шаргунов, Садулаев.

А разве может быть иначе — ведь все включены в общее литературное пространство. Отметил Бобров и особо активных членов СП ЛНР, прежде всего, Елену Заславскую, упомянув и её рискованную поездку в Харьков на так называемые Европейские дебаты...

В очень интересной и острой беседе с поэтом и филологом Александром Сигидой-младшим, сейчас воюющим за братскую ДНР, мы обсуждали, насколько силён теперешний режим на Украине, подкреплён ли он какой-либо жизнеспособной идеологией. То, что произошло, он охарактеризовал просто и ясно — «восстание села против города».

Наиболее полно выразит отношение к происходящему цитата из его «Манифеста нового акционизма», где он называет воюющих добровольцев акционистами нового времени:

«Необходимо отчётливо понимать, что теперь приходит время нового акционизма. В пламени нового искусства сгорит старый мир, шизофренические политические нравы и пар всех цветов радуги. Мир запылает в огне подлинного экстаза и свободы. Стальной подлинник заменит пластиковую копию.

<...> Вы мечтали о грантах, когда писали о гранатах. Ныне мечты сбываются. Ясно, что настоящие табу ещё предстоит разрушить. Табу на выход из зоны комфорта, табу на восстание. Избавиться от табу на отвагу. Отбросить табу на преклонение перед государством и его ржавыми тотемами. Иначе придут совсем другие акционисты, и вы станете не субъектом, но объектом их ярких акций.

Я не знаю людей, совершающих более отважные и бессрочные акции, людей, которые могли бы сравниться с нашими добровольцами, кто действительно восстал против системы. Награда людям искусства за постмодернизм — ласковое внимание прессы и отеческая ругань родного аппарата насилия, которое они же и обслуживают. А награда за подлинные акции неповиновения — всегда забвение, смерть и проклятие. Такова цена искусства. О ней знали и Ницше, и Вагнер, и Бодлер, и Рембо, когда поддерживали коммунаров, знали цену, которую однажды заплатят за свои взгляды. А где же их благонамеренные, bien-pensants, их буржуазные оппоненты? Их поглотила Лета. Ибо трудно жить по Летову. Большинство выбирают поп-музыку, поп-идеалы. Именно по Летову: «Дешёвые трагедии внутри загона, — они объявили нас вне закона». Поэтому постмодернизм может существовать только в условиях полицейского государства. Когда свистят мины, постмодернисты молчат. В ус-

ловиях военной демократии актуален футуризм, фундаментализм, фатализм».

Поэт и бард из Донецка Михаил Афонин делится своим взглядом на происходящие процессы: «Примеры всегда на виду. Всё освещается в соцсетях. Приезды звёзд, в том числе мирового масштаба, аншлаги в театрах и филармониях. Билеты раскупаются за несколько недель. Меня лично особенно радуют приезжающие рокеры.

Скоро начнут подтягиваться те, кто просто захочет попиариться на нашем фоне. Мы это понимаем. Но пусть едут. Нам нужна любая поддержка. Фестиваль «Большой Донбасс», который мы проводили, очень ясно выявил, кто есть ХУ. Приезжали все, кто за Донбасс. И белорусы, и россияне... Местные коллективы и исполнители — выше всяких похвал.

На «Большом Донбассе» был коллектив народной песни из Горловки. Они, по дороге в Донецк, попали под обстрел, но не развернулись и приехали. Донбасский характер.

Кстати, новый Фестиваль планируется в сентябре. Ждём заявки».

В течение двух недель, проведённых в ЛНР, довелось удостовериться в насыщенности местной культурной жизни — например, 16 мая побывать на презентации 10-го номера альманаха «Крылья» в Республиканской библиотеке им. А. М. Горького. В презентации принимали участие ключевые фигуры литературной и интеллектуальной жизни Луганска. Там состоялось удивительное по своей глубине, очень живое обсуждение. Особо подчёркивалось то, что война не может быть отражена на высоком художественном уровне по горячим следам. Литература тогда становится глубокой, когда дистанцируется от своего предмета. Нужно время, чтобы случилось превращение литературы из психологической реакции на произошедшее в литературу как осмысление реальности.

После многие из участников поделились своим видением текущих событий в Донбассе.

Своё мнение высказала и кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы ЛГУ имени Тараса Шев-

ченко, главный редактор альманаха «Крылья» Лариса Черниенко:

«Выход в свет десятого номера «Крыльев» — это большое событие в жизни Луганска и всей ЛНР, свидетельство творческого подъёма не только в среде интеллигенции (авторы альманаха — люди разных профессий и социального статуса) и проявление истинной дружбы и понимания со стороны наших единомышленников в России (десятые «Крылья» вышли в Москве). Уровень публикаций в альманахе очень высок. Произведения наших земляков и гостей (география широка) созданы в русле главных тенденций всей современной литературы: по методам, жанрам, конфликтам, типам героев.

Многие мои земляки, ранее не бравшиеся за перо, начали писать стихи и прозу.

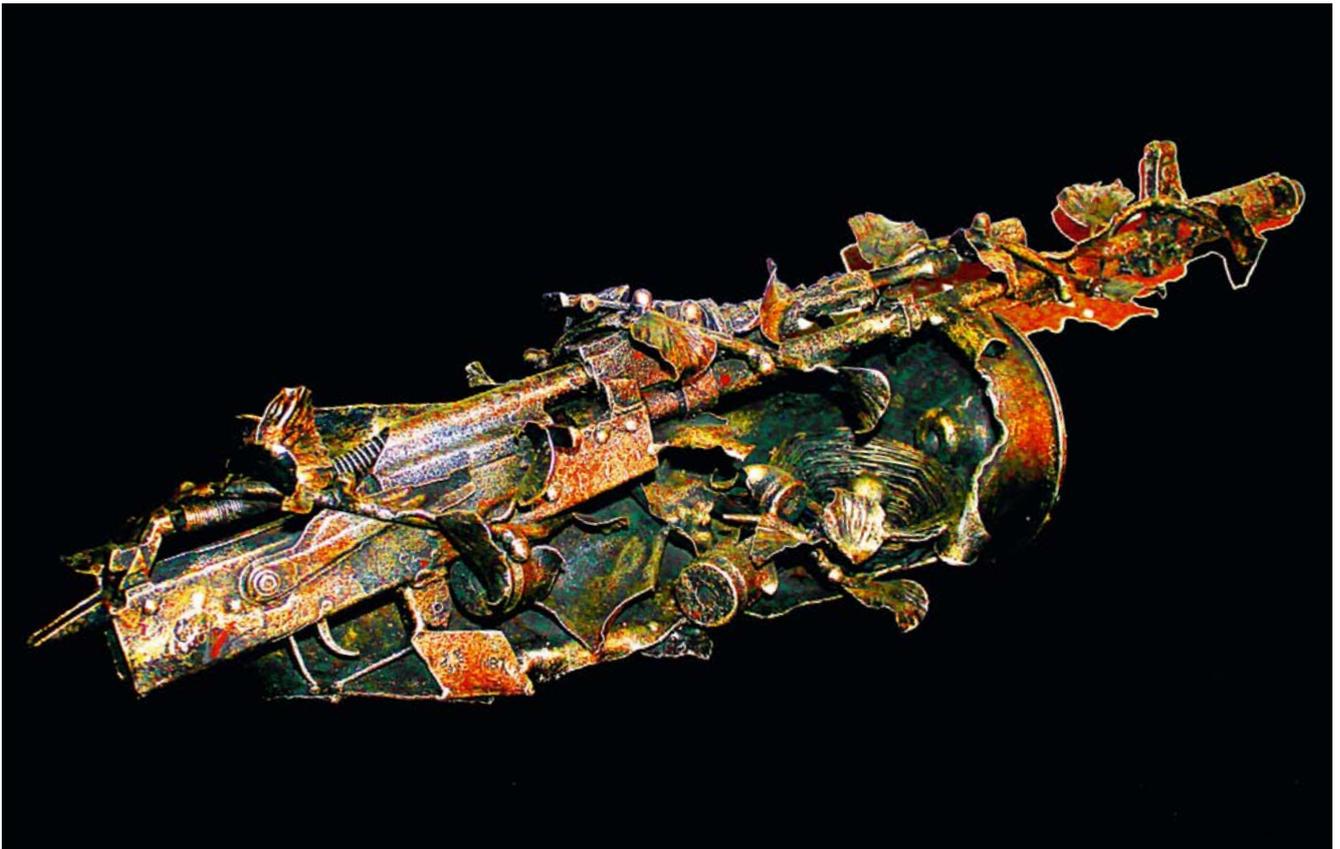
Луганчане ходят в театры, принимают участие в разных общественных мероприятиях (добровольно), посылают свои статьи, заметки, стихи в газеты, сажают цветы, деревья у подъездов домов. Всё это знаки жизни...»

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Старший научный сотрудник Луганского художественного музея Владимир Карбань рассказал о том, как музей пережил войну: «Луганский художественный музей насчитывает в своей коллекции около 10 тысяч произведений изобразительного искусства — от эпохи Возрождения до наших дней, от стран Дальнего Востока до Западной Европы. Часть из них (около 2000 экспонатов) — работы луганских художников, они хранятся в Галерее искусств на ул. Т. Шевченко, 4, а остальная часть — в старинном здании на ул. Почтовой, 3. Эта ценнейшая коллекция могла сильно пострадать в случае попадания в здания снарядов. Особенно боялись пожаров.

Когда начались военные действия, обстрелы зажигательными минами и пр., когда почти разбежалась старая охрана музея, состоявшая из профессиональных работников милиции, задачи безопасности и охраны взяли на себя научные сотрудники музея, смотрители. Была налажена круглосуточная система охраны зданий, многие сотрудники находились в здании почти безвыездно. Прямое устранение последствий возможных пожаров и разрушений, информирование службы чрезвычайных ситуаций — таковы были первоочередные задачи сотрудников. Не обошлось без разрушений — особенно сильно пострадали стена и потолок в залах галереи искусств. Эти совместные испытания сплотили коллектив, и нужно сказать, что он, один из немногих, со-

Литература тогда становится глубокой, когда дистанцируется от своего предмета. Нужно время, чтобы случилось превращение литературы из психологической реакции на произошедшее в литературу как осмысление реальности.

хранил в целостности свой довоенный состав и продолжает свою работу».

Ознакомление с тенденциями культурной жизни города последних двух лет было бы неполным без знакомства с местными художниками. Первым в ряду встретивших нас был руководитель Союза художников ЛНР Артём Фесенко. Он только что вернулся из Грозного, где проходила большая выставка наших художников, организованная Министерством культуры ЛНР совместно с Министерством культуры Чечни, был полон живых впечатлений о тёплом приёме и большом интересе к искусству Луганска, который продемонстрировали грозненцы. Ещё в 2014 году были проведены выставки луганчан в Москве и Петербурге. А сам Артём стал одним из победителей международного художественного конкурса в Китае с полотном со знаковым для нашего времени названием «Беженцы»... В Союзе состоит 38 человек, и если работы части из них показывались в Грозном в рамках проекта «Весна без границ», то другая часть стала экспонентами выставки к Дню Победы в Галерее искусств Луганска. Готовится открытие художественного салона — места встреч художников и потребителей искусства, важнейшего элемента полноценной художественной жизни.

Процитируем интервью, взятое Еленой Заславской у художницы Маргариты Асташовой. Ответы Маргариты очень точно отражают общее настроение творческих личностей региона и их осознанное понимание своей миссии и ответственности:

«Я думаю, что на художников республики сегодня возложена крайне ответственная миссия — сохранить то насыщенное художественное пространство, ту крепкую высокопрофессиональную школу творческого мастерства, которую создали наши «отцы в искусстве», наши земляки, чьё творческое наследие знают во всём мире и кем гордится Луганщина. Нашей задачей является не только обеспечение преемственности поколений, но также актуализация творческой деятельности как таковой, что столь необходимо для развития духовно-эстетических аспектов мышления современников. Нельзя допустить, чтобы направленные против нас жестокость и насилие — два неизбежных фактора войны, безусловно деморализующие и духовно обезображивающие, — стали предпосылками культурного упадка. Напротив, в это сложное время мы должны стать сильнее, консолидировать силы и сообща сделать рывок, чтобы вывести культуру Донбасса на новый качественный уровень».

За время поездки выпало немало значимых дат — и День Победы, и День Республики, — устраивались праздничные концерты, позволившие ознакомиться и с музыкальной составляющей культурной жизни Луганска. Были и неформальные, дружеские встречи с писателями, художниками, философами, которые были насыщены острыми дискуссиями о путях решения политического кризиса, чтением новых стихов...

МУЗЫКА

Самым значимым музыкальным событием этих лет стало создание симфонии «2014» композитора Антона Клейна. По словам автора, она стала откликом на войну, навязанную нам преступной украинской властью. В тяжёлое для родного города время Антон Клейн оставался в заблокированном Луганске и пережил все ужасы непрерывно обстреливаемого и обескровленного города. Именно в это время родилась идея симфонии, посвящённой жителям Луганска.

— Конечно же, симфония посвящена всем жителям Луганской народной республики! — акцентировал Клейн. — Все мы пережили страшные месяцы бомбардировок и блокады. Мы выжили и не сдались!

Симфония была окончена осенью 2015 года. Клейн подчеркнул, что в её основу положено множество приёмов, способствующих усилению общего эффекта. Музыка её трагична, в ней нашёл отражение мир чувств автора, возникших под влиянием грозных событий того года. «Майдан» и вооружённый переворот в Киеве, первые выстрелы, прозвучавшие в Славянске, напряжённое ожидание и предчувствие беды в первые месяцы противостояния — это содержание первой части симфонии. Главной темой второй части стал карикатурный вальс, символизирующий наглую ложь профашистских политиков и СМИ современной Украины, в середине части преобразующийся в буйную пляску враждебных человечеству сил. В третьей части симфонии нашли отражение ощущения простого мирного жителя Луганска летом 2014 года — ужас и отчаяние, боль за разрушенный родной город. Важно, что музыка финала, как уточнил музыкант, связана с жизнеутверждающими идеями борьбы и отпора врагу, а завершается симфония трогательной мелодией церковного распева «Во царствии твоём помяни нас, Господи».

Симфония представила публике полную палитру ощущений мирных жителей Луганской народной республики в 2014 году.

ВЫВОДЫ

Для того чтобы понять, какое влияние Русская весна оказала на Русский мир, необходимо осмыслить логику исторического момента, когда произошли эти переломные события. Начиная от возгорания так называемого «евромайдана» на Украине и до окончания Дебальцевской операции РФ находилась на излёте финансового подъёма с предчувствием падения на непрогнозируемую глубину.

Нищета и хаос предыдущих десятилетий в России отступили, и русские вздохнули свободнее. Однако это «свободнее» не значит, что жизнь стала легка. Скорее можно было сказать, что появилась слабая надежда на то, что они будут решены в обозримом будущем. Но, несмотря на повышение уровня жизни и растущее доверие к правительству, в обществе сохранялась бацилла, которой русских начали масштабно травить ещё с 70-х. Чума неверия в собственное прошлое и свой народ; нивелирования общественных ценностей и социальная пассивность.

Варварство перестройки, геноцид ельцинских 90-х и последующий победный марш «мягкой силы» оставили в общественном сознании русских существенные лакуны, на месте которых раньше были традиционные ценности. Кто-то отказался от них полностью, кто-то просто забыл или отверг, сочтя неприменимыми.

Растущий ассортимент потребительской корзины отнюдь не означает полного удовлетворения нужд человека — наоборот, ко времени революции в Донбассе российское общественное сознание отчаянно нуждалось в так называемых «духовных скрепах», или, проще говоря, жизненных ориентирах, чего власти и элиты предоставить были не в состоянии.

В начале отвращение от зрелища «майдана», затем восторг от бескровного возвращения Крыма, а позже события в Новороссии заставили русских всего мира вспомнить себя, свою принадлежность и свою правду. Нужно отдать должное — российские СМИ сработали на «отлично». Донбассом загорелись миллионы. Несмотря на охлаждение в дальнейшем медийной составляющей, несмотря на провокации и кликушеские жалобы о «сливе» Новороссии, именно война в Донбассе стала тем катализатором, который вернул отечественную культуру к жизни.

Страдания и борьба Донбасса пробудили в русских историческую память, вызвав не только негодование, но желание помочь. Из России потянулись эшелоны гуманитарной, и не только,

поддержки; начался постоянный приток добровольцев, многие из которых воевали в 5–6 кампаниях вплоть до Афганистана. Поддержать Новороссию бросались даже безумные юнцы, для которых это был единственный шанс самореализоваться, чего они не могли позволить себе в мире дорогих телефонов и модной одежды, возведённых в ранг высшего достижения человеческой жизни.

В Новороссии вновь появилось то, что делает из юноши мужчину, поэтому даже те, у кого не хватило силы поехать в качестве добровольца, как могли, помогали в Сети (что является маловажным в информационной войне).

И в ЛДНР, и во всём остальном мире русские испытывали радость от того, что в очередную битву с фашизмом вступают не только русскоязычные, но и антифашисты со всего мира — США, Германии, Франции, Сербии, стран СНГ.

Эти контуры мышления, которые, казалось, были уже лоботомированы, удалены из сознания русского человека, внезапно возродились. Притом не где-то далеко, а на земле, которая исконно считалась своей.

На Донбасс начали отправляться «экспедиции первопроходцев» — деятелей культуры.

В Новороссии они нашли вполне состоятельную культурную жизнь, развитую литературу и книгопечатание, музыку, живопись, театр. Встретить аборигенов и обмануть их бусами за рассказ о военных реалиях не удалось. Вместо этого жители новорождённых республик одарили их своим взглядом на мир. Своим жёстким, пусть и неправильным, зато правдивым слогом и щепоткой того ужаса, который пережили сами.

После первого опьянения ЛДНР и после первых визитов многие перестали не то что ездить туда, даже писать на эти темы. Другие же русские в силу возможностей стараются всячески помогать Новороссии и, что не менее важно, как можно чаще бывать там.

В результате этих событий Русский мир стал средоточием мыслей и чаяний многих и разных людей, даже враги думают о нём, постоянно пытаюсь оплевать саму идею. Воодушевлённая внезапным (но вполне логичным) возвращением Крыма надежда на то, что русский вновь сможет гордиться своей Родиной, стала ещё более актуальной и пронзительной во время событий в Донбассе. Донбасс показал и доказал, что русский дух не сломлен — доказал это ценой многих жизней, ценой своего мученичества.

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ* /

Иллюстрации: Сергей КОНДРАШОВ

О современной военной литературе Донбасса

*И фронт безжалостно проходит
Сквозь души и через сердца...*

С. Жуков

* Виталий Даренский – 1972 г.р., кандидат философских наук, член правления Союза писателей ЛНР, журналист газеты «Стахановское знамя», колумнист сайтов «Русская весна» и povogrossinform.

События народно-освободительной войны на Донбассе 2014–2015 годов нашли своё яркое отражение в художественной литературе как авторов из самого Донбасса, так и неравнодушных российских писателей и поэтов. К настоящему времени вышло в свет уже более десятка литературных сборников их произведений, а также множество публикаций в российских журналах. В перспективе количество таких изданий будет только расти, и тем самым уже можно говорить о появлении в современной русской литературе такого знакового явления, как «донбасская военная литература». Этот феномен порождён мощным историческим вызовом — не только самой войной, но и крайне напряжённым мировоззренческим противостоянием Русского мира очередной агрессии Запада в виде украинского неонацизма.

В своей краткой заметке об этом явлении мы сделаем лишь его обзорную характеристику, не претендующую на полноту, и наметим ракурс его содержательного рассмотрения. Как развивающееся явление, военная литература Донбасса ещё ждёт своего более целостного рассмотрения.

Первыми ростками военной литературы Донбасса стали яркие очерки журналистов, которые стали появляться уже во время обороны Славянска. В конце августа 2014 года Интернет «взорвало» стихотворение луганской беженки из Крыма Ирины Подорожной, написанное 19 августа 2014 г. и затем перекопированное неравнодушными людьми на множество сайтов:

*Мы вернемся в Луганск, упадем на колени
Перед теми, кто выжил, перед теми, кто ждал.
Мы увидим, что волосы все побелели
У родных, кто под взрывами Господа звал.*

*Зачерпнём горсть земли нам знакомой до боли
И почувствуем запах жестокой войны.
Сколько праха сожженного в ней, сколько крови
Впитала она с той далёкой весны.*

*Мы вернёмся домой, мы найдём в себе силы,
Спрятав слёзы, мой Город, тебя возродить.
Мы вдохнём в тебя жизнь, обещаю, мой милый,
Мы вернёмся к тебе, чтобы жить и любить.*

Мне удалось опубликовать это стихотворение в № 16 московского журнала «Трибуна русской мысли» в 2015 году, хотя с его автором я до сих пор не знаком. Об этом стихотворении мы

в Луганске узнали только в октябре, когда появился свет и Интернет. Но к тому времени и у авторов, оставшихся в блокадном городе, уже было написано достаточно собственных произведений, которые с 2015 года стали активно публиковаться.

В 2015 году вышли поэтические сборники в Москве («Ожог» и «Час мужества»), в Донецке («Мой город охрип от молитв...») и в Луганске («Год войны» Елены Заславской получил Есенинскую премию 2015 г.), подборка луганских поэтов в питерском журнале «Родная Ладога» и др. Среди авторов стоит отметить яркие и весьма значимые в художественном отношении стихотворения знаменитых командиров-ополченцев — Игоря Стрелкова и погибшего командира легендарной бригады «Призрак» Алексея Мозгового.

В марте 2015 года в Москве в издательстве «АСТ» вышел первый сборник прозы авторов из ЛНР и ДНР о военных событиях 2014 года «Я дрался в Новороссии». Мне как члену правления Союза писателей ЛНР было поручено сделать первичный сбор текстов произведений и вести переписку с авторами. Окончательный отбор проводили составитель сборника глава СП ЛНР Глеб Бобров и редакция издательства. Некоторые из вошедших в сборник рассказов уже до этого были размещены в Интернете. Ряд интересных произведений не вошёл в этот сборник, и они были отложены для публикации в последующих изданиях. Сборник «Я дрался в Новороссии» получил большой резонанс в России, и весь его тираж был быстро раскуплен. В рассказах сборника отражаются реальные события — в этом смысле он является точным документом войны, — но вместе с тем его отличает высокий художественный уровень с весьма широким стилистическим диапазоном — от «жесточкого натурализма» и поведаальной прозы до элементов сюрреализма.

Среди публикаций 2015 года также следует отметить сборник документальных очерков Глеба Боброва «Луганское направление» — живую историю войны, показанную через судьбы реальных людей. Напомним, что Глеб Бобров, бывший «афганец», является автором известного романа «Эпоха мертворождённых», предсказавшего войну в Донбассе и ещё до 2014 года выдержавшего пять изданий. Он ещё до войны был «знаковым» автором военной прозы и редактором посвящённого ей сайта okorka.ru.

24 марта 2016 года в Луганске прошла презентация литературного сборника Союза

писателей ЛНР «Время Донбасса», признанного настоящим событием в русской литературе нашего времени. Именно поэтому на презентацию, которая состоялась в Русском центре республиканской библиотеки им. М. Горького, приехали и гости из России. Сборник, вышедший в Луганске благодаря поддержке руководства республики, отличается великолепным дизайном и полиграфией. О его содержании гость из Москвы, сопредседатель Союза писателей России Н. Ф. Иванов, сказал кратко и ёмко: «Искусство оказалось достойно своего народа».

Литература о войне бывает разная. Есть произведения самих воинов, рождённые их горячей памятью боёв и встреч лицом к лицу со смертью. Есть и другой вид художественного отражения опыта войны людьми не воевавшими, но оказавшимися в условиях войны и блокады, где также был риск для жизни. Хотя это и не сравнится с опытом фронтовиков, но он тоже важен не только в силу своей массовости, но и в содержательном отношении. В нём говорится не столько о войне как таковой, сколько о том состоянии, которое она пробуждает в людях. Как она пробуждает людей от сна «мирной» жизни, заставляя оставить в стороне всё мелочное и привычное и вспомнить о главном. Война происходит не только на фронте, но в целой народной душе, в какой-то момент становясь способом мировосприятия, заполняя собою всё и проникая в сердца. Потом наступает мирное время, всё возвращается на круги своя, но этот опыт ни в коем случае нельзя забывать, ведь в нём открылось что-то очень важное, чего не знают другие. Для этого и существует то, что можно назвать просто — «литература военного времени».

Как фронтовая, так и «тыловая» литература, в конце концов обе рождаются из одного и того же чувства кровного единства своей личной судьбы и судьбы Родины, из одного и того же нравственного выбора, на чью сторону стать, и одной и той же решимости стоять в своём выборе до конца. Именно эти качества и роднят между собой всех без исключения авторов сборника независимо от особенностей их жизненных обстоятельств. Весьма показательно, что среди авторов сборника «тыловых» больше, и около трети составляют россияне. Тем не менее никакого заметного разрыва по духу между авторами воевавшими и не воевавшими, но просто пережившими войну как часть своей судьбы, такого разрыва нет. Всех их объединяет не-

кое общее нравственное чувство и общность народной судьбы.

Сборник, что для нашего времени совершенно естественно, объединяет авторов, принадлежащих к очень разным стилевым и мировоззренческим традициям. Их объединяет помимо общей для всех школы великой русской литературы, имеющей единый пушкинский дух подвига и преображения, «выпрямления человека» (П. Палиевский), также и это чувство общности судьбы и приобщения к историческому свершению народа. И если в других случаях столь разные по стилю и традициям авторы не могли бы оказаться под одной обложкой, то здесь их объединяет именно это.

Для близкого рассмотрения семидесяти трёх столь разноплановых авторов сборника стоило бы написать отдельную книгу. Но и в рамках небольшой заметки мы имеем возможность выделить самое основное, что могло бы прояснить главную художественную ценность сборника и кратко охарактеризовать авторов различных стилей и направлений.

Начнём с поэтов, коих в сборнике всего пятьдесят четыре. Среди них стоит выделить группу авторов, скажем так, «есенинского» направления, то есть с традиционной, классической стилистикой стиха. Это стихотворения В. Агарковой, А. Антонова, М. Афонина, Д. Балина, И. Бауэр, А. Бениаминова, И. Горбань, В. Гусева, Д. Дарина, В. Десятерика, В. Дунина, О. Журавлёвой, П. Кравцова, М. Кудимовой, С. Тишкиной, Н. Тюриня. Во многих из их стихотворений есть пронзительные прозрения в суть человеческой души.

Вот, например, яркое стихотворение Григория Егоркина «Разговор с пленным», написанное в стиле, очень близком к «Василию Тёркину» Твардовского и, очевидно, на основе личного опыта. Разговаривают двое, недавно вышедшие из боя, в котором они убивали друг друга и потеряли товарищей. Конечно, они остаются врагами, но происходит маленькое чудо:

Не идёт разговор. Между нами

Боль. Война. Окаянные дни...

«Мне б короткий звонок... Мне бы маме...»

Достаю телефон: «Позвони».

Весьма широкий стилистический диапазон — наследие различных школ в поэзии XX века — свойственен лауреату Есенинской

премии, луганской поэтессе Е. Заславской, а также Л. Класс, С. Кащенко, Н. Мавроди, Ю. Макусинскому, В. Мирошниченко, И. Михайловой, А. Сигиде, А. Ревякиной, Н. Романовой, Е. Настоящей, В. Поляковой, В. Теркуловой, И. Черниенко.

Для этой когорты поэтов особенно свойственна передача тонких экзистенциальных состояний — часто очень простыми, но ёмкими словами:

*Лишь залпы слышны
И дыхание дома.
Нет в городе больше
Чужих, незнакомых.
Мы все здесь — «свои»...*

С. Сеничкина

Неизбежно, что в сборнике есть и стихотворения с очень жёстким натурализмом, как, например, в строчках Александра Морозова:

*И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...*

С другой стороны, есть стихотворения с многослойной смысловой семантикой, отсылающей к далёким контекстам. Так, явно цветаевские ритмы и мироощущение сквозят в стихах Анны Долгаревой, где война стала метафорой самой жизни в её тоске о погибшем:

*Я иду к тебе по жёлтым цветам
да по чёрным рекам,
Я вобрала всю боль, что отмерена человеку...*

Ощущаются тютчевские ритмы и особое русское любование у россиянина Сергея Жукова из города Коврова Владимирской области:

*Нет вечности у нас в запасе.
Сразились Запад и Восток.
Всё начинается в Донбассе.
Там бьётся истины исток...*

*Бьют бесовскую шваль ополченцы.
Лики их и в крови и в пыли.
Не хватает всего, кроме сердца.
Новороссия — сердце земли.*

Эти строки особенно показательны для общего мироощущения авторов сборника — ощущения того, что вся боль земли и судьбы истории сейчас проходят через Донбасс, и «поле битвы — сердца людей» (Достоевский).

Наследие тютчевского поэтического любования очень живо и в пронзительных строчках Виктории Мирошниченко:

*Это нужно заслужить — родиться русским.
На земле родиться, названной Россия...*

Только на таком уровне и возможно по-настоящему понять Историю:

*Мою страну убили на Майдане,
Готовя преступление годами
Бездарнейших предательства и лжи...*

До чего же должно быть извращено сознание народа его западными кукловодами, чтобы предательство и ложь назвать своим «достоинством»!

Есть в сборнике и авторы с интонациями поэта-трибуна, в стиле Е. Евтушенко. Примером может служить яркая строка Марка Некрасовского:

*Девчонке лишь шестнадцать лет —
С гранатами под танк легла.
А значит, Украины нет.
Ты, Украина, умерла!*

В этом стихотворении речь идёт о реальном факте подвига 16-летних подростков города Лисичанска, которых А. Мозговой отказался взять в бригаду «Призрак» из-за их возраста, но они сами повторили подвиг «Молодой гвардии» и погибли в бою с украинскими карателями.

Вместе с тем иногда военная тематика является особой «отправной точкой» мысли и становится затем поводом для прозрения в саму сущность поэтического творчества, как, например, в строчках Владимира Скобцова:

*Не спи, поэт, гори, звезда,
Как соучастник тайны чуда,
Слова приходят ниоткуда,
В стихи слагаясь навсегда.*

Кроме поэтов в сборнике представлены рассказы семнадцати авторов-прозаиков и пьесы двух авторов-драматургов.

Всем рассказам сборника свойственен своего рода «кинжальный» стиль, при котором на небольшом пространстве текста крайне напряжённым повествованием удаётся достичь прозрения в самую суть человеческой жизни. При этом сюжетность рассказов всегда очень конкретна, лишена какой-либо показной внешней «сентиментальности». Стилистически проза сборника в целом может рассматриваться как продолжение традиций прозы нашего великого земляка В.И. Даля и «натуральной школы» в целом.

В рассказах А. Ивакина «Кальсоны» и «Дело привычное» через намеренную приземлённость сюжета показана преемственность подвига Донбасса наших дней и наших предков периода Великой Отечественной войны. Короткое «Дело привычное» повествует о расстреле пленного карателя, о той же странной переключке душ врагов перед тем, как на одного из них «упала вечность». Здесь, как и в других рассказах, наши авторы умеют и во врагах видеть людей — пусть низких и подлых, но обманутых и тоже страдающих. Именно в этом всегда было нравственное превосходство русской литературы, которое особенно ярко выступило в нынешней войне на фоне тотального хамства украинской пропаганды, которая, как это и положено нацистам, сознательно вычёркивает нас из числа людей.

Особую группу составляют рассказы фронтовиков — жёсткие, даже жестокие по содержанию, показывающие движения души человеческой в самых экстремальных ситуациях перед лицом смерти. Таковы «Репортаж» В. Углева, «Младшая сестра» К. Часовских, «Свой» С. Шаргунова, «Соль земли» Ю. Ковальчука. По-своему интересны и рассказы, повествующие о нравственном выборе и своём маленьком подвиге людей в тылу — таковы «Один день» А. Сурнина, рассказы С. Тишкиной и Г. Садулаева. Особое место занимают «Украинские хроники» А. Кокоулина — это сюжеты о разложении и расплате за содеянное «войсками» так называемого АТО.

Лично мне как-то особенно близки по духу рассказы Александра Григоренко и Ивана Донецкого. Они отличаются не только точностью передачи особой атмосферы войны, но какой-то внутренней задумчивостью — как будто не только автор, но и его герои всё время смотрят на себя со стороны, осмысливая и оценивая происходящее. В этих рассказах больше чувствуется толстовская традиция с её обострённой рефлексией и особым внутренним

лиризмом. Словами «Долг. Верность. Честь» завершает он свой рассказ о погибшем известном командире с позывным «Мангуст». На немногих страницах — маленький эпос о скромном, но по-настоящему великом душой человеке. Именно на таких людях держится наше будущее.

В рассказе В. Плешакова «Солнышко на снегах» проникновенно передано рождение любви в условиях войны, чувство непобедимости жизни и нового будущего (рассказ заканчивается словами «Будем жить!»). О трагическом идейном расколе в семье, о помрачённости сознания наших врагов проникновенно повествует рассказ Н. Петровой «Родной брат».

Иван Донецкий выступил и как драматург. В сцене-монологе «О героях и богах» сторож, охраняющий склад возле донецкого аэропорта, под минометными обстрелами рассуждает вслух сам с собой. В этом монологе весьма точно и колоритно отображено массовое сознание жителей Донбасса. Он говорит и нелицеприятные вещи о происходящем, но очень твёрдо знает русские ценности, за которые не страшно и умереть. Он говорит: «Духовный рост, к которому звали отцы Русского мира, подменили ростом способов получения денег... мил ему Запад, потому что ублажает его низменные потребности... Да здравствует всемирная духовная инфантилизация и примитивизация!.. Люди лезут по ступеням потребления, видят в этом жизни цель, с самомнением дебилов гордятся своими девайсами и презирают тех, у кого их нет». Но, говорит русский: «Это вы из-за новой мобилы раком встанете, а мы — нет». Вот за эту свободу, за спасение от деградации в конечном счёте и воюют русские.

В драме «Пески. История одной семьи» показано, как сугубо мирные и добрые по характеру люди становятся непримиримыми и неустрашимыми борцами против украинского неонацизма и киевских оккупантов Донбасса. И как другие рядом с ними, наоборот, лишь деградируют и ещё сильнее проявляют свои худшие черты. Эти — «за Украину».

Особое место в сборнике занимает драма Глеба Боброва «Оглашение Крама», который одновременно стал вдохновителем и организатором всего сборника. Его произведение служит органическим завершением книги, во многом подводя общий итог художественным исканиям её авторов. Драма многоаспектна по содержанию, но её смысловым стержнем, безусловно, является внутренняя борьба человека за правду, через подвиг и страдания преобразующая его личность.

Действие драмы происходит в тёмной камере для пленных. Два израненных человека, прошедших пытки украинских карателей, говорят о том, что называется «русскими вопросами» — о смысле жизни и о главном нравственном выборе, который должен в этой жизни сделать каждый человек. Они свой выбор сделали и свой подвиг уже совершили, но у них ещё осталось время, чтобы ещё и проговорить то, что им открылось в жизни, чтобы передать свой опыт другим. Впрочем, собеседники, считая себя обречёнными на смерть и поэтому говорящие абсолютно откровенно обо всём, отнюдь не вдаются в абстракции. Их разговор предельно жизненно конкретен. В сравнительно небольшой пьесе в разговоре всего лишь двух людей разворачивается очень точная и осязательная панорама и «анатомия» современного общества в самых разных его сферах и проявлениях. Здесь и «анатомия» боёв, которую могут знать лишь те, кто в них участвовал, и «анатомия» довоенной жизни — бизнеса, политики, личной жизни. И за всей этой предельной конкретикой всё равно постоянно стоит вопрос о смысле, о правде, о выборе. Это особенное — русское — видение жизни сейчас очень многими уже утрачено, и миссия литературы состоит в том, чтобы его вернуть людям. Драма символично оканчивается неожиданным освобождением — это художественный символ того, что в жизни всегда всё можно изменить, исправить, начать заново. Что сущностью жизни всегда является свобода и нечаянная радость. Ополченец с позывным «Крам» в финале найден его приёмным сыном, которого он уже считал потерянным. Это тоже символ — символ того, что жизнь есть встреча и взаимное спасение людей.

Авторы сборника — не просто единомышленники; их объединяет нечто более глубокое — особое мирообъемлющее переживание противостояния злу, явившемуся в виде украинского неонацизма. Каждый из авторов по-своему выразил свой нравственный выбор, свой опыт внутренней работы души, совершаемой в этой исторической борьбе со злом, не только ранящей, но и преображающей душу человека, открывающей ей новую глубину бытия.

Фронт этой борьбы действительно проходит «сквозь души и через сердца», заставляя каждого из нас преодолевать в себе то, что мешает противостоять злу не только внешнему, но и внутреннему — собственной слабости, ненадёжности и недопониманию. И опыт художественной литературы ценен тем, что показывает, как победить в этой внутренней

борьбе со злом и собственными слабостями. Поэтому во всех произведениях сборника явно или подспудно звучат пророчества о нашей будущей победе — ведь если эта победа уже достигнута внутренне, то она произойдёт и во внешнем действии — в защите нашей свободы и победе над фашизмом.

16 мая 2016 года в Русском центре Луганской универсальной научной библиотеки им. М. Горького состоялась презентация 10-го «взмаха» (выпуска) литературно-художественного альманаха «Крылья», вышедшего в апреле этого года в Москве. Номер был издан при финансовой помощи Интернационального союза писателей. Альманах «Крылья» на данный момент — единственное литературное издание журнального типа в Донбассе. Предшествующий выпуск альманаха выходил ещё до войны, в 2013 году. Презентация 10-го, юбилейного взмаха уже прошла 22 апреля 2016 г. в Москве. «Крылья» и по охвату авторов, и по качеству и масштабности художественных и публицистических текстов окончательно переросли уровень регионального, пусть даже и весьма известного издания, и приобрели полновесный общероссийский статус. Более того, они вышли и на международный уровень, представляя русских литераторов из нескольких стран. В 10-м взмахе опубликованы произведения авторов из Луганской и Донецкой народных республик, России, Сербии и Германии. В номере представлены проза, поэзия, публицистика, литературоведческие очерки, критические рецензии, в том числе на сборник «Я дрался в Новороссии». Военным событиям посвящён раздел «Вихрь войны», в котором представлены стихи донбасских поэтов. Этот раздел, концентрирующий в себе большой душевный и нравственный опыт противостояния злу в лице украинского нацизма и неонацизма, задаёт общую тональность всего сборника.

В ЛНР и ДНР прошедшие два года ознаменовались настоящим «культурным взрывом», о котором уже стали писать как о знаковом явлении современности. Уже само по себе сбрасывание украинского идеологического ярма и того духа ущербности, завистливости и глубокого провинциализма, который всегда был свойственен «культурной» жизни на Украине, уже принесло яркие результаты. Этот культурный и духовный подъём основан на моральном оздоровлении общества. Если на Украине мы видим сознательное разжигание ненависти и невежества, то у нас, как и в братской России, события последних двух лет пробудили прямо

противоположные чувства — чувства братства, взаимопомощи, милосердия, прощения.

Такого количества различных культурных мероприятий, научных конференций и вообще творческого пробуждения никогда не было в Луганске до войны. В Луганске впервые созданы самобытные симфонии и опера, все театры интенсивно работают над новым, только что созданным репертуаром. Выступает множество самодеятельных художественных коллективов, снимаются документальные и художественные фильмы. Проводятся международные научные конференции и издаются сборники научных работ. Реформировалась система образования, перейдя на более высокие российские стандарты. Луганск стал не только столицей республики, но и впервые приобрёл «столичный» культурный стиль.

Борьба за свободу и лучшее будущее наших молодых республик проходит не только на по-

лях сражений, но и в душах людей и в сфере литературного творчества. Вопреки наглой лжи украинской пропаганды о том, что в Донбассе сражаются какие-то «террористы», на самом деле у нас сейчас происходит настоящий «культурный взрыв» и духовное возрождение народа, вернувшегося в подлинную Историю из той спячки и гниения, в которое его загнала Украина. У поэтов и писателей раскрываются новые творческие силы тогда, когда они чувствуют себя в единстве со своим борющимся народом. Тем более если это борьба против реанимированной гадины фашизма, за возвращение к своим подлинным — исконно русским — нравственным корням. Литература последних лет показала, что и на поле художественного творчества Донбасс борется за свою свободу и достоинство так же стойко и беззаветно, как и на поле боя. И это тоже наша победа.

/ Александр ДУГИН /

Быть русским – предназначение

Поговорим о том, что такое Русское.

Наш русский народ всегда осознавал своё единство и своё предназначение. Чувство принадлежности к единому русскому целому пронизывало многие поколения наших людей, составляло смысл исторического бытия. Русские толковали смысл своего бытия в истории как исполнение уникальной миссии. Она вверена только нам, но должна коснуться всех остальных. Мы утверждали: наше народное соборное «я» не в противоречии с соседними народами и не в покорении иноплеменных. Вместо этого мы взяли на себя всемирную ответственность за судьбы мира, за сложное дело спасения духа, ищущего полноты и совершенства.

Суть принадлежности к русскому народу — в неуловимом наличии особого духа. Он-то и делает русского русским. Это особый ток: он ударяет по нервам, входит в кровь, заставляет хрусталики зрачков смотреть внутрь, в туман наших русских глаз, в плёнку сладкой тоски, в бьющееся сердце, красное и живое, с кровью и вибрирующей тайной силой. Бытие народа — таинство. Прикосновение к нему расплавляет нас.

Народ — нечто противоположное массе. Народ — это целостность, её можно ощущать и в одиночестве, не обязательно видеть других. Народ — это пронзительный крик, это ветер, уносящий наше сознание в дальние дали, ток высокого напряжения, опрокидывающий в падение вверх.

Русский народ создал своё государство, отстоял его от посягательств страшных врагов с этой же самой целью. Мы выразили через державу наш вселенский масштаб, нашу глубокую, искреннюю, интимную озабоченность судьбами мира. Всех остальных народов.

На заре русской истории мы видим единство народа и государства, их синтез. Народ, перерастая внутренние пределы, возмечтал о царстве своём и породил его из себя. И жил этим государством, и лелеял его, и берёг его для своей великой

Отношение русских к государству двойственно. Мы нежны к нему и жестоки одновременно, как и оно к нам. Это наш образ, наша тень, проекция наших страхов и вместилище наших надежд. Государство — это свободный двойник народа, его отражение, получившее призрак независимости.

души. Но, породив царство, русские как бы раздвоились, народный дух смотрелся в это зеркало, менял курсы взгляда, в сердцах разбивал его, чтобы снова воссоздать. Это история любви и ненависти, сближения и удаления, череды сокрытий и откровений...

Народ временами сливался с государством, проникал в него, оживлял его, а потом снова отступал, как воды отлива оставляют тревожную заржавелую конструкцию, скрипящую шестернями. Да, это наше творение, но бывали эпохи, когда казалось, что это не так. Что это нечто чуждое, внешнее, призванное не сохранить, а уничтожить народ, не возвеличить его, а унижить, не освободить мощь духа, а посадить на цепь.

Отношение русских к государству двойственно. Мы нежны к нему и жестоки одновременно, как и оно к нам. Это наш образ, наша тень, проекция наших страхов и вместилище наших надежд. Государство — это свободный двойник народа, его отражение, получившее призрак независимости. Как «дьявол есть обезьяна Бога», так «государство есть обезьяна народа». Там всё узнаваемо, но всё искажено.

Преимственность по линии народа — главная и неотторжимая. Мы, русские, в первую очередь народ. Это и делает нас теми, кто мы есть. Приходя в себя, мы идём в народ. Идя в народ, приходим в себя. В русском слиты «я» и «не я».

Русское — абсолютно. Нет ничего иного, кроме русского, так как именно русское даёт бытие всем остальным вещам.

Сегодня мы как народ снова на перепутье. В какой раз. И снова мир, окружающий нас, полон угроз.

На сей раз это не только враги и конкуренты, импортированные идеологии, принуждающие смотреть нас на самих себя и окружающий нас мир чужими глазами. Это ещё и огромная историческая усталость, навалившаяся на наши плечи. Ведь за каждый шаг по истории мы платили огромную цену. Легко понять, что тысячелетний путь принёс много разочарований, утомил тело и душу.

Но сегодня, как всегда в трудные времена, у нас нет иного выхода, кроме как искать вдохновения, жизни и смысла в нас самих. Искать в русском бытии, в нашем духе, в нашей изнурённой трудами, но осветлённой отеческой верой национальной плоти.

Мы не масса, мы не класс, мы даже не государство — мы народ. Русский народ. Именно это наш первый и последний ответ самим себе и всем остальным. Вне народа нет бытия. И если мы снова хотим быть — не выжить, не существовать, а именно быть, — мы должны вернуться к нашему «я». Должны примириться с ним, заново открыть его в себе, омыться током нашей русской крови. Спасти мир именно в тот момент, когда окажется, что он вот-вот сорвётся в новую фатальную авантюру наподобие строительства Вавилонской башни или всеобщего растления, за которым последовал Всемирный потоп.

И даже если очистительный потоп неизбежен, мы должны твёрдо знать, что «после потопа — мы».

Быть русским — значит быть всем. Никак не меньше.

*По материалам телепередачи
«Директива Дугина»*

/ Олег РОЗАНОВ /

О высокой сложности **РОССИИ**

Строя проект будущего, нужно понимать, что Россия — это чудесное кружево, которое воспринимается только в целом

В настоящее время в геополитическом, метаисторическом и информационном аспектах идёт глобальное наступление на Россию, Русский мир и русский народ. Западные медиа создают из России образ цитадели агрессии, коррупции и прочего зла, в американских аналитических докладах ей отводится роль геополитической жертвы, а научные центры уже вовсю разрабатывают план освоения российских территорий в своих интересах.

Этому массивному прессингу извне необходимо противопоставить большой, созидательный и привлека-

тельный для Русского мира и других народов проект будущего. Что мы можем и должны предложить обществу, какая большая идея способна нас всех захватить?

Чаша весов склоняется к тому, что мы возвращаемся к своей исторической субъектности, то есть к православной русской империи — Катехону, сдерживающему мир от сползания в бездну потребительства и античеловеческих ценностей.

Существует онтологически верная концепция о том, что духовным ядром России является Святая Русь, поэтому путь укрепления России один — через возвращение православных традиций. Идея Святой Руси как национального идеала должна обрести «плоть и кровь» в практических национально-государственных стратегиях. Надо понимать, что идеал Святой Руси не является романтической пасторальной архаикой, не имеет ничего общего с этническим эрзац-национализмом, но является высоким творческим национально-государственным идеалом. Более того, о приверженности идеалу Святой Руси говорят не только православные интеллектуалы, но и лидеры традиционного российского ислама — такие, как Верховный муфтий России Талгат Таджуддин.

Шесть процентов нашего населения являются воцерковленными людьми. Если рассматривать это не как количественный, а как качественный показатель, то шесть процентов пассионариев вполне способны дать стране импульс для зарождения новой национальной идеи, а её воплощение будет поддержано живыми творческими силами нашего народа, большинство которого идентифицирует себя с православием. При этом важно подчеркнуть, что в России нет конфликта между верующими и неверующими; умные атеисты прекрасно осознают созидательную роль Русской православной церкви, российского ислама и других традиционных конфессий. Видимость подобного конфликта умышленно создаётся и разжигается антигосударственным меньшинством, контролирующим такие важные, ключевые высоты в стране, как подготовка интеллектуальной

элиты и формирование общественного мнения средствами массовой информации.

Мир очень сложен, и в нём проигрывает тот, кто существует в рамках обособленности от мировых процессов. Вспомним, как ещё в феврале 1917 года большевики (в тот момент незначительная партия — 24 тысячи человек) уже в октябре того же года смогли организовать государственный переворот, а затем не допустить к власти куда более массовые партии и движения вроде кадетов или эсеров и победить в Гражданской войне. И всё потому, что они были частью мировых процессов глобальных изменений в парадигме развития человечества, а их политические оппоненты мыслили в лучшем случае в рамках границ Российской империи.

Результат политики сознательной изоляции в нашей истории чётко проявил себя на примере старообрядческих общин. Не старообрядцы придумали трактор и изобрели танк. Как только начинает работать местечковый изоляционизм, движение заканчивается. Необходимо понимать, что существует общий мейнстрим, и мы обязаны быть частью общего процесса. Другой вопрос, что при этом мы не должны поступиться «лица необщим выраженьем», которое у нас, безусловно, есть.

Поэтому, формируя повестку дня для страны, мы должны научиться глобальному политическому, экономическому и информационному позиционированию России в столь меняющемся мире и создать привлекательную социальную модель государства, которая позволит нам собрать воедино евразийское пространство.

На сегодняшний день в мире существуют два больших мессианских проекта: русский и англосаксонский. Англосаксонский мессианский проект — это распространение силы, которая якобы способна гарантировать мир. Но какой? Однобокий мир по лекалам и в интересах «ядра» — агрессивной англосаксонской элиты. Мир, исповедующий культ двуличности власти, глобального превосходства США и их псевдосоциальных стандартов, когда вопросы добра и зла

В истории XX века существовал геноцид армянского народа, геноцид (холокост) еврейского народа, и об этом знают на всех континентах, но до сих пор нет определения геноциду русского народа, «Русской Голгофе», как назвал его Александр Проханов.

рассматриваются только с точки зрения практической пользы и личной выгоды.

Русский мессианский проект заключается в поддержании уровня справедливости на земле, позволяющего гармонично существовать и развиваться мировой цивилизации; причём наши постулаты миротворчества, незлобности, отсутствия чувства превосходства над другими странами и народами оставались таковыми даже в то время, когда официально советское государство жило «без Бога».

Смена эпох и технологических укладов говорит о том, что противоречие и борьба этих двух сил, двух мировых проектов могут быть разрешены или войной, или, напротив, каким-то объединением на основе духовности.

Русская мессианская идея, основанная на православии, обладает уникальным качеством — уважительным отношением ко всем народам, традициям и религиям. Только на этой основе можно строить проект будущего России, синтезирующий наши великие ценности, смыслы и идеалы, и только в этом случае он станет привлекательным для стран, не являющихся приверженцами англосаксонского ядра.

«Россия — это цветущая сложность», — отмечал Константин Леонтьев. Соглашаясь с его видением России, следует подчеркнуть, что в этой «цветущей сложности» невозможно вычленивать что-то единственное главное, магистральное. Имперский проект, которым всё ещё остаётся Россия, держится на многих опорах, и если пытаться развивать идею «русского национального государства» — мы Россию потеряем.

Мир на больших скоростях катится в глобальную энтропию, глобальную войну, глобальный хаос. Наша сози-

дательная объединяющая идея должна затронуть сердца всех, быть близкой и православным, и мусульманам, и буддистам, и атеистам, то есть всему нашему народу. Россия всегда была государством, которое стоит на великих духовных началах и смыслах, собирает народы, отвергает сектантский «уменьшительный» национализм. В этом наша особенность и сила.

Можно вспомнить, как в одно историческое время начали своё развитие русский и польский проекты строительства империй. Польский базировался на польской нации — шляхте. В XVIII веке польская шляхта очень чётко понимала, что она иного этнического происхождения, чем крестьяне. Шляхтичи приняли для себя «сарматский миф» и считали, что господствуют над крестьянами по праву завоевателей. Так, кстати, делали очень многие элиты в разных государствах. Русские же строили гармоничное государство, где не было доминирующего, указывающего народа.

Что представляла собой в то время русская элита, русская аристократия? В XIX веке для 53 процентов её представителей родным языком был русский, для 29 — польский, для 6 — грузинский, для 5 — литовский и так далее. Из выдающихся военачальников, учёных, министров «с ходу» великороссов и не назовёшь. Понятие «русский» в этом случае выступает как качество: русский дух, русский военачальник, русский аристократ — это сложносочинённые феномены. Более того, наш этнос до сих пор находится в стадии формирования. По сущности, мы — империя, которая созидалась творчеством всех народов, каждый из которых важен и необходим. Россия, как мне видится, — это чудесное кружево, которое нужно воспринимать только в целом. Каждый народ,

каждая нация гармонично вплетались в общую ветвь, в общие кружева. Мы намного сложнее как государство, как общество, как проект, именно поэтому Россия имеет гораздо большие исторические успехи, нежели её западный сосед.

Национальной идеей России (и об этом надо говорить вслух, занести это в Конституцию) должно стать воссоединение русского народа — самого большого разъединённого народа в мире.

В те исторические эпохи, когда русский народ находился в разных государствах, а не в «русской сердцевине», он подвергался жесточайшему геноциду. Мы знаем, что Талергоф (первый концентрационный лагерь в Европе, созданный властями Австро-Венгерской империи в 1914 году) был открыт как раз для того, чтобы уничтожить русский народ и русскую православную веру. За принадлежность к православию и самоидентификацию себя как русского люди уничтожались в промышленных масштабах, но мы почему-то стесняемся об этом говорить.

В истории XX века существовал геноцид армянского народа, геноцид (холокост) еврейского народа, и об этом знают на всех континентах, но до сих пор нет определения геноциду русского народа, «Русской Голгофе», как назвал его Александр Проханов.

Нам нужно не стесняться продвигать этот термин на всех возможных площадках, начиная с ООН и заканчивая гуманитарными организациями по типу ЮНЕСКО, потому что только создание и продвижение собственной повести эпох, собственных смыслов истории способно привести к победе. Только лишь защита и реагирование на вызовы — это стратегия проигрыша. Опускаясь на этот уровень, мы перестаем генерировать свои идеи.

Показательным примером в данном случае служит Конституция ФРГ 1949 года, где ключевой целью существования Федеративной Республики Германия было названо воссоединение немецкого народа («присоединение остальных германских земель»),

в то время как в Конституции Германской Демократической Республики такой задачи не стояло. Это придало проекту ФРГ новую пассионарную энергию, и в итоге в этом серьёзнейшем историческом споре победила та часть Германии, которая задала себе высшую планку. А мы — ГДР, советский лагерь — стеснялись говорить о таких вещах. Победил тот, у кого была сверхидея.

Какой должна быть стратегия нашего государства для обретения национальной идентичности? В связи с переходом на новый технологический уклад и невостребованностью в нём больших городов можно рассмотреть вопрос о проекте «Россия одноэтажная» как один из ведущих национальных проектов.

Россия одноэтажная — это возвращение русских укладов, это переселение людей на землю, возвращение гендерной роли в первую очередь русскому мужчине, это развитие земства, при котором начинает работать местное самоуправление. В этом — ключ к успеху развития нашего государства, в основе жизнеустойчивости которого раньше всегда была община. В городе возродить общину не представляется возможным, а в посёлках, сёлах, деревнях это происходит естественным образом. В формулу русской жизни вернётся исторически проверенная триада — учитель, врач, священник; земля начнёт оживать и приносить плоды. Всё это сможет «перекодировать» общество.

У нас есть уникальный опыт государственного строительства: имперского, социалистического, неудачный, но тоже опыт, строительства капиталистического. Если конвергировать весь этот опыт вместе (это то, о чём говорил в 60-е годы XX века Питирим Сорокин), то мы выйдем на другую модель как социально-экономического, так и духовно-нравственного уклада. Как государство мы выстоим в том случае, если возьмём за основу весь этот синтез. Опирайтесь только на один в чём-то успешный опыт — ошибочно; как известно, нельзя зайти в одну и ту же реку дважды.

Нам есть что предложить миру — принадлежность к большому, вескому,

неместечковому явлению с человеческим лицом. Тожественность с Россией должна означать тождественность с более высоким нравственным императивом, с созиданием.

Американская гегемония сеет хаос в отношении государств, которые попадают в зону её интересов (Афганистан, Ливия, Египет, Сирия, Украина и другие). В государствах, не попавших под американские бомбы, но ставших жертвами идеологических снарядов, идёт воздействие в целях разложения традиционных институтов (образование, семья, церковь, государственная власть); на уровне отдельных людей она нагнетает неуверенность, страх и несёт пессимистическую картину будущего.

К примеру, проведённый по заказу ведущей германской деловой газеты Handelsblatt глобальный опрос общественного мнения жителей двадцати стран показал, что европейцы настроены пессимистично относительно будущего, особенно в сравнении с россиянами. Французы, итальянцы и испанцы озабочены безработицей, люди беспокоятся из-за повышенной террористической угрозы, не доверяют Европейскому союзу. О настроении жителей стран Ближнего Востока не стоит и говорить. Россияне же, согласно опросу, довольно оптимистичны; они доверяют своему лидеру и уверены, что их дети, которые сегодня рождаются в России, будут жить в лучшей стране.

Никто не хочет быть с неудачниками, с «бедолагами» на обочине жизни, поэтому российский оптимизм в противовес упадническим настроениям Европы — это реальная живая сила. Нашу надежду на будущее укрепляют положительные изменения в российской жизни: люди стали больше жертвовать на благотворительность; несмотря на экономические сложности, наши женщины стали больше рожать, а значит, как общество мы выздоравливаем.

Мы ещё только начинаем свой подъём к вершине, и каждый наш исторический опыт — это новый шаг к ней. Для европейцев же любое движение может оказаться спуском вниз. С Россией и за Россией пойдут, если мы покажем, что нам есть во что ве-

ритель, если мы донесём правильные, здоровые и привлекательные смыслы: гарантию национального суверенитета, защиту традиционных ценностей, совместное творчество народов, принцип справедливого социального государства, опирающегося на волю и дух народа. Россия, Русский мир — это уникальные люди, это несравненной красоты и богатства природа, это колоссальный исторический опыт имперского строительства, а значит, замысел Бога о нас гораздо выше нас сегодняшних. У России ещё всё впереди! Нам нужно стремиться к большему и вести других за собой.

/ Галина ИВАНКИНА /

Русский мир: очерки культурного СТИЛЯ

а провинциальная рвань-пьянь. И так, ватник — это уже не просто телогрейка, это — символ пропитого, грязноватого, полуграмотного российского мужика, чья супружница потребляет оливье из большого белёвского тазика и чей сын с пяти лет потягивает пиво под звуки пенитенциарного «шансона». Зато! — отмечают либерал-эстеты, — ватное семейство крайне патриотично! Они и есть — 86 путинских процентов. Неизлечимый рефрен либерала: «Я — 14, а не 86! Я мою шею и люблю стиль Арт Нуво! А они — ватники».

И вот, вместо того чтобы противостоять этой мерзости и пошлятине, многие наши люди кинулись... гордиться. Да! Мы такие! Питиё — есть веселие на Руси! Да, мы непознаваемые да с раздольною душой. Вприсядку — на обломках. Маргинальное — чудесно. Прекрасное далёко — пошло бы ты лесом! Нас и так неплохо кормят. Доходит до полного юродства — мы, мол, выиграла войну у железных немецких колонн, воевавших «по линейке», ибо... рушим любые правила. Потому и знамя над Рейхстагом. То есть не храбрость и не святой фанатизм и даже не Т-34 — лучший танк столетия, а... иррациональность как базис. Вам не стыдно так думать? Русский мир — это многогранная культура и разносторонний ум. Это — сопряжение физики и лирики. Это — евразийская самооценность. Это — деревенские корни и футуристические мечты. В этом — наша сила, но и наша сложность.

Благодаря ей Русский мир в состоянии выжить даже в полной изоляции — за счёт своего собственного ресурса. Поэтому так важно помнить об уже достигнутом, о свершениях Русского мира.

Очерк первый НАМ ВНЯТНО ВСЁ...

Русский мир многогранен. Русский мир непознаваем. Он стоит на стыке — и на страже — Востока-Запада, вбирая в себя премудрость первого и романтическую дерзновенность вто-

рого, создавая уникальные теории, конструкции, смыслы. Попадая на русскую почву, всякая, пусть даже привнесённая идея, играет самобытными, ярчайшими красками. Пафосные строки Александра Блока про «...азиатом с раскосыми и жадными очами», кажется, не повторял только ленивый, точнее их цитируют именно ленивые, ибо нужно читать стихи полностью или не читать их вообще. «Мы любим всё — и жар холодных числ, / И дар божественных видений, / Нам внятно всё — и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений...»¹ Поэт пытается бравировать «...своею азиатской рожей», но он не забывает, что русскому человеку подвластно всё — и алгебра, и гармония, и галльские виньетки слов, и тевтонская философичность. **Русский мир склонен и к логике, и к «душеведению», везде достигая совершенства.** Но то — Блок. Эпоха Арт Нуво. Сейчас у нас иные времена и другие авторы. В своё время известная беллетристка Людмила Улицкая призналась на всю страну: «Нам очень повезло, потому что Альберту Швейцеру пришлось покупать билет, <...> и ехать лечить грязных, диких и больных дикарей. Нам же никуда ехать не надо. Достаточно выйти из подъезда — и мы уже в Африке. Вокруг нас такие же грязные, дикие и больные люди, которые нуждаются в сочувствии».

Конечно, господа либерального толка безостановочно закатывают русофобские истерики, но каждый раз меня смущает одно обстоятельство. Паразитизм. Питаться соками и тут же — отравлять. Всё та же Улицкая, как писатель, обращена именно... к Русскому миру. Она с какой-то мазохистской ностальгией повествует о советской жизни — сложной, противоречивой, жутковатой, — она так видит, что поделать, — но вместе с тем тот образ узнаваем, хотя и выписан нерадостными красками. Романы и рассказы Людмилы Евгеньевны созданы для России и — о России. Она — будем откровенны — никому не интересна в благоуханных Франциях и умно устро-

Последние два-три года наметилась пренебрежительная и опасная тенденция — ухарское размахивание ватником. Начиналось всё скромно. Данный термин сочинили русофобы для высмеивания и охаивания патриотизма. В самом предмете ничего позорного нет — в тех ватниках войну выиграла, мирную жизнь отстраивали, созидали и сеяли. «На картошку» из всяких НИИ ездили. По грибы ходили и ходят до сих пор. Однако идеологические противники переиначили сей образ, придав ему уголовно-маргинальную окраску: не дачный огород в октябре,

¹ Блок А. Стихотворения. Л.: «Советский писатель». 1955.

У России нет, по сути, слабых мест — у нас есть великая литература, мощная музыка, фундаментальная научная база, талантливая живопись и — грандиозная архитектура. Везде — сплав индивидуальности. Русский человек может быть и приземлённым, и возвышенным, поэтому во всём мире говорят о загадочной русской душе: в голодные и неустроенные 1920-е наши люди создавали грёзу о домах-коммунах в космосе и прочих «летающих поселениях».

енных Германиях. Улицкая — пусть и ненавидит всё вокруг — заточена под русское критическо-интеллигентское мировосприятие, а её многолетний успех стал возможен именно благодаря этому созвучию. Утратив связь с русской почвой, она закончится как автор. Или она считает своих же читателей — грязными и дикими? Основной потребитель её интеллектуальной продукции — русский интеллигент. В других странах, откуда иной раз берутся «...моды, авторы и музы», есть прослойка интеллектуалов, учёных, философов, **но там нет этого социального феномена — интеллигенции.** И это нельзя перенять, кстати, в отличие от моды, — это родилось в России, в православной, дворянско-разночинной среде и затем, после революции, активно пестовалось советской властью.

Почему я вдруг вспомнила об этом неприличном фортеле госпожи сочинительницы? Это повод поговорить о Русском мире и его парадоксах — о всеобъемлющей, экстравертивной культуре и — о стремлении замкнуться в рамках исключительной самости. Извечный Восток–Запад, данное свыше евразийство сознания. **Наша культура, как никакая другая, обращена сразу ко всем течениям** — у нас отсутствует специализация, ибо держать первенство и в балете, и в космосе — сие не просто выбор, это уже миссия. Возможно, вы замечали, что у **России нет, по сути, слабых мест** — у нас есть великая литература, мощная музыка, фунда-

ментальная научная база, талантливая живопись и — грандиозная архитектура. Везде — сплав индивидуальности. Русский человек может быть и приземлённым, и возвышенным, поэтому во всём мире говорят о загадочной русской душе: в голодные и неустроенные 1920-е наши люди создавали грёзу о домах-коммунах в космосе и прочих «летающих поселениях». Твердили: через четыре года здесь будет городсад. Впрочем, русские снова удивили мир — в разгар кризисных мер и падения рубля выстаивали многочасовую очередь на выставку Серова.

Публицист и общественный деятель патриотического толка Егор Холмогоров в своей статье «Очередь в Русский мир» отмечает: *«Россия странная, холодная, мало пригодная для жизни и творчества страна при полярном круге. Вы слышали что-то о великой канадской литературе, великой норвежской живописи или шведской музыке? Ведь в этих странах гораздо теплее и всё более обустроено, чем в России? И только Россия с её несовершенной социальной организацией и многострадальной экономикой ухитряется в одиночку поддерживать великую культуру во всех значимых областях творческой деятельности человека. Эта культура являет собой суть и смысл существования России»*². Напомним, что просвещённая Франция сдалась немцам почти без боя, дабы получить от фашистов своё законное право жрать круассаны и стряпать шляпки, а в «дикарском» Ленинграде продолжали ра-

ботать театры, и музейные работники сохраняли шедевры — иной раз ценой собственной жизни.

В либеральной среде принято, нет, скорее... модно полагать, что русские ничего не выдумывали, а только брали у Запада красивые идеи — от дендиизма до коммунизма — и потом лепили из них нечто особенное. Мол, балет, хотя и числится во всём мире «русским», но всё же был привнесён из Франции, а без общемировых разработок в области космических исследований никакой Королёв попросту невозможен. Да, конечно, театр в Россию пришёл из Европы: основоположником императорского балета значится француз Жан-Батист Ланде, а родоначальником русской оперы — итальянец Франческо Арайя. Что характерно, и французскую оперу создал итальянец Джованни Баттиста Люлли, да и с балетом не всё так просто — моду на это зрелище ввела Екатерина Медичи, которая была тоже не из-под Тулузы. Что же касается англичан, то они любят пошутить, что лучший британский композитор — это... Георг Фридрих Гендель, как известно, долгое время работавший в Англии. Первым французским кутюрье записан англичанин Чарльз Фредерик Ворт. Символом французского величия до сих пор считается понаехавший корсиканский артиллерист.

Таких примеров можно привести очень много — представители человечества учатся друг у друга, имея общие корни и единые культурные коды. Однако наши местные либералы склонны обвинять исключительно Россию, которая «ничего сама не создала!» Кстати, всё тот же французский балет был взят за основу по всей Европе, но только русские сотворили уникальное явление. Более того, догнали и перегнали своих учителей. Морис Бежар, говорите? Читаем биографию: избрал свой путь под влиянием постановки с участием Сержа Лифаря и учился у русских эмигранток Любови Егоровой и Веры Волковой. В культовой мелодраме «Мост Ватерлоо» (1940) героиня Вивьен Ли

² Сайт газеты «Известия». <http://izvestia.ru/news/602465> — 25 января 2016 г.

танцует в русской труппе. Фоном звучит музыка Чайковского, вплетающаяся в голливудский саундтрек. Этот фильм — в числе других западных лент — крутили в послевоенной Москве... Русская культура — уже переосмысленная и препарированная — неизменно становится частью общемирового наследия.

Нам внятно всё... И танец, и линия, и полёт в пространстве. И когда вы любуетесь динамичной, прихотливой роскошью стиля Арт Деко, не забудьте, что он был вдохновлён человеком по имени Роман Тыртов, вошедшим в историю искусств под аббревиатурой ЭрТе. Наши дизайнеры-авангардисты 1910–1920-х годов задавали тон в области эстетического восприятия. Больше того — именно они определили направление художественной мысли XX столетия. Мы оказались впереди всей планеты, очерчивая грани и силуэты Городов Солнца. **Одной из особенностей русского мировоззрения является постоянное ощущение себя либо в Прекрасном Прошлом, либо в Светлом Будущем** — былина, сказание и античный ордер переплетаются с футуромечтами. Неумение жить сегодняшним днём, игнорирование текущей рутины — только спеша в грядущее или оглядываясь на старинную премудрость. Иногда это гениально соединялось в едином творческом замысле. Современный русский философ Виталий Аверьянов, размышляя о Велимире Хлебникове, пишет, что «...Хлебников весь в послезавтра и в позавчера, весь насквозь авангардист и уже сквозь авангард — традиционалист»³.

Ещё один излюбленный либеральный рефрен: русские всегда были под властью немцев или же ордынцев, а потом ещё — усатый грузин, попыхивая трубкой, раскрутил индустрию и выпестовал Большой Стиль, но сами русские ничего не лепят... То ли дело — цивилизованные Европы. Гаденький вопрос: «И сколько там было процентов «русскости» в крови последнего императора, ставшего иконой вашей

исконности?» Тот факт, что, например, англичанами в XVIII веке правила Ганноверская династия, никого уже не волнует? Или просто не в курсе? Только есть нюанс — Екатерина Великая очень быстро сделалась русской, даже где-то... чересчур русской (я имею в виду попытки вводить национальный костюм в придворный быт). Наши цари не отделяли себя от подвластного населения. Обрусение принцесс происходило быстро и навсегда. Тогда как, например, Георг I и даже Георг II предпочитали говорить по-немецки и по-французски, всю жизнь оставаясь пришлыми ганноверцами, а что до британской культуры, так Георгам было решительно всё равно, на чьём троне пристраивать свои зады. Англия, так Англия. Также напомним, что Испанией в XVIII столетии правили версальские Бурбоны, насаждённые ещё Людовиком XIV. Вопрос: сделались ли они испанцами?

...В 1990-е годы русских — читай советских — принялись называть оккупантами. Маленькие, но высокомерные балтийские страны, и ныне считающиеся задворками Европы, возопили о притеснениях: не было им житья от вездесущей КПСС! Напомню, что в старинные времена они были вечно под кем-то. Курляндия, Эстляндия, Лифляндия — всё привнесённые имена. Менялся завоеватель — переписывались названия городов. Однако же, будучи, к примеру, под Кеттлерами, курляндцы не создали ни философских школ, ни особого стиля в музыке, ни узнаваемой, цитируемой литературы — по немецким образцам-то, имея оные перед глазами... Да. Можно сколько угодно превозносить прибалтийских певцов и актёров — они действительно хороши. Были. Когда их республики находились в составе СССР...

Другой показательный пример — большая Украина. У Ильи Глазунова есть впечатляющее полотно — «Вклад народов СССР в мировую культуру и цивилизацию». Среди персонажей имеются и два великих малоросса — Николай

Гоголь и Тарас Шевченко, в гениальности которых никто не сомневается. Смеем напомнить: Микола Яновский (он же — Николай Васильевич Гоголь) развил свой недюжинный писательский талант в условиях именно русской, имперской культуры — на волне Золотого века петербургской словесности. Гоголь подарил миру свою Малороссию — солнечно-тёплую, без конца и края отчизну, однако же стать великим он смог только в столице, где бурлила интеллектуальная жизнь. Знакомство с «колорадским» поэтом Пушкиным и благосклонность царя-«ватника» Николая I — всё это дало Гоголю дополнительную возмож-

³ См. статью «Велимир Хлебников. Традиционализм в авангарде» в книге: Аверьянов В. Крытый крест. Традиционализм в авангарде. — М.: «Книжный мир». 2015.

ность взойти на писательский олимп. Тараса Шевченко, широко одарённого крепостного крестьянина, выкупили из неволи при участии Василия Жуковского, Карла Брюллова и царской сестры Марии Павловны. Шевченко учился в Петербургской академии художеств, а с 1860 года (после всех своих мытарств) сделался академиком этого учебного заведения. При соприкосновении с многогранным Русским миром проявляется талант.

Скажу больше — **Русский мир в состоянии выжить в полной автаркии — культурной и социальной.** Разумеется, это крайняя мера, и очень бы не хотелось, но сейчас — трудные времена, а вопрос о мобилизации всех наших сил и возможностей стоит довольно остро. Мы в состоянии двигаться особым цивилизационным путём, ни на что не оглядываясь, — у России накоплен достаточный опыт и громадные потенциалы. Важно вспомнить, как это делается...

Очерк второй РУСЬ — ВОСТОК — ЗАПАД.

...Выдающийся мастер Андрей Михалков-Кончаловский писал: *«Курсова был для меня открытием ещё одного измерения в искусстве кино. У него настоящее чувство эпического. Недаром он, быть может единственный, способен передавать на экране Шекспира: «Трон в крови» — «Макбет», «Ран» — «Король Лир».* Японский гений кинематографа и, пожалуй, самый европейский автор всех времён и народов — Уильям Шекспир объединены в созидательном замысле, в евразийской идее вечного сотворчества. Безусловно, Запад есть Запад, Восток есть Восток, а Русь — птица-тройка, она несётся то с востока — на запад, то с запада — на восток. Оттого-то *«...умом Россию не понять».* Русский человек способен увидеть точность и ясность Курсовы в трактовке Шекспира. Постичь Запад через призму Востока и, как в случае с Кончаловским, создать

свою версию айтматовского «Первого учителя» — в ощущениях Курсовы, но вместе с тем очень по-русски.

Споры о том, что есть Россия — Восток или Запад, ведутся очень давно и до сих пор не привели к безупречному выводу. Что-то, да мешает — вроде бы культура рафинированно-европейская, придворная, имперская — с романтикой и дендизмом, с философией и технократическими идеями. Но и многовековой симбиоз с Ордой невозможно вычеркнуть, нравится нам это или нет. Я умышленно допускаю это слово — симбиоз (а не иго, как чаще всего принято), термин, которым евразиец Лев Гумилёв обозначал причудливые, жуткие и по сию пору не до конца изученные отношения Русь — Орда. Если проследить генеалогию царской знати, то несть числа Юсуповых, Беклемишевых, Карамзиных. Названия московских районов вроде Арбата или Новогиреева — от Гирея. И как не вспомнить: *«Вчерашний раб, татарин, зять Малюты?»*

Нравоучительная деталь —...халат Обломова как символ барственной неги, созерцательности, присущей более Востоку: «На нём был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу все шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но всё ещё сохранял яркость восточной краски и прочность ткани». Намеренное подчёркивание восточной сути обломовского халата — это самый яркий штрих в противопоставлении владыки-сибарита деловому европейцу Штольцу, человеку-машине в стройно подогнанном фраке. Для Гончарова оба — неидеальны, оба — в известной степени ущербны, однако же вместе и составляют некое гармоническое созвучие. Русский человек может быть деятельным по-западному и — ослабленно-ленивым, фаталистичным по-восточному. Георгий Плеханов утверждал, что «...в историческом развитии России... есть особенности, очень заметно отличающие его от исторического процесса всех стран европейского Запада и напоминающие процесс развития великих восточных деспотий». Примечательно, что уже в эпоху перестройки ниспровергатели сталинского наследия именовали период 1930-х — начала 1950-х годов «типичной восточной деспотией» с её всеподчинением и тотальностью, но в контексте сугубо европейской индустриальности и нарочитой неоклассики Большого Стиля. Впрочем, само наше пространство не даёт нам забыть о том, что здесь — Евразия. Это — географический фактор, едва ли не главенствующий с точки зрения формирования менталитета... У Василия Аксёнова читаем: «...интереснейшее явление, этот русский народ, вроде бы белые, но абсолютно не европейцы».

Исторический путь человечества говорит о том, что **всякая культура стре-**

мится к евразийству, к интеграции и слиянию. Николай Бердяев утверждал: «*Понятия Востока и Запада очень подвижны и неопределённые. И совсем не выдерживают критики то понимание Востока и Запада, которое установилось в новое время*». Далее он приводит доходчивый и красноречивый пример: «*Греко-римская средиземноморская цивилизация, которую противопоставляют Востоку, многократно подвергалась влиянию Востока. Без взаимодействия с Востоком, которое всегда было вместе с тем борьбой, она не могла бы существовать*». Если вдуматься, то любая цивилизация — это Востоко-Запад. Или — Западо-Восток. Евразийство как цель устремлений.

Можно привести этому несколько живописных доказательств, возможно, не столь ярких, как эллинизм — типичное порождение «греко-восточности». Примерно треть французских повествований Галантного века посвящена ориентальной тематике — действие переносится то в Исфахан, то в Голконду, то в Шираз, то в турецкую вотчину, то в придуманную «восточную землю». Достаточно обозначить красавицу — Зельмирой, а вельможу — Селимом, расцветить сюжет упоминанием гарема, базара и минаретов, дабы создать экзотическую историю с игриво-светским, версальским содержанием. Всё восточное казалось не просто модным, но и загадочным. Станным и непонятным, зато — увлекательным. Утверждалось: образованный европеец живёт осознанием текущего момента, а восточный мудрец — чувством вечности. Тогда сложилось целое направление в беллетристике — письма или заметки некоего «восточного гостя» о европейской бытности, коя для него — странна, дика и забавна.

Вот ещё один знаменательный пример. **Запад у Востока старался перенимать всё самое примечательное, разве что кроме религии, тогда как Восток долгое время был закрытой системой, оберегавшей свои подлинные сокровища.** В XVIII веке появился причудливый стиль «chinoiserie» — дословно «китайщина». Китай — это, прежде всего,

фарфор — любимая игрушка пресыщенных королей и курфюрстов, поэтому на волне повального восхищения тонко звенящими чашечками возникло увлечение всем китайским — чайными павильонами, ширмами «с драконом», азиатскими опахалами. Вся Европа мечтала разгадать фарфоровую тайну, но китайцы упорно хранили древнюю формулу. Поэтому нам пришлось изобретать свои варианты — дрезденский, северский и — русский виноградский. Стоит помнить, что именно Россия стала первым европейским государством, которое посетили китайские послы. Случилось это во времена правления Анны Иоанновны. Чайная церемония на Востоке — это мирозерцание посредством чая, которое можно до конца понять, только признавая *бытиё в вечности*; тогда как мы это воспринимаем иначе. Русские и англичане смоделировали новую традицию чаепитий — сугубо европейскую, деловую. Англичанин за чаем просматривал газеты или же — общался с избранным кругом, для укрепления личных позиций в свете. Русский купец тоже предпочитал заключать юридические договоры за самоваром — за разговором и балагурством. Чай — повод и фон, однако не вселенная, как там, на Востоке. У Михаила Салтыкова-Щедрина сказано: «*Ведь вот, кажется, пустой напиток чай! — замечает благодушно Иван Онуфрич, — а не дай нам его китаец, так суматоха порядочная может из этого выйти*». Занятое восклицание — «пустой напиток», то есть лишённый всякого целевого наполнения, хотя, без сомнения, и немаловажный; а для русской народной идентичности — эпохальный.

Именно на Восток «сбегали» многие дизайнеры и художники Серебряного века, а типаж индийской танцовщицы был страшно популярен в кафешантанах сластолюбивого Парижа. Гений стиля Поль Пуаре в начале 1910-х создал ориентальное направление, предлагая европейским модницам облечься в шелка, шальвары и тюрбаны с эгретками; запустил в продажу ароматы «Минарет», «Мандарин», «Аладдин», «Магараджа». Кинематографисты стряпали наив-

В России, с её восточно-западным расположением, всё проще, но и — сложнее. У нас всё — по максимуму, а византизм смешивается с технократической грёзой о Городах Солнца. Традиционализм — с футуризмом. Борьба за себя. Особый смысл. Расширение границ — окно в Европу и покорение Сибири.

ные мелодрамы о шейхах и одалисках, а поэты выводили стихи: «На белом пригорке, над полем чайным / У пагоды ветхой сидел Будда, / Пред ним я склонился в восторге тайном, / И было так сладко, как никогда». Помимо Николая Гумилёва сию ниву возделывали тогда очень многие авторы, а юмористы сие вышучивали, строча уморительные пародии на заигравшихся в экзотику литераторов.

А что же Восток? Он тоже постепенно втянулся в заимствование, которое шло на совершенно ином уровне, — Азия брала у Западного мира его технологии, иной раз доводя оные до облачного совершенства. На излёте XX столетия японская техника сделалась не просто передовой, а, по сути, единственно возможной, потеснив старые немецкие фирмы. В Америке тоже беспокоились — скоро их поглотит японский гений. Кроме этого, Восток перенял у Запада синематограф, сотворив потрясающие вариации — утончённое японское кино и музыкально яркое явление индийского Болливуда. Происходила и рецепция социальных идей — восточную версию социализма надо рассматривать в качестве отдельной модели, иной раз мало связанной с классическим европейско-русским марксизмом. Итак, **Запад переделывает и препарирует восточные мудрости, создавая на их базе милье сердцу привычки, а Восток пытается построить западные наработки в свою тысячелетнюю модель мира.**

В России, с её восточно-западным расположением, всё проще, но и — сложнее. У нас всё — по максимуму, а византизм смешивается с технократической грёзой о Городах Солнца. Традиционализм — с футуризмом. Одновременное равнение на ордынское

наследие и на версальские причуды, но, вопреки унылой логике, яростное отрицание и того и другого. Борьба за себя. Особый смысл. Расширение границ — окно в Европу и покорение Сибири. Острое, беспримерное самоощущение пограничности. Метания. Евразийство — это судьба и крест. И — спасение.

Очерк третий СЕРЬЁЗНЫЙ РУССКИЙ СМЫСЛ

Большинству из нас категорически не нравятся российские кинокомедии. Современная русскоязычная эстрада, которую менее всего хочется называть «русской» или даже «российской», — также не вызывает положительных эмоций. Вряд ли кому-то придёт в голову превозносить иронические детективы или, например, молодёжные ситкомы (ситуационные комедии, построенные на чередовании нелепых ситуаций с гомерическим закадровым гоготом). Многие патриотически настроенные политики и публицисты утверждают, что причины кроются в отсутствии цензуры — и потому возобладало нахрапистое дурновкусие, всегда столь явное в развлекательном жанре. Именно поэтому комедии выглядят глупыми, эстрада — бездарной и одновременно — пошлой, а приключенческие навороты отдают перегаром и стойким криминальным душком. На мой взгляд, наличие или отсутствие цензуры играет здесь опосредованно-вспомогательную роль. **Всё это — попросту не наши жанры.** Нам они в принципе не дадены, ибо изначально мелки, легкомысленно скроены и лишены масштабности. У нас иные задачи во вселенной. Ещё в конце XIX столетия один театральный критик выдал буквально следующее: обычный

русский водевиль — сие нечто тяжеловесное и при этом — невыносимо, до жгучего стыда, скабрёзное, тогда как французский — на ту же тему — искрист, очарователен и остроумен. Автору бы дописать пару строк, что русский ум не заточен под водевили, кафешантаны, песенки про модисток и прочих девушек с пограничной репутацией. Для француза комедия о похождениях остроумной белошвейки или песенка об адюльтере — часть национальной природы. А у нас оно не выпячивается. У нас хорошо выпячивается только то, где есть философия, притом что в России философия как наука не лидирует (в отличие от физики и лирики). Потому что она — философская мысль — растворена в воздухе и нет резона городить дополнительные построения. Вспомните героев Василия Шукшина — каждый из них философ, эксперт в области мироздания, и в моих словах нет никакого сарказма. Вячеслав Иванов в своём стихотворении «Русский ум» писал так: «Он здраво мыслит о земле, / В мистической купаясь мгле».

Русский смысл — это предельная серьёзность. Высокая. Вековая. Не озорной романчик о лукавой красотке, а суровый и обстоятельный роман-эпопея. Характеры, поступки, горести, поиски счастья и, безусловно, — богоискательство. **Посмотрите, что на том же Западе ценится и принимается как «исконно русское».** Лев Толстой с «Войной и миром», Борис Пастернак с «Доктором Живаго» и Михаил Шолохов с «Тихим Доном». **Это именно то, что могут и умеют делать исключительно в России: показать судьбы нескольких поколений и всех слоёв общества на фоне исторических катаклизмов.**

Глубокая драматургия Антона Чехова. Не его же очаровательная, едкая ироническая проза, не рассказы о конторщиках и дачниках, а именно — пьесы, в которых зашифрована трагическая безысходность, тоска, попытка заглянуть в неумолимое грядущее. И — желание увидеть небо в алмазах. Не себя, любимого, в алмазах, а именно — Божье небо. Кстати, вас не поражает, что «Чайка» (там, где

ещё «...Константин Гаврилович застрелился...») значится у автора в качестве... комедии? Но это — отдельный разговор. Что у нас далее? Отточенный и техничный, но одухотворённый балет, появившийся у нас во времена Анны Иоанновны. Взятый напрямиком из Франции, он со временем сделался исключительной национальной гордостью. Во всём мире слово «балет» почти всегда влечёт за собой прилагательное «русский». Вот вам забавный пример — в старой французской комедии начала 1970-х годов «Человек-оркестр» глава хореографической труппы (его играет Луи де Фюнес) спрашивает, у кого же могла учиться некая одарённая танцовщица. Девушка называет исключительно русские фамилии, причём выдуманные сценаристом. Просто русские. Лишь бы русские. Босс понимает, что девица — настоящий бриллиант, огранённый лучшими мастерами. В 1920–1930-х годах на Западе был популярен такой мошеннический трюк — открыть «пафосный», элитный танц-класс, в котором якобы преподаёт настоящая русская балерина, чудом спасшаяся от большевиков. Разумеется, такие курсы стоили бешеных денег — очень уж было престижно учиться всяческим **«battement tendu»** у дамочки, которая с самим Дягилевым была «на дружеской ноге». Якобы. Больше того, эти хитрые мошенницы часто «косили» под русских, будучи, например, польскими еврейками, немками или даже англичанками. То есть даже не говорили на «родном» языке или же изъяснялись на оном довольно скверно. Нелишне вспомнить, что и советский балет — во многом яркая противоположность дягилевскому — завоевывал первые места в мире, а Майя Плисецкая считалась во всём мире настоящей гранд-дамой или, как теперь говорят, — «иконкой стиля». Ив Сен-Лоран почитал за величайшую честь создавать для неё костюмы. Вам всё ещё обидно, что в России слабенькая эстрада и некачественная буффонада?

Что же я всё об искусстве? Россия — это, прежде всего, прорыв в космос. Небо в алмазах. Подняться над суетой. Объять пространство. Россия — это ещё и умение побеждать врагов. Жуков

и — Калашников. Это — фундаментальная наука. Недаром на Западе так ценятся выпускники наших технических вузов. Россия — это лидерство в спорте. Олимпиада. Если кино, то Андрей Тарковский и Сергей Эйзенштейн. **Русский ум не разменивается на частности,**

детали, мелочи, шпильки-заколки. Хорошо это или глупо, каждый решит для себя сам. Если уж герой наших книг и убивает старушку-процентщицу, так исключительно чтобы проверить: **«Тварь ли я дрожащая, или право имею?»** — а материальный смысл

преступления мгновенно стирается или теряется. Если уж он — учёный, то занимается «...как и вся наука. Счастьем человеческим...». Наши люди «...просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец мысли и духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы». Читайте Стругацких и Ефремова — они писали с натуры, хотя, как творцы собственно **science fiction**, эти авторы уступают знаменитым американцам. Советская фантастика — вторична. К тому же она «социальна», говорит о Человеке Будущего, а не увлекает коллизиями. Мы не умеем создавать захватывающие «приключения ради приключений». Только держать на плечах дворец мысли и духа.

Или вот. Сравните знаменитую «Анжелику», например, с «Гардемаринами» — в обоих фильмах показаны авантюрные страсти на фоне реальных исторических событий. У французов на первом плане всегда будет любовная феерия, красота куафюр, прелесть декорированных нарядов и даже костёр на **place de Grève** выглядит всего лишь как повод показать Мишель Мерсье с трагическим, а потому ещё более красивым лицом. Что там Людовик или Филипп Орлеанский с шевалье де Лорреном? Всего лишь статисты на фоне мадам де Пейрак. Тогда как в нашем романе «плаща и шпаги» всё будет крутиться вокруг бумаг Бескужева, заговора Лопухиных-Головкиных, политических игр французского двора и — сложной политической ин-

триги возле трона Елизаветы Петровны. Даже в такой полудетской вещи, созданной из желания написать, отснять «своих мушкетёров», чересчур много серьёзной проблематики. И она тут — основная. А скачки, драки, кружева и фижмы — это так, приправа, перчик. Не более. Вот вам и разница.

В период перестройки много писалось о том, что развлекательный жанр у нас — в загоне, на заднем плане. В отстое, как сообщает по любому поводу нынешняя молодёжь. Недодают зрителю и читателю смешинок! Надо начать срочно создавать шлягеры (пожалуй, самое мерзкое слово тех лет!); искромётные, уморительно смешные киноленты, никак не связанные с социальным посылом; а также — эротику, боевики, приключения и космические

саги. И — понеслось! По сцене заплясали девочки-карамельки в платящих с леопардовым узором, а бывшие народные артисты и театральные корифеи безотлагательно засветились в дешёвых комедиях с преобладанием сортирного юмора. Критики и зрители недоумевали — получалось глупо, гнусно, коряво и — поганно. Вроде бы всё путём: цензуру — уничтожили, спонсоров — ублажили, массы — алчут. А получается несусветная, запредельная дрянь. Увы и ах! Неужели не можем, как в Голливуде или как у Луи де Фюнеса? Почему когда кривляется Джим Керри — это талантливо и действительно смешно, но когда то же самое проделывает выпускник «Щепки» или «Шуки», на это противно смотреть? А ведь взаправду мы такое не можем. Честно. Никак. Только Гамлета и Лира. А вот Аманда Лир не получается.

И это — повод для гордости, а не для раскаяния и национального самоуничижения. Прекрасно, что попка у нас — ниже плинтуса и кошмарней ужаса. Что мы не умеем стряпать эксцентрические комедии, даже если их режиссёр — Григорий Александров. Вспомните сюжеты его картин — трюки и голливудские gags составляют фон повествования, а социальные темы — на первом плане. Например, «Цирк» — это не набор прыжков и нелепых ситуаций, свойственных жанру киношной эксцентрики, но драматический рассказ о любви и ненависти, о расизме и мерзостях капиталистического бытия, о лучшей в мире стране и самом справедливом обществе. В какой американской, французской или итальянской комедии будут петь песню с такими словами: «*Но сурово брови мы насупим, если враг захочет нас сломать*»? Всякая вещь Эльдара Рязанова — бесконечная осенняя печаль, красивая грусть интеллигента 1970-х, пытающегося отыскать своё счастье. Леонид Гайдай, говорите? Ловко выстроенные фельетоны на злободневные темы — то воюем против самогонщиков, то высмеиваем жульё, то иронизируем насчёт хулиганов-тунеядцев и лупим, лупим их нещадно с рефреном: «*Надо, Федя, надо!*» Это не дебильное «*Ха-ха-ха!*», это — борьба,

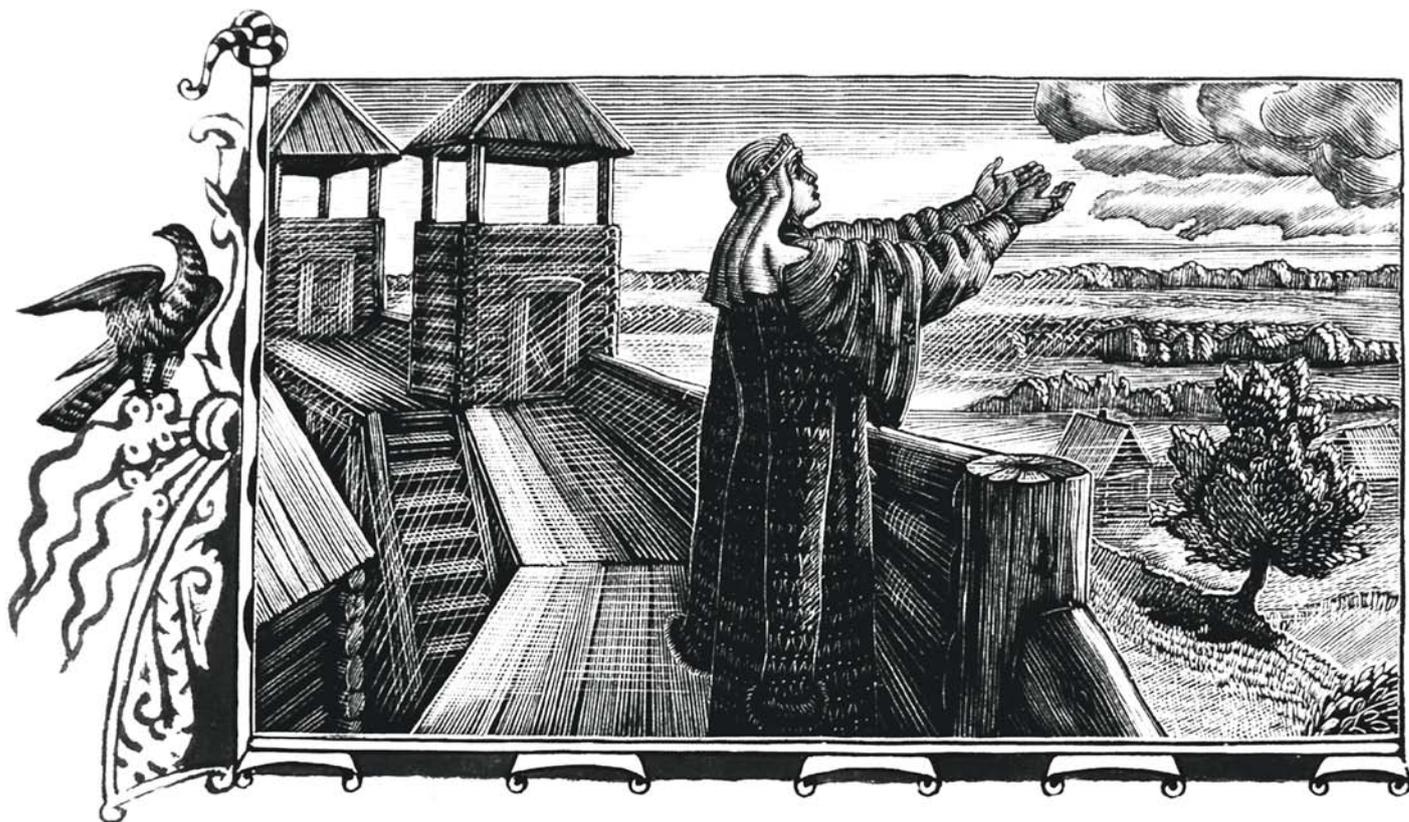
Во Франции тоже есть космонавты, но Париж — ...столица моды, парфюма и лёгкого жанра. Италию мы любим за песни про Феличиту. Немцев — за философию. Будем честными: нам, русским, интересны не стены, а горизонты. Высота. Разговор с Богом.

а борьба — это серьёзно. За что критиковали стилиг? Только ли за преклонение перед буги-вуги и ещё каким-нибудь ямайским ромом? Вспомните знаменитый фельетон 1949 года: «*Стилиги не живут в полном нашем понимании этого слова, а, как бы сказать, порхают по поверхности жизни...*» Слово сочетание «лёгкая жизнь» было чем-то вроде клейма и имело остро негативный смысл. Жизнь на Руси не может быть лёгкой по определению, а человек обязан любить трудности. Созидать. Бороться. Спасать мир.

В этой связи вспоминается хрестоматийная тирада Ильфа и Петрова насчёт маленького и большого миров, которые сосуществуют в едином пространстве: «*Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире людьми двигает стремление облагодетельствовать человечество. Маленький мир далёк от таких высоких материй...*» Так вот, у нас всегда хорошо получаются вещи и смыслы «большого мира», а вот «маленький мир» с его ванильным уютником (sic!) никогда не выходит. Это надо просто принять как данность. И даже русский рок — это не тамошний рок, а именно... рок — судьба, фатум, доля. Наши музыканты пытались создавать заумные смысловые конструкции, ударялись в сложнейшую философию, учили жизни. Западный рок — это музон, драйв, ритм. Русский рок — это, прежде всего, слово.

Осталось понять — откуда масштабность и почему серьёзность? Полагаю, тут дело в пространстве, в географии. Всё слишком далеко, громадно, величественно, мощно. Всё предстоит освоить и понять. Как-то раз Фазиль Искандер попытался расшифровать популярное в русской литературе слово «удаль».

Он рассуждал следующим образом: «*В этом слове ясно слышится — даль, хотя формально у него другое происхождение. Удаль — это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали*». Русь — птица-тройка. «*И быстрее, шибче воли/Поезд мчится в чистом поле*». Или вот это: «*Полотнища ослепительного света полоскались на дороге. Прах летел из-под колёс. Протяжно завывали клаксоны. Ветер метался во все стороны. В минуту всё исчезло, и только долго колебался и прыгал в темноте рубиновый фонарик последней машины. Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями. — Вам не завидно, Балаганов? Мне завидно*». А ведь есть ещё и космос, который изначально был заточен под русскую мысль — от Циолковского до Королёва и Гагарина. Во Франции тоже есть космонавты, но Париж —... столица моды, парфюма и лёгкого жанра. Италию мы любим за песни про Феличиту. Немцев — за философию. Будем честными: нам интересны не стены, а горизонты. Высота. Разговор с Богом. А серьёзность — ещё и от сложных погодно-климатических условий. Русь = зима. Как там, у Олега Куваева в «Территории», этой энциклопедии русского духа? «*Серьёзные не умирают. Серьёзность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Легкомысленные подобны мертвецам*». Да. Одним из символов России всегда являлся медведь — тоже серьёзное животное. Очень. Ещё вспомнилось. Вдогонку. Юрий Визбор, как и положено позднесоветскому интеллигенту, иронизировал насчёт масштабности и серьёзности. Помните — «*...зато мы делаем ракеты и перекрывали Енисей, а также в области балета...*»? Вроде бы хотел слегка кунуть, но сказал-то чистую правду.

О Русском мире и русском языке

*Предлагаем вашему вниманию беседу с зампредом
Изборского клуба, доктором философских наук
Виталием АВЕРЬЯНОВЫМ и профессором МГУ, доктором
культурологии Владимиром ЕЛИСТРАТОВЫМ, которую
провёл в эфире телепередачи «Консервативный клуб»
генеральный директор телеканала «Спас» Борис КОСТЕНКО*

Борис КОСТЕНКО: В этот раз мы будем говорить о, возможно, наиболее консервативной составляющей того, в чём мы живём. Тема наша — это Русский мир и русский язык. Эта тема сегодня имеет и политический подтекст. Я даже процитирую сразу Владимира Елистратова: «Русский язык, может, в какой-то степени, а может быть, и в существенной, стать частью той самой национальной идеи, которую мы всё никак не можем нащупать».

Я бы хотел начать сегодняшнюю беседу с факта создания Общества русской словесности, которое по просьбе президента Путина возглавил Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Насколько сегодня ситуация с русским языком вообще и с тем, что мы называем русской словесностью, требует такого серьёзного государственного и духовно-нравственного вмешательства — в хорошем смысле, естественно? Ситуация так сильно запущена, тревожна?

Владимир ЕЛИСТРАТОВ: Я буду очень краток. Это прекрасное начинание, и оно действительно очень много обсуждалось уже, и правильно обсуждалось. Да, ситуация запущена, не в том смысле, что у нас народ какой-то стал совсем не такой. Просто в нашем обществе работают довольно мощные деструктивные механизмы. В качестве примера можем взять тот же самый ЕГЭ.

Я выступил с предложением ввести специальный экзамен, общий экзамен, — «Русский язык и литература». Не «Русский язык» с тестами, а «Русский язык и литература» в виде эссе или сочинения. Проблема в том, что мы теряем литературу как образ мышления и знания, она вылетает из голов нашей молодёжи. И чтобы преодолеть вот это, простите за грубость, егэшное болото, в которое мы погружаемся, необходимо, чтобы подключились какие-то высшие силы.

Кроме того, происходит десакрализация языка. Он перестаёт быть чем-то высоким для нас. И если патриарх берёт эту тему на себя, значит, всё-таки будет дуновение какое-то. Придёт, как я надеюсь, новая сакральность.

Б. К.: Очень важно, что вы об этом сказали. Думаю, что этот тезис мы попробуем раскрыть, но чуть позже... Вы помните, кстати, какими аплодисментами встретили реплику Путина о том, что он считает необходимым вернуть сочинение в качестве экзамена на аттестат зрелости?

В. Е.: Вы знаете, я тридцать лет преподаю, и у меня, конечно, болит так, что мало не покажется. Я просто вижу изнутри, как это всё происходит. И если действительно посадить учителей, человек триста, четыреста, пятьсот, и если бы Владимир Владимирович повторил это предложение, то это будут просто овации. Потому что наболело очень сильно.

Б. К.: Я знаю, что в Изборском клубе несколько раз публиковались материалы, которые косвенно затрагивали тему культуры языка. Изборский клуб за свою достаточно долгую историю несколько раз возвращался к этой теме...

Виталий АВЕРЬЯНОВ: Для нас сейчас очень важно такое преломление этой темы, как русский язык и Русский мир. Существует масса разных интерпретаций этой проблемы. И сейчас Изборский клуб пытается нащупать такую интерпретацию, которая бы консолидировала по крайней мере патриотическое сообщество.

А у нас, как показала история последних лет, патриотическим является подавляющее большинство граждан.

Это показала так называемая Русская весна. Кстати говоря, она сделала Русский мир лозунгом своим, и это словосочетание, на мой взгляд, — очень глубокое и точное, затрагивающее какие-то важные струны в русской душе, да и вообще всех людей, причастных так или иначе к Русской цивилизации. Это словосочетание обрело новое звучание, которого раньше не имело.

15–20 лет назад зачастую Русский мир пытались свести как раз к русскому языку и ограничиться этим. И здесь я, может быть, в воинствующей ипостаси выступлю. Потому что, при всей моей глубочайшей любви к русскому языку и при понимании того, что он является нашей не просто фундаментальной основой, а даже подосновой, — но сведение Русского мира как доктрины, как концепции к сохранению и поддержанию русского языка, к его пропаганде, к сохранению связи с русскоговорящими соотечественниками — это определённая игра на понижение.

Можно такую метафору привести. Представьте себе, что в дом попал снаряд во время войны. Дом не разрушен полностью, но повреждён очень серьёзно. А нам говорят: «Да что вы, какой там дом! У вас сохранились осколки во круг и уцелел фундамент, и слава Богу, и молитесь на это!» Это примерно такая же была постановка вопроса о доктрине Русского мира как чего-то сводимого к русскому языку.

Но при всём при том мы же понимаем, что если это родной язык, то в нём только и возможно мышление, как говорил один выдающийся лингвист первой половины XX века Лео Вайсгербер. По его формуле, только родной язык делает мышление возможным. В этом смысле сам рост человека, рост культуры, рост самосознания осуществляется только в родном языке как в некоем смысловом, символическом и энергетическом растворе.

Поэтому преувеличить значение языка невозможно, его значение огромно. И в то же время мы понимаем, что нельзя лингвистическими средствами компенсировать те утраты, которые Русская цивилизация понесла во всех сферах своего существования. Но как предлагали в конце 90-х годов методологи, господина Щедровицкий, Градировский, в каком-то смысле Павловский с его «Русским журналом», — дескать, как раз гуманитарными, лингвистическими средствами мы сможем решить проблемы Русского

мира. И как это обосновывалось? Обосновывалось таким образом, что существует большая русскоязычная диаспора, у которой есть финансовые средства и возможности. Дескать, мы сейчас обратимся к ней, они нам помогут. Я даже могу процитировать. В одном из интервью Сергей Градировский писал: *«Обратите внимание, что, когда у вас появляется ресурс такого масштаба (имеются в виду рычаги воздействия на диаспору), вас уже не интересуют русские Крыма или Ташкента. Вас интересуют русские с Брайтон-Бич, русские Израиля и Силиконовой долины, те, кто чего-то достиг в Париже, Лондоне, Пекине, Лос-Анджелесе и так далее. Иначе говоря, у вас появляется другой список лиц, с которыми вам важно и интересно работать».*

Вопрос заключается в том, кто на кого будет работать и является ли русский язык тем достаточным основанием, которое позволит собрать Русский мир, рассыпанный, развалившийся, потерпевший историческую неудачу?

Б. К.: Мне кажется, эта мысль уводит всю энергию, которая должна быть направлена на поддержание русского языка, вообще в сторону. А вот вы сказали вначале об опасениях — так, собственно, вот этими методами оказывается давление на язык, и он примитивизируется, чтобы на нём можно было лишь общаться и решать информационную задачу, но не мыслить.

В. Е.: Да, сейчас все талдычат про то, что главная функция языка — коммуникативная, межкультурные коммуникации. То есть что произошло? Собственно, идея была очень благородная. Конец XX века на Западе — так называемый постмодерновый проект весь основывался на отрицании языка. Человек умер, остались структуры и т.д. В этой связи возникла некая оппозиция этому делу. И, естественно, у нас взяли флаг в руки вот такие люди, которых вы процитировали. Но это в общем-то радикалы, которые действительно почувствовали, что пахнет какими-то деньгами. Причём оказалось, что это идея неверная: нам наши соотечественники не помогли. Это мы им помогаем, и правильно, и надо им помогать. Вот у вас было хорошее слово «раствор».

У тех же постмодернистов есть свои слова, всевозможные «ризомы» (переводится как «грибница»). Если повернуть это с другой стороны, русский язык — это действительно некий раствор, это не какая-то жёсткая конструкция. Здесь вообще специфика Русского мира:

если мы свою сеть сделаем такой чугунной, железобетонной, то она развалится. Русский язык — это что-то типа дао, которое рассыпано везде, разлито по всему миру. И где-то этот раствор вдруг порождает какие-то мощные кристаллы. Как это происходит, мы не знаем. Мы даже не знаем состава этого раствора...

Б. К.: Формулы мы не знаем.

В. Е.: Там очень много каких-то странных вещей. И при этом нельзя забывать того, что мы вынуждены жить в евразийском пространстве. Русский язык должен быть языком общения наших братьев по Евразии, и они сами этого очень хотят.

Надо вкладывать на эти цели деньги в Среднюю Азию, экзамены принимать бесплатно, делать всё, чтобы они говорили по-русски. Если они будут говорить по-русски, они будут частично и думать по-русски. Кроме того, колоссальное количество русскоязычных людей живут и за пределами Евразии, и с ними тоже нужно поддерживать связь. Ведь диаспора, что ни говори, является естественным инструментом нашей «мягкой силы», как это называют мудрые американцы и англичане. Мы не умеем пока работать с этим, не умеем создавать образ России. У нас с одной стороны Чайковский и самовар, а с другой — водка и медведь.

Б. К.: Получилось так, что сегодня и сейчас, в данном случае, говоря о русском языке через призму Русского мира, мы выходим на другие категории. При этом в официальных документах ЦРУ, всего разведывательного сообщества стран НАТО, спецслужб Украины описаны две главные цели в отношении России: первая — Русская православная церковь и вторая — доктрина Русского мира. Хотя у нас самих она ещё не оформлена, но тем не менее у них это уже так...

А рядом — миллиардный Китай, который очень хочет изучать русский язык и просит его познакомиться с великой культурой. На последнем Всекитайском собрании народных представителей было сказано, что с экономикой мы, в общем, разобрались, надо заниматься духовностью и впитывать великую культуру наших соседей. Имеется в виду сосед северный, то есть мы.

В. Е.: Вы не поверите, что даже в Литве, в Польше растёт в общем-то не в геометрической прогрессии, но в прогрессии интерес к русской культуре и языку. И это несмотря на кризис, на политические сложности...

Б. К.: В Латвии как члене Евросоюза меняются настроения: их дети на заработках на Западе, и латыши всё больше понимают, что там они никому не нужны. На них смотрят как на не совсем понятно кого. А здесь всегда для этой периферии империи — в хорошем смысле слова — был социальный лифт, были возможности роста.

Или возмём Украину: путь в космос для них закрыт, «Южмаш» ликвидирован, наука легла. Куда развиваться в интеллектуальном смысле?

В. Е.: Заметьте, они стали жертвами тестового мышления. Вот в школе тестовое мышление: выбери правильный ответ из двух-трёх вариантов. Возмём работу Н. Трубецкого 20-х годов «К украинской проблеме». Он был украинофилом и сказал при этом гениальную вещь: «Как только украинцы поставят перед собой выбор: с кем мы — с Западом или с Востоком, — это начало конца Украины». То есть они должны быть и с Западом, и с Востоком.

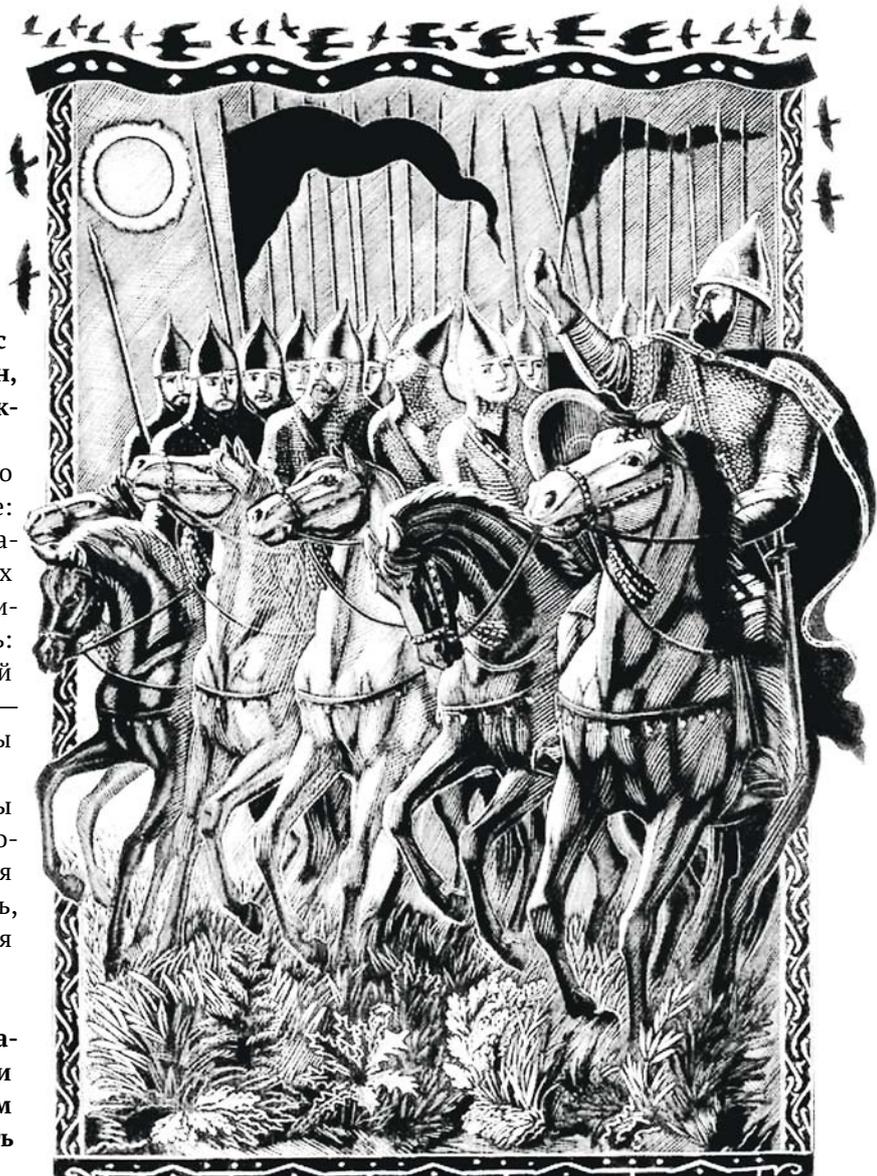
А Виталию Владимировичу хотелось бы сказать, чтобы как-то и согласиться, и не согласиться... Вот как мы проверим, где находится Русский мир? Там, где звучит русская речь, пусть даже ломаная, — это и есть лакмусовая бумажка, это и есть показатель.

Б. К.: Два года назад начался слом на Украине. И он начался из-за языка. Люди пошли на смерть, взяли за оружие, потому что им запрещали — и сейчас запрещают — говорить на родном языке.

В. Е.: Все революции начинаются с языкового момента.

В. А.: Борис Игоревич, я не стану оспаривать, что язык стал спусковым крючком конфликта, но, с другой стороны, мы должны понимать, что когда в Донбассе происходит горячий конфликт, там по обе стороны фронта звучит преимущественно русская речь, в том числе русский мат, молитвы на русском языке, проклятья, стоны — всё на русском языке...

Когда мы говорим о запрете русского языка — это все-таки некоторый перегиб, потому что русская речь звучит. И в то же время закрывались русские школы, подавлялись русскоязычные СМИ, в политике затыкали рты и т.д. И в этом есть парадокс. Сила русской речи, русского языка, русской культуры так велика, что сегодняшняя официальная Украина никуда не может от этого деться. Буквально на днях один из идеологов Майдана Дмитро Корчинский

знаете, что сказал? Он сказал: «Пушкин хуже Путина, потому что талантливее».

Б. К.: Какой молодец!

В. А.: То есть они хотят сказать: нам нужно вытравить и Пушкина, и всю русскую культуру, а она настолько мощна, что мы ничего не можем с ней поделаться. Майданные идеологи прекрасно понимают мощь русской культуры, мощь русского языка. Они её осознают гораздо в большей степени, чем оболваненные ими представители массового населения.

Язык — это наше оружие. Но он может быть настоящим оружием в отстаивании Русской цивилизации только при одном условии: что мы делаем его инструментом несения своих высоких смыслов, своих идеалов, ценностей своих. Если русский язык является, как правильно было сказано, чисто коммуникативным средством,

тогда на этом языке действительно люди будут обсуждать, как им выводить из России капиталы, как отсюда «валить», и даже то, как убивать русских, как это в Донбассе происходит. Я себе вполне могу представить такую ситуацию, когда некая секта вампиров или какой-то нежить блестяще владеет русским языком и обсуждает какие-то русофобские задачи. И такое в истории неоднократно бывало.

Хочу сказать, что, к сожалению, вот эта парадигма сведения Русского мира к русскому языку повлияла в своё время на президента Путина, особенно в 2001 году. И потом, уже в 2006 году, создавалась концепция Русского мира, был объявлен Год русского языка, созда-

вался фонд «Русский мир» — и на тот момент она ещё влияла, хотя влияние это уменьшалось. И здесь я бы хотел вспомнить о вашей, Борис Игоревич, передаче 1993 года, которая называлась «Русский мир», и обратить внимание, что вовсе не господин Щедровицкий и не Павловский первооткрыватели этой замечательной формулы. А первым её предложили вы и ваши коллеги.

Б. К.: Да, мы с Алексеем Денисовым.

В. А.: И это была как раз такая доктрина Русского мира, которая близка к реалиям 2014 года — к Русской весне, к энтузиазму, связанному с Крымом. И тогда эта ваша передача прилась

не ко двору, насколько я помню. Её жёстко критиковали в руководстве нашего либерального телевидения.

Б. К.: Критика сводилась преимущественно к названию. К качеству программ, к обсуждаемым темам, к подходам критики практически не было, во всяком случае после того, как вышли несколько первых программ. Сорок три месяца мы выходили, сорок три серии вышло, это очень большой объём для такого цикла. И, к сожалению, такой цикл повторить сейчас практически невозможно. Это всё-таки Центральное телевидение, канал «Останкино», и выходили мы в 20.00, только потом эфир сдвинули по времени.

В. Е.: Если бы вы передачу назвали тогда «Российский мир», я думаю, сошло бы...

Б. К.: Александр Николаевич Яковлев предложил мне поменять название и сказал: «Борис, а почему вам не назвать бы это «Мир России»? Как вам?» Да это меняет вообще весь смысл. И когда мы с Алексеем Денисовым это затевали, как раз написание-то по старой орфографии, да еще жёлтым по чёрному, конечно, это сильно их напрягло. И многие не могли поверить, что такое возможно на отечественном телевидении. Надо сказать спасибо тогдашнему председателю ГТРК «Останкино» Брагину, когда он запустил в 1993 году этот проект. И передачу эту помнят до сих пор. Потому что её выхлоп многим давал силы для духовного и морального сосредоточения.

И вот теперь мы наблюдаем удивительное русское возрождение, Русскую весну, большой образ, за которым много чего стоит. Ушло чувство уныния. И сейчас нам было бы важно перейти к уже обозначенной теме сакральности русского языка... Наш язык — это явно от Бога данное сокровище, на котором мы можем являть миру великие смыслы, за которыми сегодня к нам тянутся, и уважают нашу страну, и нашего руководителя сегодняшнего, и патриарха русского за то, что они разговаривают смыслами, а не произносят речи ради речей. Это очень важно. Мы наблюдаем смену парадигмы за последние три года...

В. А.: Парадигму начали менять чуть раньше, потому что в 2009–2010 годах Святейший Патриарх уже подключился к теме Русского мира, и, как мы помним, это была попытка развернуть ситуацию, в первую очередь — на Украине...

Язык — это наше оружие. Но он может быть настоящим оружием в отстаивании Русской цивилизации только при одном условии: что мы делаем его инструментом несения своих высоких смыслов, своих идеалов, ценностей своих. Если русский язык является, чисто коммуникативным средством, тогда на этом языке действительно люди будут обсуждать, как им выводить из России капиталы, как отсюда «валить», и даже то, как убивать русских, как это на Донбассе происходит.

Б. К.: Недавно вышла книга «Семь слов о Русском мире» Святейшего Патриарха. Она не очень большая, но там очень важные тезисы содержатся.

В. А.: Я бы хотел ухватиться за одну вашу, мне кажется, очень важную мысль, что ЦРУ уже воюет с доктриной Русского мира, хотя сама доктрина эта ещё до конца не развёрнута. Более того, она развёрнута на какую-то очень небольшую йоту, на какие-то проценты своего смыслового пространства, и тем не менее уже, представляете себе, какие это вызывает опасения у наших цивилизационных оппонентов. А что же будет, если доктрину Русского мира по-настоящему развернуть?

Вот помните — парадоксальную цитату приведу — у Маяковского: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин». Почему я её привёл? Понимаете, Пушкин — да, действительно, он страшен для врагов Русского мира. Но Маяковский имел в виду, что сам язык и сама цивилизация станут необычайно привлекательными даже для «негра преклонных годов» только в том случае, если найдётся тот, кто на этом языке объяснит, что есть добро и зло сегодня, в актуальной геополитической ситуации, если найдётся тот, кто укажет на это зло, покажет, как с ним бороться.

Б. К.: И не испугается это сделать. С трибуны ООН, к примеру...

В. А.: И поэтому, конечно, русский язык должен быть оружием Русского мира.

Меня знаете, что печалит? При том что возвращаются многие смыслы, но мы потеряли за эти 25 лет очень важное измерение своей цивилизации, которое восстановить будет

очень нелегко. Вот давайте вспомним конец восьмидесятых годов. Что тогда дипломнику, выпускнику советского вуза давал русский язык? Не важно, кем он был по национальности, — он мог быть из Африки или из Азии, а мог быть из Советского Союза. Русский язык тогда давал человеку возможность соприкоснуться с огромным богатством — и овладеть передовым тезаурусом, научным, образовательным и культурным. Тогда переводы были всех самых последних научных достижений и изданий, рецензии на все лучшие книги. Ну и сам уровень науки и образования тогда был таков, что этот тезаурус просто содержался в нашем академическом знании и передавался в вузе от профессора студенту непосредственно.

Мы за эту четверть века очень многое потеряли, и сегодня русский язык уже не может претендовать на такую роль, он не является носителем передового мирового тезауруса. Сегодня английский может претендовать на это, и в меньшей мере — немецкий и французский. А русскому языку придётся вместе с русской цивилизацией в целом, вместе с русской наукой, образованием и культурой навёрстывать упущенное. Я не знаю, сколько на это уйдёт лет, но это необходимо делать, потому что в противном случае мы как бы выпадаем из мейнстрима развития. Причём это не значит, что мы должны на кого-то равняться, нет, мы должны идти в своём векторе развития... Но историю не обманешь, мы сегодня потеряли темп развития.

Б. К.: Когда мы заговорили о месседже и о выступлении на трибуне ООН, мне почему-то вспомнилась фраза Путина, помните: «Что же вы натворили?» — когда он говорил об Арабской весне. И я подумал: а как они могли перевести это? «What you have done?» — Извините, «сделали» и «натворили» — большая разница. Вы бросили вызов Творцу, вы сделали что-то с духовной точки зрения неправильное. «Натворить» — там есть нравственная подоплёка. И даже перевести-то, скорее всего, они не смогли правильно, но Русский мир, все, кто владеет русским языком, — слово «натворили» поняли так, как нужно. Это лишь маленький пример, который родился из ассоциаций.

В. Е.: Русский язык — в высшей степени синтетический язык. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, аналитический язык, к примеру, английский, он может передавать очень жёсткие, как вы говорите, месседжи —

что-то деловое, информативное. Соединили два корня — очень хорошо.

Б. К.: Вот два учёных-физика поймут друг друга очень хорошо на нём...

В. Е.: Да. А аксиология, ценности лучше формулируются именно в языках синтетических. К вопросу, кстати, о языке как оплоте национальной безопасности. Я иногда привожу этот пример — вот за что купил, за то и продал. У меня был американский студент, который занимался историей ЦРУ (тогда там рассекречивали архивы). Он мне рассказал, что в десяти-двадцатые годы (тогда еще ЦРУ по-другому называлось) они вынашивали планы перевода Китая на фонетическое письмо. Это к вопросу о том, как Китай показал большой жёлтый кукиш, понимаете?

Кстати, и мы могли перевести Китай на кириллицу — монголов перевели, китайцев — не успели. Ведь тогда бы было много Китаев, потому что там много языков и диалектов. Но Мао Цзэдун оказался мудрее, и он сказал: «Нет, извините, мы сохраним наш иероглиф». Поэтому, когда у меня сидят два студента, один с юга, другой с севера Китая, и они путунхуа (китайскую норму) не очень хорошо знают, то один одно говорит, другой — другое. Что делать? И тут он фьють-фьють, в воздухе нарисовал иероглиф, и они друг друга сразу поняли!

Вот это пример того, что типологически означает защитная сила языка. Вот китайцы хорошо осознали сакральность иероглифа. А у нас нет иероглифа, и хорошо, что нет, но в языке у нас заложены эти сакральные смыслы. Мы с Виталием Владимировичем и коллегами в своё время занимались этим в Институте динамического консерватизма, пытались оздоровить корни. Фактически мы начали титаническую работу. Брала, к примеру, слово «совесть» и прослеживали историю этого слова на протяжении последних двух веков, что с ним произошло в словообразовании, разные коннотации, трактовки и т.д. Ну это на многие годы работа, и десятки людей должны этим заниматься. Вот такой проект запустить бы.

А сейчас есть проблемы с финансированием языковедческих проектов, вот не удалось пока завершить словарь Достоевского, а ведь это тоже «наше всё»...

Б. К.: Сонм русских писателей, портреты которых висят в классах, каждый из них велик чем? Тем, что у него был собственный язык. Вот вы автор словаря Шукшина,

например. Не могу не спросить, почему, по вашему мнению, возрастает интерес к творчеству Шукшина? Опять стали ставить пьесы. Он же был в своё время одним из самых популярных драматургов в Советском Союзе. Переиздали собрание сочинений, но всё продолжают издавать.

В. Е.: Я прошу заметить, что в общем ничего не делалось для того, чтобы Шукшин опять стал популярным. Это само всё происходит. Есть воспеваемые люди, такие как Ильф и Петров, постоянно про них пишут. Есть нобелевский лауреат Бродский, и всё время призывают его изучать.

Но в чём тайна Шукшина? Он не только мастер, он, так сказать, изнутри всё видит. Ведь

Шукшин, казалось бы, простой, короткая фраза, но там архетипы просто вот, знаете, — кишат! И главная тайна великих писателей наших в том, что они говорили правду. Нравственность — есть правда. Они показывали русского человека не таким, каким мы его хотим видеть, а настоящего. Это с одной стороны Чудик, с другой — Сураз. Он может всё отдать, а может и убить. Вообще, русский человек, он не так прост, как кажется, идеализировать его не надо. Вся история наша показывает, насколько мы разные можем быть. Мы вообще довольно такой взрывоопасный материал, мы такой атом, который может быть мирным, а может быть и губительным... Я понимаю, что говорю вещи кощунственные, но мотаает нас как народ

сильно. То, что показал Толстой нам Платона Каратаева, это, конечно, очень хорошо и мило, всё это русское и круглое. Но герои Лескова — это настоящие русские люди, и они прямо по улицам ходят. В этом смысле Лесков показал правду.

Б. К.: Почему тогда после перестройки, за 25 лет как Советского Союза не стало, у нас не родилось ничего такого великого? Хотя, если сравнить с таким же периодом начала века, это был Серебряный век, это была революция, — огромное количество писателей было явлено. А за 25 лет после перестройки очень трудно что-то предьявить.

В. Е.: А может быть, и есть они, но мы их не знаем. Сейчас ведь практически невозможно стать известным писателем просто так.

Б. К.: Хорошо, даже на филологическом уровне не просматривается того, что называется «герой нашего времени»...

В. Е.: Несколько лет назад муссировалась такая идея, мне звонки с радио постоянно были: давайте мы заменим Лескова Пелевиным в школьной программе...

Б. К.: И всё!

В. Е.: Вот об этом мы и говорим. Ведь все эти современные писатели очень хорошо пишут. С точки зрения технической пишут прекрасно, фразы все построены — это отличный товар для супермаркета. Но, когда ты прочитал это, ты себя спрашиваешь: а зачем я это прочитал? Это к вопросу о сакральности. Там нет такого сочетания слов, которое есть у того же Лескова.

Б. К.: Они индустриальные, вы хотите сказать?

В. Е.: Ну вот почему, например, молитву мож-

но повторять много раз? Или «Собачье сердце» я могу читать или смотреть каждый день... Когда вижу, как Евстигнеев это делает, — всё, мне хорошо. А вот почему реклама, когда она три раза повторяется, сразу вызывает, мягко говоря, отторжение...

В. А.: Мне кажется, что все-таки оценить эпоху можно только на дистанции. Хотя мне мои знакомые, крупные писатели, например, Александр Андреевич Проханов, тоже говорили — да, сейчас кризис прозы. При этом рядом с нами живут тот же Проханов, тот же Поляков, например, замечательный писатель. Есть Личутин, замечательный писатель, язык тоже очень сочный, интересный. То есть нельзя сказать, что у нас нет больших современников в прозе... Но определённый кризис сознания, может быть, связанный как раз с информатизацией, с компьютеризацией, с давлением цифровой культуры, мы наблюдаем. По всей видимости, новый гений, который сейчас должен появиться, — а может быть, он уже где-то есть, — будет работать на парадоксальное преодоление цифровой культуры через неё же саму. То есть он вберёт её в себя, переработает, как это обычно делал Русский мир всю свою историю, — брал новые технологии, перерабатывал их и очеловечивал, и делал их даже более человечными, чем старые технологии.

В. Е.: В лингвистике есть такой термин — он, конечно, вряд ли будет одобрен — «магическая функция языка». Магия не на уровне РЕН ТВ. А что такое магия? Язык ведь воздействует на реальность. Зачем люди пишут стихи? С точки зрения практической это вообще не нужно. Почему в голове у человека сидит метафора? Метафора — это же и есть культура, в том числе и сакральная культура. Вот почему-то человеку, в отличие от животных, приходится постоянно порождать культуру, и он сам не может объяснить, что это такое, и как это происходит.

Б. К.: Он мыслит образами, образы могут быть белые, могут быть черные, могут быть сакральные, могут быть духоносные. Та же икона русская и вообще икона в христианстве — это образ чего? — Бога, Спасителя, святых...

В. Е.: И поэтому я настаиваю, что всё-таки познать культуру лучше всего можно через язык... Вот Жан Лакан говорил фрейдистам: мы, конечно, Фрейда любим, сновидения толковать надо, но самое лучшее, через что можно истолковать сознание и подсознание человека, — это язык. В конечном счёте мы только через язык можем открыть глубинные смыслы. Вы же формулируете свои философские мысли как-то?

В. А.: Я абсолютный сторонник магической трактовки языка. Достаточно назвать Павла Флоренского, Алексея Лосева и многих других. Язык — это энергия, поэтому он не может не воздействовать на человека, в том числе напрямую. Метафора — это скорее некая оперативная технология. А на более глубоком уровне есть миф. Любой живой человек обязательно имеет какой-то миф или несколько мифов, он ими живёт. Потому что миф — это воля к тому, чтобы трактовать реальность в каких-то полу-волшебных отношениях с невидимым миром.

Б. К.: С сакральным миром.

В. А.: Да, об этом я и говорю. Поэтому получается, что этот внутренний сгусток энергии, который человек накапливает в мифе, находит выражение, прежде всего, в языковых формах и в формах, связанных с речетворчеством. Самым напряжённым образом — в молитве, в эпосе, в рассказе о каком-то событии, о каком-то откровении, как правило. Потому что вся большая литература — это рассказ о некоем откровении, о некоем мистическом явлении, то есть о сакральном смысле. Поэтому, конечно, язык — это в первую очередь

воздействие на человека. В каком-то смысле это, можно сказать, слабая форма гипноза. А иногда и сильная форма гипноза, когда мы стараемся убедить другого человека в своей правоте, в том, что мы действительно соприкоснулись с истинной реальностью, в том, что мы несём её.

Б. К.: Житийная литература, на которой были воспитаны герои Лескова, например, как раз апеллировала к этим пластам сознания. Были предложены мифы — в данном случае «Жития святых», которые органично ложились на национальное самосознание. Отчего на шестой части — восьмой теперь уже части — суши каноническая территория Русской православной церкви? Ведь из небольшой Древней Руси это всё развилось.

В. Е.: Если даже в наше советское время — ну совсем атеистическое время — сразу самым популярным романом стал «Как закалялась сталь». Он полностью повторяет все элементы жития. Даже в такой совсем уж безбожной ситуации. А сейчас что у нас? Есть хотя бы подобие какое-то того, что в соцреализме было сформулировано как положительный персонаж и действительность в её революционном развитии? Простой вопрос: на кого равняться? Последний фильм такого рода был «Брат-2», в нём прозвучало нечто подобное, хотя и довольно странным образом это было выражено.

Б. К.: Есть феномен, который мы наблюдаем не так давно. Недавно мы вновь имели счастье его наблюдать. Это «Бессмертный полк». Никто этих людей не заставлял выходить на улицу, никакой агитации особой не было. Вышло больше миллиона человек в этом году. И я слышал очень интересную трактовку того, что произошло в сознании общества, и это хорошо ложится на национальный код. Люди вышли с портрета-

***Бог для нас является как лик.
И люди — лики. И император — лик.
И в общем-то язык — это личность,
большая коллективная личность, и мы
все вместе — носители этой большой
коллективной личности.***

ми своих предков, воскресив их для всех: смертью смерть поправ и сущим во гробах живот даровав. Это пасхальная весть. Это вообще меняет отношение к тому, что мы видим. Это может быть только в России, этот «Бессмертный полк»! И никаких идеологизмов здесь нет, никакой партийности, и это вселяет надежду, что нация жива. Это даёт повод поразмыслить над этим феноменом, в основе которого и лежит язык в первую очередь.

В. А.: Я могу сказать, что это некое предвосхищение даже мысли, которой я хотел завершить сегодня своё выступление. В конечном счёте за Русским миром и как синоним нашего великого, могучего языка стоит архетип Святой Руси. Святая Русь — это связь небесного и земного, и в этом смысле, конечно, «Бессмертный полк» — определённое современное прочтение этой великой идеи, этого архетипа. Потому что выходят с портретами родных, принявших мученичество за Родину, за то, что для них было свято.

Б. К.: А вы знаете, там были люди с портретами своих предков времён Первой мировой войны?

В. А.: Да. Там выходили люди с портретами героев не обязательно Второй мировой — там были и более современные портреты. Например, героев афганской войны — такие факты известны.

Я хочу сказать, что Святая Русь — это и есть в общем-то подлинное имя Русского мира, только оно существует как бы в некоем режиме сакральной топографии. И, может быть, именно поэтому доктрина Русского мира так опасна для наших недругов, что они прочитывают этот подтекст.

В. Е.: Если можно, я продолжу эту тему. Я думаю, мы должны вернуться к исконным понятиям ключевых слов. Если мы говорим, например, о вере, что такое вера сейчас для человека, далёкого от веры? Просто я верю в это, а я верю ещё во что-то. Что такое вера по-древнерусски, например? Это клятвенное обещание что-то делать. В чём твоя вера? В том, что ты обязуешься делать.

Мы как раз этим и занимались с Виталием Аверьяновым в его Институте динамического

консерватизма: брали ключевые слова и смотрели, что на самом-то деле это значение слова совсем другое, а сейчас оно выхолостилось. Это кажется простым, но чем чаще употребляется слово, тем оно больше выветривается. Карцевский ещё об этом писал.

Б. К.: Затираживание.

В. Е.: Да. Но есть такие слова, которые находятся где-то на середине пути. Они вроде бы тоже соскальзывают в эту пропасть, но ещё сохраняют энергию. И вот эти слова как раз и нужно проносить, и говорить о них тоже нужно. Они практически не звучали в последние 25 лет, в тот период, о котором мы говорили.

Б. К.: Вот слово «патриотизм» как раз, когда упомянутая вами передача «Русский мир» выходила, — а нас обзывали патриотами, — ничего хорошего нам не сулило. Сегодня это практически расхожее определение.

В. Е.: Ну 3% населения считают, что это плохо...

В. А.: Во-первых, сегодня относятся к этому сугубо положительно, наверное, 95%, а во-вторых, патриотизм недавно был объявлен формой национальной идеи, единственно возможной, то есть на сегодня это официально признано.

Здесь очень важен вопрос о духовном суверенитете, потому что все эти проблемы, о которых мы сегодня говорили, включая и восстановление мощного тезауруса, и сохранение языка, и самое главное — это возрождение самого Русского мира, всё так или иначе упирается в вопрос о суверенах. В вопрос о том, как соотносится Русский мир, его субъектность с другими субъектами — с транснациональной олигархией в первую очередь, которая, безусловно, за эти четверть века постаралась подмять под себя Россию, и у неё во многом это получилось.

То есть если называть вещи грубо, вопрос упирается в то, дарует ли Бог России императора. Не обязательно, может быть, в чисто монархическом понимании, но если Русский мир — это континентальная империя, а она всегда такой была, то только в такой форме она реально и возрождается. Значит, у неё должен быть император. Именно он будет средоточием этого суверенитета, именно он сможет обеспечить Русскому миру подлинную субъектность. Но он это сможет сделать, естественно, только с опорой на нас, на сам Русский мир, на тех, кто хранит и воспроизводит русские смыслы.

Здесь и вопрос о взаимоотношениях с диаспорой тоже решается. Потому что сколько

сегодня людей говорят на русском языке? Он родной язык примерно для 150 миллионов. А вообще, так или иначе русским языком владеют, по некоторым подсчётам, до полумиллиарда людей на Земле. Это действительно огромное оружие. То есть если верховные представители России — это президент, это Святейший Патриарх — будут обращаться к этой огромной аудитории с языком как с оружием, оружием сознания, то, безусловно, мы увидим, что русский язык содержит огромный потенциал работы в современном мире. И отчасти это уже происходит, мы видим, что авторитет наших лидеров растёт сейчас в мире.

Б. К.: И в обществе есть спрос, или потребность, именно на консервативное отношение к языку. Народ устал от вульгаризации, от некоторой дебилизации, которая поощряется средствами массовой информации, к сожалению, являющимися во многом коммерческими предприятиями. Вот если раньше был образовательный канал или по радио шли спектакли, передаваемые по трансляции из Малого театра, то сегодня это практически невозможно, это уже какие-то антикварные вещи. И театр вообще тоже стал индустриальным.

В. Е.: Там нет языка. Берут пьесы какие-нибудь современных зарубежных авторов, очень плохо переводят, а потом режиссёр говорит: «Я так вижу».

Вот сейчас речь шла об императоре, а также о «Бессмертном полке», где несли лики. Я бы хотел сказать важную вещь. Бог для нас является как лик. И люди — лики. И император —

лик. И в общем-то язык — это личность, если уж на то пошло. Это большая коллективная личность, вот мы все вместе — носители этой большой коллективной личности. И в принципе все эти личности связаны друг с другом.

Б. К.: И, кстати, частью того национального кода является монархическое сознание, которое не было вытравлено даже революционным и советским прошлым. Оно внутри нас сидит очень глубоко. Мы делегируем власть отцу Отечества, а отец Отечества за нас отвечает.

Проблема в том, что мы неоднократно столкнулись с предательством элит — это расхожее место в осмыслении всего, что происходит, в контексте, например, тех же самых «цветных» революций, частью которых тоже является языковая культура и работа именно в этом поле, в информационном. Гибридные войны — это что? Это борьба в первую очередь на уровне языка, фактически филология сегодня является оружием. Я вас поздравляю, Владимир Станиславович, вы военный человек!

Спасибо вам большое за сегодняшнюю дискуссию. Надеюсь, она позволит нашим читателям и зрителям взглянуть на предмет, которым, они думают, в совершенстве владеют, — на русский язык, немножко с другой точки зрения. И понять ответственность за то, что они произносят, когда говорят или думают на этом языке.

По материалам телеканала «Спас»

/ Захар ПРИЛЕПИН /

«Меня кусала злая вша...»

(Национализация Башлачёва)

29 мая в Череповце проходит традиционный башлачёвский фестиваль. На фестиваль приезжают рок-музыканты и поют: вспоминают друга и собрата по ремеслу.

В этом году меня пригласили выступить на фестивале ведущим. Думаю, основания более-менее ясны: я много писал о Башлачёве, я очень люблю и хорошо знаю русский рок, я немного сочиняю и немного пою, я не знал лично Башлачёва — был ещё очень юн, когда Саша погиб, — но я записывал совместные песни со многими из тех, кто был дружен с ним: с Кинчевым, с Ревякиным, с Борзыкиным. Я не чуждый рок-н-роллу человек:

лично знаю братьев Самойловых, Чижю и Шевчука, да кого только не знаю; дружу с Сашей Склярком; наконец, я сделал то, чего давно никто не делал: не так давно на канале РЕН ТВ появилась полуторачасовая программа о русском роке — «Соль», и её смотрят миллионы людей. То есть не фигурально, а буквально: миллионы. Последний раз такое было в 90-е.

Если у вас есть какие-то люди, которые имеют схожий, как это называется, бэкграунд — то можете их позвать, и мы вместе решим, кто из нас достойнее этой чести: проводить фестиваль — но, ей-богу, я ж не с улицы зашёл в Череповец.

Тем не менее обнаружилось какое-то количество недовольных моим присутствием. Не думаю, что их много, но их — заметно.

Кто-то, кажется из числа бывших организаторов фестиваля, всё время нудел в блогах, теперь вот выпал из своего гнезда целый Ян Шенкман со статьёй в «Новой газете». Статью уже начали активно распространять в Сети, посему придётся ответить.

Милейший Ян (мы, кстати, с ним тоже знакомы) очень обеспокоен, что Башлачёва у него и его сотоварищей пытаются отобрать. «Главного поэта русского рока, погибшего почти тридцать лет назад, записали в патриотический лагерь» — такой подзаголовок у статьи Шенкмана.

Кажется, если б нашлись исследователи, которые обнаружили в Башлачёве скрытого англофила, или отъявленного русофоба, или законченного буддиста, или воинствующего сторонника гендерного равноправия, или адепта секты прыгунов (не путать со скакунами), законченного феминиста, или фрейдиста, да кого угодно, — подобной реакции это не вызвало бы. Но в патриоты? Какой кошмар!

«У Башлачёва, — уверяет Шенкман, — как у всякого большого поэта, при желании можно найти что угодно. Любой посыл, любую идеологию. Другой вопрос: стоит ли? Можно цитировать «Ванюшу», «Имя Имён» или «Тесто», корневые русские баллады, где он поднимается порой до уровня Хлебникова. А можно язвительные «Слет-симпозиум» и «Подвиг разведчика». Более злой пародии на антиамериканизм и мобилизационное сознание трудно себе представить, и это очень не понравилось бы Прилепину».

Наш Ян просто в умах читает!

Если серьёзно, Шенкман вполне образованный человек, даже с книжками моими знаком, поэтому прекрасно знает, что я и сам сочинял (и по сей день сочиняю) злобные пародии и на квасных патриотов, и на российскую власть, и на все её органы. Более того, вульгарный антиамериканизм меня скорей смешит — всё-таки я жил в США, и страна эта (но не её внешняя политика) мне очень симпатична: об этом я тоже говорил и писал.

Но Яну, конечно же, надо всё упростить, чтоб его куцая мыслишка выглядела максимально убедительно.

Знаешь, Ян, проблема ещё и в том, что «язвительные» песни Башлачёва я сам пою под гитару (даже записи есть), а вот если кто-то их не любит, так это, не поверишь, Борис Гребенщиков, которого ты мне в своей статье приводишь в пример. БГ очень любит СашБаша, но вот именно эти песни считает, прости за цитату, «хернёй». Незадача, правда?

Даже и ты, милый Ян, наверняка не считаешь эти песни вершинами творчества Башлачёва.

Разочарование Башлачёва в рок-н-ролле, — а его действительно постигло разочарование, — заключалось в том, что... Ну, лучше он сам скажет: «Мы очень долго путались в рукавах чужой формы».

Вершины его — иные, перечислять не будем, мы оба их знаем.

И знаешь, что там неоспоримо?

Там неоспоримо великое чувство причастности к русскому народу, растворённости в его судьбе, гордости и горечи о его победах и поражениях. Понимаешь, о чём я?

Даже башлачёвский смех — это смех не издевательский, а горький, страдающий — это улыбка Гоголя и Шукшина, а не постыдное кривляние последних десятилетий.

Ты можешь представить себе Башлачёва, который стал бы говорить про «Россию — вековую рабу», про «крепостное сознание русского человека» и про «ордынскую Московию»? Нет такого Башлачёва.

Башлачёв писал «Время колокольчиков» как оду о том, что рок-н-ролл, эти «искры электричества» в груди, дадут шанс таким уставшим, таким отчаявшимся русским людям вновь почувствовать свою силу, свой род, свою радость, своё будущее.

Конечно же, Башлачёв любил «Роллингов» и «Дорзов» — Шенкман приводит эти смехотворные доводы, чтоб доказать, что Саша был «западником». Но, боже мой! А Пушкин и Достоевский любили французский роман, а Клюев читал по-немецки: немецкую классику в подлинниках, а Есенин был модернистом и все современные модернистские школы знал назубок.

А я люблю The Cure и Марка Алмонда.

Кто и когда сказал Шенкману, что «патриоты» — это такие дикие люди, которые не понимают пародий на Америку и не любят панк-рок? Дикие люди — это те, кто уверен, что всякий, сочиняющий пародии на Америку и слушающий реггей, — человек априори лишённый чувства Родины.

Более того: разочарование Башлачёва в рок-н-ролле, — а его действительно постигло разочарование, — заключалось в том, что... Ну, лучше он сам скажет: «Мы очень долго путались в рукавах чужой формы».

Башлачёв первым попытался привить русскому рок-н-роллу чувство национального родства. Едва ли я ошибусь, если скажу, что на тот момент — в 1984–1986 гг. — в сотнях песен русских рок-н-рольщиков вообще не встречалось слово «Русь», «русский», фольклорные мотивы, былинные

формы. Всё перечисленное появилось впервые у Башлачёва, и в этом смысле (хотя не только в этом) он, безусловно, опередил время.

Башлачёвское влияние можно отследить в таких разнородных фигурах, как Летов или Цой.

Через несколько лет после башлачёвской смерти появился «Русский альбом» Гребенщикова (и он сам выводит его из башлачёвских песен; хотя для Башлачёва эта линия была куда более органичной: это и сам БГ понимает). Одновременно случился «русский переворот» в песнях Ревякина, следом вышел «Шабаш» Кинчева, появились удивительные песни Инны Желанной...

Когда я говорю о «патриотизме» Башлачёва — я имею в виду то самое зрение и тот самый удивительный слух всякого большого художника, что позволяют ему слышать и постигать речь, растворяться в народе, быть его наследником и подмастерьем, слышать биение кровотока в земле.

Но если вы не про метафизическое, а про социальное...

Что ж, и про социальное Башлачёв тоже ответил сам, заранее, в песне «Случай в Сибири».

Помните, он там, согласно сюжету, сидит с одним то ли собутыльником, то ли собеседником, и тот затирает Башлачёву о том, что Сибирь — глушь, а настоящая жизнь в столицах (пора валить, в общем).

Башлачёв, уставший от этого тошнотворного разговора, поёт ему свою песню, а тот в ответ (цитируем песню Башлачёва) хвалит его:

Ловко врезал ты по ихней красной дате.

Ну то есть по «советскому», или, как сегодня говорят (но как никогда бы не сказал сам Башлачёв), по «совку».

Башлачёв реагирует так:

*Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел как мел.
Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял.
Что смог дорисовать рога он на моей иконе.*

Башлачёвская икона — это, конечно же, не «советское» (которое его и мучило, и тяготило своим позднесостойным ханжеством) — а Родина как таковая.

И дальше Башлачёв снова цитирует своего собеседника.

*Как трудно нам — тебе и мне, — шептал он, —
Жить в такой стране и при социализме.
Он истину топил в говне, за клизмой ставил клизму.
Тяжёлым запахом дыша, меня кусала злая вша.
Чужая тыловая вша. Стучало сердце. Звон в ушах.*

Знакомый нам человеческий тип, не правда ли? Мы к нему в 2016 году никак не можем привыкнуть, а Башлачёв его описал в 1984-м. Не загадка ли: откуда ж он знал? Откуда он так всё понял, не пережив ни 91-й, ни 93-й?

Что ответил Башлачёв своему собеседнику в той песне, которую мы цитируем:

*Не говорил ему за строй. Ведь сам я — не в строю.
Да строй — не строй. Ты только строй.
А не умеешь строить — пой. А не поёшь — тогда не плюй.
Я — не герой. Ты — не слепой. Возьми страну свою.*

Именно это Башлачёв завещал всем нам за пять лет до распада страны: не умеешь петь — не плюй, возьми — то есть прими, пойми, полюби — свою страну.

В ответ на это Ян Шенкман цитирует Льва Наумова: «Внешне создаётся впечатление, что Прилепин прав, но это ведь только внешне, если фактов не знать. Известно, с какой иронией Башлачёв относился к своим землякам писателям-деревенщикам, таким как Василий Белов. Я в своей книге привожу воспоминания Парфёнова о том, как они иронизировали над этой эстетикой».

Да не может быть! Я просто оглушён. Башлачёв иронизировал над Василием Беловым! Вот это «факты». Придётся в корне менять отношение к Башлачёву.

Наумов не останавливается, у него ещё есть и другие «факты» в запасе: «Башлачёва поражала рок-эстетика именно в западном понимании. Сохранились альбомы, где он фломастерами рисовал воображаемые концерты западных групп — Deep Purple, Led Zeppelin. Это ему было ближе, чем бардовские дела».

А что, наши барды теперь идут по «почвеннической» линии? И Галич, и Окуджава, и, кто там, Юлий Ким? Или Наумов может мне на пальцах доказать, с очередными «фактами», что Башлачёв считал, к примеру, Deep Purple явлением большим, чем Высоцкий? А если я расскажу, что на моём школьном дневнике было написано *Dereche Mode* — меня Лев и Ян примут в свою компанию?

Кстати сказать, я не раз отпускал публичные издательские комментарии по поводу провинциальных «почвенников», над тем же Василием Ивановичем Беловым пару раз подшучивал, более того, многие романы Астафьева — на дух не переношу. Давайте, может быть, встанем дружно в хоровод, Лёвка и Ян? Покружимся, как мы любим, сначала слева направо, потом справа налево.

Или пусть мне кто-нибудь взрослый объяснит: эти прекрасные люди действительно выдумали какого-то своего Башлачёва и с ним живут? Они же не валяют дурака, верно?

А то всё время кажется, что валяют.

«На афише прилепинского фестиваля — «Алиса», «Ночные снайперы», «7Б», Инна Желанная и, естественно, сам Прилепин, который собирается петь, — рассказывает нам Шенкман. — Была заявлена еще группа «Аукцион», но она отказалась. Те, кто видел устаревшие афиши и рекламные объявления, обратите внимание, это важно: «Аукциона» НЕ БУДЕТ. И вовсе не потому, что их лидер Фёдоров не любит Башлачёва. Как раз наоборот — потому что любит».

Ян, а зачем так беззастенчиво передёргивать? На тебя же люди смотрят.

На самом деле «Аукцион» отказался из-за изменения гастрольного графика. У них новый альбом выходит 1 июня — группа элементарно не успевает подготовиться к презентации. Никакой политики тут нет, рабочая накладка, такое случается.

Если бы «Аукцион» отказался участвовать в том башлачёвском фестивале, который совсем ещё недавно вёл Артёмий Троицкий, Ян таких колонок не писал бы. И Лев Наумов не очень бы волновался, что отдельные резкие высказывания Троицкого о России и русском национальном характере вступают в наглядное противоречие с песнями Башлачёва. И претензий к тому, что Троицкий собирает «пул» музыкантов, близких ему по взглядам, — тоже бы не случилось.

А тут расперезивались, расшумелись.

Демократы — они такие демократы. Они так любят свою собственную демократию, а чужую так не любят. Смотришь на них и умиляешься: как дети, право слово.

...Завершает своё сочинение Ян Шенкман, пространным размышлением на тему русской литературы, которая всегда была за «гуманистические ценности» — не то что я, выступающий за «смерть».

О, я такой готичный, Ян, я такой демоничный. А ты, Ян, такой солнечный, такой жизнеутверждающий: любой это подтвердит, кто читал мои книжки и твои стихи.

Как там у тебя было: *«Я люблю смотреть, как умирают дети и тонет судно/с пожилыми придурками на борту».*

И тот же самый Ян пишет о моих книжках и моих взглядах: «Это, мягко скажем, не вполне в традициях русской литературы, которая все-таки больше гуманистическая, а не людоедская... В традициях другое — волошинское «Молюсь за тех и за других», пушкинская «милость к падшим».

Ян, ну взрослые ж люди, что ты тут устраиваешь... В традициях русской литературы много чего было: и Маяковский, у которого ты гуманистическую строчку про детей подрезал, и Гоголь с вырезанными местами из «Тараса Бульбы»

и выбранными местами из переписки с друзьями, и «упоение в бою» пушкинское, и его же злые реакции на польский мятеж, и Бестужев-Марлинский, и Лермонтов, и Гумилёв, и «белая правда», и «красная правда» — а этого всего уж точно было больше, чем волошинских молитв, и Багрицкий — или ты не любишь Багрицкого? И Эренбург — или ты тоже его не любишь? И даже тебе с твоей мрачной лирикой в нашей обширной литературе место найдётся. Можно даже сказать: нашлось.

Так что ты тут не кривляйся на потребу болванам, а то себе на длинный рукав наступишь и больно упадёшь головой об пол.

Башлачёвский концерт будут проводить я.

В том числе потому, что в русских классических традициях есть многое: и добро, и лихо, и удаль, и задор, и всеоткрытость, и любовь к своему, и жалость, и жестокость.

Всё это было в Башлачёве.

Разница между мной и вами — одна.

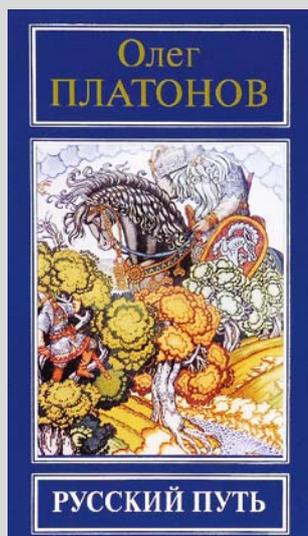
Я говорю, что Башлачёв — сын своего народа. Я его — национализирую.

А вы его, по привычке, приватизируете.

Никто вам не вправе этого запретить, одна проблема: шансов у вас на это — никаких.

Так что привет, мой любезный. И да, чуть не забыл: приходите на концерт, споём с вами хором песню про злую тыловую вшу.

Олег ПЛАТОНОВ. Русский путь. —
М.: Родная страна, 2015. — 416 с.

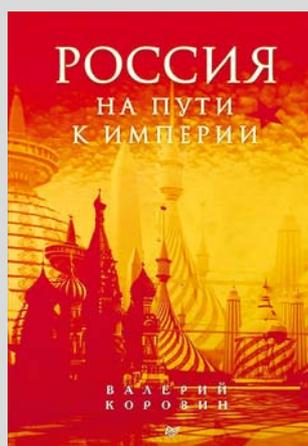
Настоящая книга — подведение итогов развития великой России и русского народа почти за четыре тысячи лет. Это путь великих трудностей и великих побед. У русского народа особый путь. Его всемирная задача состоит в том, чтобы освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которые получила история под влиянием Запада.

Русский народ сыграл главную общечеловеческую роль в борьбе со всеми проявлениями геноцида и агрессии. Именно русские совершили ряд гран-

диозных побед, изменивших положение в мире в пользу добра, приняв решающее участие в уничтожении преступных государственных объединений — Хазарского каганата, Тевтонского ордена, Золотой Орды, Османской деспотии, империи Наполеона, Третьего рейха Гитлера. И до сих пор русский народ является сдерживающим фактором для всех современных мировых агрессоров, и прежде всего — США.

В книге представлены 276 цветных иллюстраций.

Валерий КОРОВИН. Россия на пути к империи. —
СПб: Питер, 2016. — 320 с.

С момента крушения СССР тема империи не покидает глобальной повестки дня. Сначала о ней заговорили на Западе — в интеллектуальных кругах, а потом всё более открыто и откровенно; такие американские политологи, как Збигнев Бжезинский, Пол Вулфовиц, многие другие эксперты заявили о том, что Америка строит «Империю». «Мы создали первую и поистине глобальную мировую «Империю», — утверждает американский «экономический убийца» Джон Перкинс. И если распавшийся Советский Союз, по мнению американцев, являлся «империей зла», то чем стала Россия, пожертвовавшая советским проектом ради того, чтобы больше не представлять угрозу для

Запада? «Нормальным государством», — отвечали либералы, поставив остаточную российскую государственность на грань существования. Но «Россия может быть либо великой, либо никакой». Альтернативой прекращению существования в виде «нормального государства» для России как раз и является... Империя. Имперская альтернатива для России не только возможна, но именно она и обеспечивает нашему государству необходимую выживаемость. Обоснованию и проработке данного тезиса, а также описанию этапов неизбежного продвижения к этой естественной для России форме существования и посвящена книга Валерия Коровина.

Николай СТАРИКОВ. Лаконизмы: Политика. Власть. Общество. —
СПб: Питер, 2016. — 176 с.

Что есть главный дефицит XXI века? Время. Время твиттера и коротких сообщений. Николай Стариков — автор 15 книг о геополитике, экономике и истории, общественный деятель, частый гость эфира радио и ТВ, лидер партии «Великое Отечество». И теперь он решил написать книгу в новом формате. В своей книге «Лаконизмы» Николай Стариков постарался в краткой форме донести до читателя смысл и суть происходящего сегодня с нашей страной.

Темы серьёзные: Политика. Власть. Общество.

Хотите, назовите это лаконизмами. Можете назвать — первой твиттер-книгой о политике. Возможно, кому-то именно этот формат поможет «включиться» в ту суровую реальность, которая в случае её игнорирования начинает стучаться в нашу жизнь изо всех сил. И удары этой реальности очень болезненны, если быть к ней совсем неготовым. Итак, добро пожаловать в реальность!

Хронология мероприятий клуба

14 апреля 2016 года

В Международном фонде славянской письменности и культуры состоялся круглый стол Изборского клуба по теме «Культурная мощь Русского мира как недооцененный потенциал», на котором высказались постоянные члены клуба **Виталий Аверьянов, Владимир Борто, Сергей Черняховский**, а также приглашённые эксперты. Отчёт о данной мероприятии см. в настоящем номере.

20 апреля 2016 года

В Ярославском государственном университете имени П. Г. Демидова прошло заседание Изборского клуба «Русский мир и национальная идея России», в котором приняли участие местные эксперты, представители профессуры, духовенства, журналисты, а также студенты университета.

22 апреля 2016 года

В Брянской областной научно-универсальной библиотеке им. Ф. И. Тютчева Изборский клуб провёл круглый стол «Сохранение историко-культурного наследия Русского мира», в котором участвовал ряд постоянных членов клуба, местные эксперты, историки, краеведы, представители общественности.

28 апреля 2016 года

В Нижнем Новгороде в конференц-зале Центральной городской библиотеки Изборский клуб организовал и провёл заседание по теме «Сожжение людей в Одессе 2 мая 2014 года как элемент и символ борьбы против Русского мира», в котором приняло участие большое число представителей местной общественности, экспертного сообщества. По итогам обсуждения было принято решение о проведении местным отделением клуба 2 мая 2016 года акции

памяти о погибших в Одессе в центре города (акция была успешно проведена).

7 мая 2016 года

В Оренбурге на базе епархиальной православной гимназии им. Св. прав. Иоанна Кронштадтского прошла дискуссия Изборского клуба «Евразийство как образ Русского мира», в ходе которой выступили местные активисты и эксперты, представители общественности, православного и исламского духовенства, а также гости из других регионов.

17 мая 2016 года

В Курском государственном университете состоялось заседание Изборского клуба на тему «Русский мир. Содержание и смыслы», в котором приняло участие большое число местных экспертов, представители духовенства, научного сообщества, интеллигенции.

18–20 мая 2016 года

Александр Проханов посетил Курганскую область, где провёл встречи с читательской общественностью и презентовал новые книги. В этой поездке писатель общался с большой аудиторией в Курганском госуниверситете, побывал в Свято-Казанском Чимеевском монастыре, в научных и промышленных центрах региона, в частности, на «Курганмашзаводе», провёл встречу с губернатором области Алексеем Кокориным.

27–30 мая 2016 года

Делегация Изборского клуба во главе с его председателем **Александром Прохановым** совершила масштабную поездку в Краснодар, проследовав затем в Сочи и Абхазию. В поездке приняли участие постоянные члены клуба: **Олег Розанов, Валерий Коровин, Николай Стари-**

ков, Сергей Кочергин, а также пресс-секретарь клуба **Екатерина Глушик**.

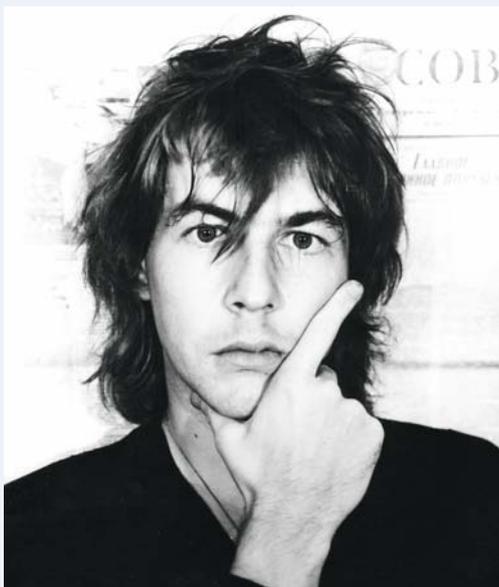
Выездное заседание клуба в Краснодарском крае было увенчано открытием регионального отделения на Кубани. Председателем нового отделения Изборского клуба избран **Роман Плюта** — председатель межрегиональной общественной организации «Православный союз».

27 мая в Кубанском государственном университете был проведён представительный круглый стол «Современная Россия: уроки прошлого, вызовы настоящего» с участием региональных экспертов, чиновников краевой администрации, депутатов Законодательного собрания края, представителей большого числа политических и общественных патриотических движений. Председатель Изборского клуба Александр Проханов очертил основные задачи, которые стоят сегодня перед патриотической общественностью. При этом он подчеркнул, что «патриотизм для изборцев — это надпартийная категория. Это такая мощная субстанция, которая расплавляет в себе противоречия разных партий и коалиций».

В краснодарском епархиальном управлении делегацию Изборского клуба принял митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор. Затем делегация Изборского клуба встретилась с заместителем губернатора Краснодарского края Андреем Николаевичем Коробкой.

Затем члены Изборского клуба выступили с докладами на 29-х Адлерских чтениях — международной научно-просветительской конференции «Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности. 25 лет без Советского Союза».

30 мая делегация Изборского клуба отправилась в Абхазию. Побывав в Сухуми — столице республики, изборцы посетили основные христианские святыни Абхазии — Команский монастырь святого Иоанна Златоуста, Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, Патриарший собор в честь апостола Андрея Первозванного, построенный в Пицунде в начале X века. В Абхазии с представителями местной общественности обсуждался вопрос о возможном создании в республике отделения Изборского клуба.

/ Александр БАШЛАЧЁВ /

По Руси по руслу течёт река

ХОЗЯЙКА

Сегодня ночью — дьявольский мороз.
Открой, хозяйка, бывшему солдату.
Пусти погреться, я совсем замерз,
Враги сожгли мою родную хату.

Перекрестившись истинным крестом,
Ты молча мне подвинешь табуретку,
И самовар ты выставишь на стол
На чистую крахмальную салфетку.

И калачи достанешь из печи,
С ухватом длинным управляясь ловко.
Пойдёшь в чулан, забрякают ключи.
Вернёшься со своей заветной поллитровкой.

Я поиграю на твоей гармонии.
Рвану твою трёхрядку от души.
— Чего сидишь, как будто на иконе?
А ну давай, пляши,
пляши, пляши!..

Когда закружит мои мысли хмель,
И «День Победы» я не доиграю,
Тогда уложишь ты меня в постель,
Потом сама тихонько ляжешь с краю.

А через час я отвернусь к стене.
Пробормочу с ухмылкой виноватой:
— Я не солдат... Зачем ты веришь мне?
Я всё наврал. Цела родная хата.

И в ней есть всё — часы и пылесос.
И в ней вполне достаточно уюта.
Я обманул тебя. Я вовсе не замерз.
Да тут ходьбы всего на три минуты.

Известна цель визита моего —
Чтоб переспать с соседкою-вдовою.
А ты ответишь: «Это ничего...» —
И тихо покачаешь головою.

И вот тогда я кой-чего пойму,
И кой-о-чём серьёзно пожалею.
И я тебя покрепче обниму
И буду греть тебя, пока не отогрею.

Да, я тебя покрепче обниму
И стану сыном, мужем, сватом, братом.
Ведь человеку трудно одному,
Когда враги сожгли родную хату.

1983

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Легче, чем пух, камень плиты.
Брось на неё цветы.
Твой плауег гоняет отличный рок,
Но зря ты вошёл с ним за эту ограду.
Зря ты спросил, кто сюда лёг.
Здесь похоронен ты.
Это случилось в период мечты
Стать первой звездой своего хит-парада.

Я жил радостью встреч
И болью прощания.
Смотри на меня.
Ведь мы говорим, значит, можем
петь песни.
Постой! Нас может сжечь
Минута молчания.
Не бойся огня.
Ведь если сторим, значит,
снова воскреснем.

Твой телекастер красив, как кастет.
Но твой микрофон, как кляп.
И кто сосчитал, сколько монет
Брошено мимо протянутых шляп.

Несколько лет, несколько зим...
Ну как ты теперь, звезда?
Несколько Лен, несколько Зин
И фото в позавчерашней газете...
Но чем пахнет вода
В твоём роскошном клозете?
Ты спекулируешь сказкой
О лучших мирах,
Нуждаясь в повышенной
дозе наркоза.
И вновь прячешь свой прах
В стандартной кассете.
Я вижу, как ложь
превращается в страх,
И это логичная метаморфоза.

Ты продаёшь радужный грим.
Ты покупаешь дым.
Скучно дразнить мёртвого льва
И пить с тобой спирт
из высоких фужеров.
Ты не поймёшь меня.
Ты не шагнёшь
Через себя к себе.
Так не лги о борьбе —
Велики все слова
Тебе — лилипуту в стране Гулливеров.

Забудь боль наших встреч
И радость прощания.
Я вижу, огню больше нечего сжечь.
Тебе, как обычно, пора на конвейер.
И всё же попробуй сберечь
Минуту молчания.
Но ты бросишь цветы
На край могильной плиты.
Потом улыбнёшься и включишь свой player.

1984

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Однозвучно звенит колокольчик Спасской башни Кремля.
В тесной кузнице дня Лохи-блохи подковали Левшу.
Под рукою — снега. Протокольные листы февраля.
Эх, бессонная ночь! Наливай чернила — всё подпишу!

Как досрочник-ЗК, два часа назад откинулся день.
Я опять на краю знаменитых вологоданьских лесов.
Как эскадра в строю, проплывают корабли деревень,
И печные дымы — столбовые мачты без парусов.

И плывут до утра хутора, где три кола — два двора,
Но берут на таран всероссийскую столетнюю мель.
Им смола — дикий хмель. А еловая кора им — махра.
Снежок — сахарок. А сосульки им — добра карамель.

А не гуляй без ножа! Да дальше носа не ходи без ружья!
Много злого зверья, ошалело — аж хвосты себе жрёт.
А в народе зимой — ша! — вплоть до марта боевая ничья!
Трудно ямы долбить. Мерзлостём коловорот не берёт.

Ни церквушка, ни клуб. Поцелуйте постный шиш вам баян!
Ну а ты не будь глуп! Рафинада в первачок не жалей!
Не достал нас «Маяк». И концерты по заявкам сельчан
По ночам под окном исполняет сводный хор кобелей.

Под окном по ночам — то ли песня, то ли плач, то ли крик,
То ли спим, то ли нет! Не поймешь нас — ни живы, ни мёртвы.
Лишь тропа в крайний дом над обрывом вьётся, как змеевик, —
Истоптали весь снег на крыльце у милицейской вдовы.

Я люблю посмотреть, как купается луна в молоке.
А вокруг столько звёзд! Забирай хоть все — никто не берёт.
Значит, крепче стал лед. Мёрзни, мёрзни волчий хвост на реке!
Нынче — славный мороз. Минус тридцать, если Боб нам не врёт.

Я устал кочевать от Москвы до самых дальних окраин.
Брёл по горло в снегу. Оглянулся — не осталось следа.
Потеснись — твою мать! — дядя Миша, косолапый хозяин!
Я всю ночь на бегу. Я не прочь и подремать.

Но, когда я спокойно усну, тихо тронется весь лёд в этом мире,
И прыщавый студент — месяц Март — трахнет бедную
Старуху Зиму.
Все ручьи зазвенят, как кремлёвские куранты Сибири.
Вся Нева будет петь. И по-прежнему упадать в Колыму.

1984

НЕКОМУ БЕРЕЗУ ЗАЛОМАТИ

(Окно в Европу)

Уберите медные трубы!
Натяните струны стальные!
А не то сломаете зубы
Об широты наши смурные.

Искры самых искренних песен
Полетят как пепел на плесень.
Вы все между ложкой и ложью,
А мы все между волком и вошью.

Время на другой параллели
Сквозняками рвётся сквозь щели.
Ледяные чёрные дыры.
Ставни параллельного мира.

Через пень-колоду сдавали
Да окно решёткой крестили.
Вы для нас подковы ковали.
Мы большую цену платили.

Вы снимали с дерева стружку.
Мы пускали корни по новой.
Вы швыряли медную полушку
Мимо нашей шапки терновой.

А наши беды вам и не снились.
Наши думы вам не икнулись.
Вы б наверняка подавились.
Мы же — ничего, облизнулись.

Лишь печаль-тоска облаками
Над седой лесною страной.
Города цветут синяками
Да деревни — сыпью чумной.

Кругом — бездорожья, траншеи.
Что, к реке торопимся, братцы?
Стопудовый камень на шее.
Рановато, парни, купаться!

Хороша студёна водица,
Да глубокий омут таится —
Не напиться нам, не умыться,
Не продрать колтун на ресницах.

Вот тебе обратно тропинка
И петлей в родную землянку.
А крестины там, иль поминки —
Всё одно — там пьянка-гулянка.

Если забредёт кто нездешний.
Поразится живности бедной —
Нашей редкой силе сердешной
Да дури нашей злой заповедной.

Выкатим кадушку капусты.
Выпечем ватрушку без теста.
Что, снаружи всё ещё пусто?
А внутри по-прежнему тесно...

Вот тебе медовая брага,
Ягодка-злодейка-отрава.
Вот тебе, приятель, и Прага.
Вот тебе, дружок, и Варшава.

Вот и посмеёмся простуженно,
А об чём смеяться — не важно,
Если по утрам очень скучно,
А по вечерам очень страшно.

Всемером ютимся на стуле,
Всемирно — на нары-полати.
Спи, дитя мое, люли-люли!
Некому березу заломати.

1984

ПОСОШОК

(Блюз ладьи)

Эх, налей посошок, да зашей мой мешок —
На строку — по стежку, а на слова — по два шва.
И пусть сырая метель мелко вьёт канитель
И пеньковую пряжу плетёт в кружева.

Отпевайте немых! А я уж сам отпою.
А ты меня не щади — срежь ударом копья.
Но гляди — на груди повело полынью.
Расцарапав края, бьётся в ране ладья.

И запел алый ключ. Закипел, забурился.
Завертело ладью на весёлом ручье.
А я ещё посолил. Рюмкой водки долил.
Размешал и поплыл в преисподнем белье.

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
Покрути языком — оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.

— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Если хочешь — стихами грехи замолю,
Но объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?

Ни узды, ни седла. Всех в расход. Всё дотла.
Но кое-как запрягла. И вон — пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.

И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси-сохрани».
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что ты, брат, давай! Ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдаётся и ты мне знаком...
Часовой всех времён улыбнётся: «Смотри!» —
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок, да наливай посошок!
На строку — по глотку, а на слова — и все два.
И пусть сырая метель всё кроит белый шёлк,
Мелко вьёт канитель да плетёт кружева.

1985

НА ЖИЗНЬ ПОЭТОВ

Поэты живут. И должны оставаться живыми.
Пусть верит перу жизнь, как истина в черновике.
Поэты в миру оставляют великое имя
затем, что у всех на уме — у них на языке.
Но им всё трудней быть иконой в размере оклада.
Там, где, судя по паспортам, — все по местам.
Дай Бог им пройти семь кругов беспокойного лада
По чистым листам, где до времени — всё по устам.

Поэт умывает слова, возводя их в приметы,
 Подняв свои полные вёдра внимательных глаз.
 Несчастливая жизнь! Она до смерти любит поэта.
 И за семерых отмеряет. И режет. Эх, раз, ещё раз!
 Как вольно им петь. И дышать полной грудью на ладан...
 Святая вода на пустом киселе неживом.
 Не плачьте, когда семь кругов беспокойного лада
 Пойдут по воде над прекрасной шальной головой.

Пусть не ко двору эти ангелы-чернорабочие.
 Прорвётся к перу то, что долго рубить и рубить топорам.
 Поэты в миру после строк ставят знак кровоточия.
 К ним Бог на порог. Но они верно имут свой срам.
 Поэты идут до конца. И не смейте кричать им:
 — Не надо!
 Ведь Бог... Он не врёт, разбивая свои зеркала.
 И вновь семь кругов беспокойного, звонкого лада
 Глядят ему в рот, разбегаюсь калибром ствола.

Шатаюсь от слёз и от счастья смеюсь под сурдинку,
 свой вечный допрос они снова выводят к кольцу.
 В быту тяжелы. Но, однако, легки на поминках.
 Вот тогда и поймём, что цветы им, конечно, к лицу.
 Не верьте концу. Но не ждите иного расклада.
 А что там было в пути? Метры, рубли...
 Не важно, когда семь кругов беспокойного лада
 Позволят идти, наконец, не касаясь земли.

Ну вот, ты — поэт... Еле-еле душа в чёрном теле.
 Ты принял обет сделать выбор, ломая печать.
 Мы можем забыть всех, что пели не так, как умели.
 Но тех, кто молчал, давайте не будем прощать.
 Не жалко распять, для того чтоб вернуться к Пилату.
 Поэта не взять всё одно ни тюрьмой, ни сумой.
 Короткую жизнь. Семь кругов беспокойного лада
 Поэты идут.
 И уходят от нас на восьмой.

1986

СЛУЧАЙ В СИБИРИ

Когда пою, когда дышу, любви меняю кольца,
 Я на груди своей ношу три звонких колокольца.
 Они ведут меня вперёд и ведают дорожку.
 Сработал их под Новый год знакомый мастер Прошка.
 Пока влюблён, пока пою и пачкаю бумагу,
 Я слышу звон. На том стою. А там глядишь — и лягу.
 Бог даст — на том и лягу.

К чему клоню? Да так, пустяк. Вошёл и вышел случай.
 Я был в Сибири. Был в гостях. В одной весёлой куче.
 Какие люди там живут! Как хорошо мне с ними!
 А он... Не помню, как зовут. Я был не с ним. С другими.
 А он мне — пей! — и жёг вином. — Кури! — и мы курили.
 Потом на языке одном о разном говорили.
 Потом на языке родном о разном говорили.
 И он сказал: «Держу пари — похожи наши лица,

Но всё же, что ни говори, я — здесь, а ты — в столице».
 Он говорил, трещал по шву — мол, скучно жить
 в Сибири...

Вот в Ленинград или в Москву... Он показал бы
 большинству

И в том и в этом мире.

— А здесь чего? Здесь только пьют. Мечи для них
 бисеры.

Здесь даже бабы не дают.

Сплошной духовный неуют, коты, как кошки, серы.
 Здесь нет седла, один хомут. Поговорить — да не с кем.
 Ты зря приехал, не поймут. Не то, что там, на Невском...
 Ну как тут станешь знаменит, — мечтал он сквозь
 отрывку, —
 Да что там у тебя звенит, какая мелочишка?

Пока я всё это терпел и не спускал ни слова,
 Он взял гитару и запел. Пел за Гребенщикова.
 Мне было жаль себя, Сибирь, гитару и Бориса.
 Тем более что на Оби мороз всегда за тридцать.
 Потом окончил и сказал, что снег считает пылью.
 Я встал и песне подвязал оборванные крылья.
 И спел свою, сказав себе: «Держись!» — играя кулаками.
 А он сосал из меня жизнь глазами-слизняками.
 Хвалил он: «Ловко врезал ты по ихней красной дате».
 И начал вкручивать болты про то, что я — предатель.
 Я сел, белее, чем снега. Я сразу онемел, как мел.
 Мне было стыдно, что я пел. За то, что он так понял.
 Что смог дорисовать рога,
 Что смог дорисовать рога он на моей иконе.
 — Как трудно нам — тебе и мне, — шептал он, —
 Жить в такой стране и при социализме.
 Он истину топил в говне, за клизмой ставил клизму.
 Тяжёлым запахом дыша, меня кусала злая вша.
 Чужая тыловая вша. Стучало в сердце. Звон в ушах.
 — Да что там у тебя звенит?
 И я сказал: «Душа звенит. Обычная душа».

— Ну ты даешь... Ну ты даешь!

Чем ей звенеть? Ну ты даешь —

ведь там одна утроба.

С тобой тут сам звенеть начнёшь.

И я сказал: «Попробуй!»

Ты не стесняйся. Оглянись. Такое наше дело.

Проснись. Да хорошо встряхнись. Да так, чтоб
 зазвенело.

Зачем живёшь? Не сладко жить. И колбаса плохая.

Да разве можно не любить?

Вот эту бабу не любить, когда она — такая!

Да разве ж можно не любить, да разве ж можно хаять?

Не говорил ему за строй — ведь сам я не в строю.

Да строй — не строй, ты только строй.

А не умеешь строить — пой. А не поёшь — тогда не плюй.

Я — не герой. Ты — не слепой. Возьми страну свою.

Я первый раз сказал о том, мне было нелегко.

Но я ловил открытым ртом родное молоко.

И я припал к её груди, я рвал зубами кольца.
 Была дорожка впереди. Звенели колокольца.
 Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душу,
 В себе я многое глушу. Чего б не смыть плевка?!
 Но этого не выношу. И не стираю. И ношу.
 И у любви своей прошу хоть каплю молока.

1986

ХОРОШИЙ МУЖИК

(Песня о Родине)

Говорила о нём так, что даже чесался язык.
 Не артист знаменитый, конечно, но очень похожий.
 Молодой, холостой, в общем, с виду хороший мужик.
 Только как же, мужик ведь — какой он хороший?

Он к утру приходил на рогах и клонился как штык.
 А она, уходя по утрам, укрывала рогожей.
 И сегодня, шагая с работы, сказала: «Хороший мужик».
 — Ой, да брось ты, мужик ведь — откуда хороший?

И пила свою чашу и горькую стопку до дна.
 Только тем и ломила хребты с недоноскою ношей.
 — Не сердись, ты хороший мужик, — утешала она.
 И он думал: «Гляди-ка, мужик я, а всё же хороший».

И на брачное ложе сходила, как на пьедестал.
 Лишь слегка задыхалась. Да нет же! Дышала,
 как юная лошадь.
 Ну а он ещё спал. Жаль, конечно. Да, видно, устал.
 — Ну а ты как хотела? Мужик ведь — и сразу хороший.

Подметала свой пол белой ниткой да прям
 сквозь толстый ватин.
 Чтоб не лечь натошак, до рассвета на кухне курила.
 — Ты хороший мужик, — кружевами его паутин
 Перепутала всё, говорила и боготворила.

И однажды, сорвав её швы да с изнанки судьбы —
 Да клочками резина и вата, да клочьями кожа —
 Он схватил и понёс на руках, как на дыбу,
 поставил её на дыбы.
 Только крикнуть успела: «Мужик он и вправду хороший!»

Не Варвара-краса, да не курица-Ряба.
 Не артистка, конечно, но тоже совсем не проста.
 Да Яга не Яга, лишь бы только хорошая баба.
 И под мышку к ней влез и уснул, как за пазухой у Христа.

Холостые патроны да жёны про всех заряжены.
 Он по ней, как по вишне, поёт над кудрявой ольхой.
 Так и поняли все, что мужик он хороший. Гружёный.
 Ну а вы как хотели? Мужик ведь — с чего бы плохой?

1986

ПЛЯШИ В ОГНЕ

Ой-е-е-ей! Бог с тобой!
 Ой-е-е-ей! Бог с тобой!

Если я с собой не в ладу, чтоб ей оборваться, струне,
 Но раз уж объявился в аду — так и пляши в огне!
 Раз уже в аду, так ты пляши в огне.
 С ходу пропаду, если нет ни души во мне.

Мне бы сотворить ворота у трёх дорог.
 Да небо своротить охота до судорог.

Гадами ползут времена, где всяк себе голова.
 Нынче — Страшный зуд. На, бери меня, голого!
 Нынче Скудный день. Горе — горном, да смех в меха!
 С пеньем на плетень, — горлом — красного петуха.

С ниточки по миру отдам, значит, сберегу.
 С ниточки по миру — да что я ещё могу!

Но сбей озноб да брось меня в пот.
 Каков лоб, таков и приход.
 Но дай восход, и я его подожгу.

Воля уготована всем, кому вольготно.
 Мне с моею милою — рай на шабаше.
 У меня есть всё, что душе угодно,
 Но это только то, что угодно душе.

Ой, не лей елей, да я не пью, я пою, да нынче мне в седло.
 Пей да не жалея, ведь праздник на моей стороне.
 Всё бы хорошо, да в одиночку не весело.
 Да почему бы нам с тобой не плясать в огне!

Чтобы пятки не жгли угли да не пекла зола.
 Да не рубиться в рубли, да от зла не искать бы зла.

Я тобой живу, но прости, мне сны — не житьё.
 И я не согрешу против истины, согрешив за неё.

Мы облучены, и я иду на звон струны из твоей косы.
 Мы обручены, и значит, время задуть часы.
 Время выйти в лес, где поляны твои святы.
 Времени в обрез — цветы и ещё цветы.

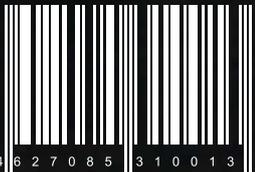
Я тебя люблю, и я уйду, раз уж я пришёл.
 Я тебя люблю, по колено мне трын-трава.
 Так вей славянским словом, молва, как всё хорошо!
 Славно на земле, где всяк всему голова.

Я тебя люблю и в облака смотрю свысока.
 Весело ли грустно, да по Руси по руслу течёт река.

Как течёт река в облака, а на самом дне
 Мечется огонь, и я там пляшу в огне!

1986

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3